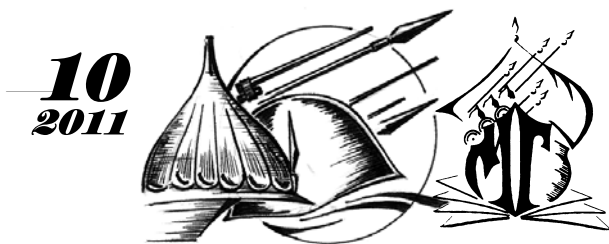

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Союз писателей России

Ежемесячный литературно-художественный
и общественно-политический журнал

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Дмитрий ДИВЕЕВСКИЙ. **Неизбежность перемен.**
Цена вопроса 3
Ирина ЛЕБЕДЕВА. **Революции, которых не было** 12
Валерий ПОЗДНЯКОВ. **Космическая путинокрация** 98
Георгий ГАРИН. **Наследник Гайдара** 107
Михаил ХАЗИН. **О конце мира** 121

ПРОЗА

Евгений БОГДАНОВ. **Расстрел.** Роман-дознание.
Продолжение 17
Эдуард СКОБЕЛЕВ. **Что он не успел сказать?..**
Рассказ 139
Федор ОШЕВНЕВ. **Умелец.** Рассказ 174
Виктор СМИРНОВ. **Детство на развалинах.** Рассказ 194
Леонид СЕРГЕЕВ. **Мой великий друг.** Рассказ 258

ПОЭЗИЯ

Стихи лауреатов Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина

Павел КОСЯКОВ. Вдали от столичных утех	127
Виталий СЕРКОВ. Памятью и ветром	131
Эмма МЕНЬШИКОВА. Свет в душе	135
Стихи поэтов России	266

РУССКИЙ ВОПРОС

Борис ВИНОГРАДОВ, Андрей САВЕЛЬЕВ. Мульти- культурализм не пройдет	154
Владимир СМЫК. Ветер времени	161
Владимир ПЕТРОВ. Смердяковщина: от любви — к толерантности	167

ДОСЬЕ «МГ»

Валерий ЗЕНКОВ. Нарковойна с Россией	201
Николай СЕНЧЕНКО. Американская «крыша» наркомафии в Афганистане	210

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Валерий ЧАРУШНИКОВ. Кривое зеркало либеральной историографии	217
Елена ПУСТОВОЙТОВА. Пуля из сорок пятого	240

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Игорь ПЫХАЛОВ, Игорь БОЙКОВ. Будем бороться за правду	247
--	-----

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ. Разрушение образования ...	273
---	-----

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

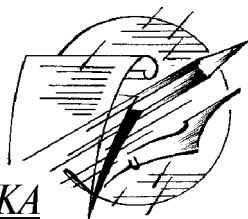
Владимир ДЕСЯТНИКОВ. Дневник русского. Продолжение	277
---	-----

НЕИЗБЕЖНОСТЬ ПЕРЕМЕН

Дискуссия о том, что лучше, социализм или капитализм, давно вышла в России за рамки политологических и межпартийных баталий, приобретая все большее общественное звучание. Причина понятна — 20 лет неудачных попыток поставить страну на путь динамичного рыночного и демократического развития повсеместно породили вопросы о жизнеспособности нового проекта. Сегодня сомнения в его эффективности высказывают даже те, кто ратовал за него в 1991 году.

Однако нужно сразу сказать, что о возврате к тому реальному социализму, который существовал до 1991 года, сегодня не может быть речи. Это пройденная глава истории и повторить ее еще раз невозможно. В первую очередь потому, что главный строительный материал — человек, приобрел новые качества.

Для начала необходимо отойти от марксистского тезиса о главенстве материального над духовным и посмотреть на дело следующим образом: какова была трансформация духовного состояния российского общества за период с 1991 года до настоящего вре-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

мени и о чем она свидетельствует? Возможно, это даст дополнительную «наводку на резкость».

Зададим первый вопрос:

— Что отнял проект рыночной демократии у бывшего советского человека в социальном ощущении?

Он отнял два уникальных, неизвестных буржуазному миру духовных состояния.

1. Ощущение себя творцом истории. Сегодняшний житель рыночной демократии мал как муравей, озабочен своими мелкими интересами и далек от сопричастности к деланию своей национальной, и уж тем более, мировой истории. Советский человек был к деланию истории на практике причастен и оттого ощущал себя более масштабно. Он был полон осознания своего человеческого и гражданского достоинства.

2. Ощущение народного единства, которое особенно сильно укрепилось в период Великой Отечественной войны. До сих пор из народной речи не исчезло местоимение «мы», которыми люди пользуются для обозначения действий страны в целом. Мы были консолидированной нацией, и это было очень ценное качество общества. Сегодня это чувство почти полностью разрушено и если еще держится, то в старших группах населения. А формулировка «эта страна», заимствованная из американского обихода в обозначении собственной родины, становится все больше ходовой.

Зададим второй вопрос:

— Что дал бывшему советскому человеку новый проект рыночной демократии в социальном ощущении?

Первое и главное завоевание — это мироощущение свободного человека. Антисоветская контрреволюция проводилась с большим размахом и щедрыми «подарками» населению. В результате на первых порах появились немыслимые для России свободы — свободы собраний, шествий, манифестаций, основания партий и так далее. Люди попали в атмосферу, какой в нашей стране не было никогда и не в последнюю очередь поэтому поначалу поддерживали режим Б. Ельцина. Однако эти завоевания сегодня уменьшились, как шагреневая кожа, и имеют тенденцию к дальнейшему сокращению. Подобное явление неизбежно, так как сохранить существующую степень ограбления страны и невиданного социального неравенства можно только затыкая рот стремительно умножающимся критикам нового проекта.

Поэтому мы можем со всеми основаниями говорить о том, что главное завоевание антисоциалистической контрреволюции — буржуазные гражданские свободы — в нашей стране последовательно ликвидируются.

Поэтому реальное мироощущение современного российского гражданина заключается в сочетании чувства относительной свободы, горького понимания ее условности и возрастающего отчуждения от общества.

Теперь о самом главном.

Возможно, новый проект рыночной демократии сумел бы завоевать симпатии в народе, если бы не столь криминально проведенные реформы и появление в результате них криминального правящего класса (что случается далеко не в каждой реформируемой стране). Такой класс не может возглавить прогрессивного развития общества. Поэтому самый главный духовный порок нового проекта заключается в том, что вместо исторического оптимизма он принес распространение упадничества.

Ключевым источником пробуксовки российского варианта рыночной демократии является ненасытный спрут олигархата, порождающий такие явления, как массовая коррупция госаппарата, разграбление национального достояния, деиндустриализация и деинтеллектуализация страны, низведение ее до статуса периферии развитого мира.

Чем больше проходит времени, тем отчетливее становится понятно, что олигархат является раковой опухолью всего общественно-экономического организма России, приносящей опасные болезни обществу.

Именно эта главная особенность рыночной демократии по-русски диктует срочную необходимость ликвидации олигархического паразита. Криминальный правящий класс, безоглядно грабящий страну, ведет ее к экономической катастрофе. Находящееся в напряженном состоянии духа общество начинает просыпаться к протесту. Точно так же, как это уже случилось в ряде развивающихся стран, протест сначала сформируется в интернете, а затем выплеснется на улицы. Правящие силы эксплуататорского класса надеются предотвратить эту опасность «примочками» вроде лицемерной борьбы с коррупцией или висящей в воздухе программы инноваций, но эти начинания не касаются самого главного, неприемлемого для русского мира положения — сумасшедшей несправедливости в распределении национального богатства, от которой страдает подавляющее большинство населения.

Ликвидация этой несправедливости в российских условиях возможна только через национализацию естественных монополий и постановку под контроль всех их финансовых потоков. Одно это в разы увеличит поступления в бюджет и позволит по-новому подойти к формированию социального пакета. Те руководители страны, которые не хотят понимать

неизбежности национализации естественных монополий, только приближают самую нежелательную и самую страшную развязку углубляющегося социального конфликта.

Помимо этого в стране накопилась масса других структурных и функциональных перекосов. Чем дальше, тем больше они будут взывать к революционному пути своего исправления. Этого нельзя допустить. Исправление ситуации заключается только в последовательном устранении нарывов. Как сказано выше, первым должен быть устранен олигархат. Это существенно очистит атмосферу в обществе и снизит напряженность. Исчезнут многие материальные предпосылки для коррупции в высших эшелонах власти, появится возможность притока в экономику честных предпринимателей, готовых служить своей стране. Приоткроется дверь в будущее.

Но это лишь минимум необходимого из того, что нужно предпринять, чтобы остановить движение к катастрофе. Упорядочивание функционирующих систем неизбежно вынесет на поверхность и вопрос о состоянии национального духа. О чем идет речь? Общество России, как и любое другое общество нуждается в понятном и простом наборе морально-этических ценностей, которые становятся основой для личного поведения, воспитания детей, формирования общественных отношений. Новый проект небрежно обошелся с этим вопросом, указав на Запад — мол, там и заимствуйте. Результат оказался печальным. Русские заимствования у «цивилизации инстинктов» привели к стремительному процессу деградации духовного и культурного состояния общества.

Поэтому следует по-новому взглянуть и на неизбежную национализацию естественных монополий. Эта национализация вернет в экономику достаточно существенный социалистический сектор. Кроме того, стало очевидным, что Россия не может успешно решать на коммерческой основе вопросы здравоохранения, просвещения, заботы о детстве и старости. Их также придется возвращать в лоно государственной заботы до лучших времен. В результате в нашу жизнь вернется хотя и достаточно узкая, но жизненно важная группа отраслей с государственным (социалистическим) способом управления. А вместе с ней вернется и прежнее понимание того, что мы единый народ и единое государство. Начнет преодолеваться разрыв между личностью и обществом. Это станет предпосылкой для изживания исторического пессимизма.

Тем не менее даже выздоравливающее общество для гармоничного развития требует «сверхзадачу». Такая «сверхзадача» в нашем случае должна лежать вне рамок внутреннего развития страны. Россия не может замкнуться сама в себе.

Для этого она слишком велика и слишком инерционно ее имперское наследие. Сама история учит нас, что вместо торжества этой инерции ей следует придать новый импульс. Это станет живительным эликсиром для возрождения великой, многонациональной, устремленной в будущее страны.

Представляется, что наилучшим мировым дискурсом обновленной России должен стать спокойный, не агрессивный, но последовательный антиглобализм, идеология которого будет основываться на традиционных ценностях основных мировых религий, в первую очередь, православия.

Почему? Потому, что экспансия глобализма происходит под черными знаменами безбожия и меркантилизма. Везде, где устанавливается новый американский порядок, происходит крушение национальных устоев, разложение национальной духовности, все подчиняется корысти и лжи. Однако сегодня в мире нет силы, которая могла бы стать центром сопротивления этому катастрофическому для человечества развитию. Появление такой объединительной силы давно назрело и ожидается всеми теми, кто понимает опасность глобализации. Именно Россия, с ее историей, с ее природным и человеческим потенциалом, с особостью национального еще не загубленного бытия, способна и должна стать таким центром.

Как в таком случае будут выглядеть внутренние морально-этические скрепы российского общества, на какую идеологию оно станет опираться? Представляется, что ведущим общественным мировоззрением (а таковое имеется в любом государстве) должно стать христианско-социальное понимание мира. Здесь нет ничего нового. Это скорее заимствование из нашей истории лучших традиций и способов общежития и переложение их на современный лад. Ведь только при том условии, что традиционные ценности (а это заповеди Святого Писания) и социальные гарантии в нашем обществе **неприкосновенны**, мы способны выжить в столкновении с глобализмом.

И, конечно же, перемены повлекут обновление политического спектра жизни страны. Реальная политическая свобода в ней станет возможна только после того, как будет лишена своего довлеющего и беспардонного статуса партия «Единая Россия». Сегодня, несмотря на все свои попытки стать «лидером нации», она олицетворяет собою общественный регресс, ибо состоит из представителей коррумпированной власти. На смену ей должна прийти новая политическая сила, реально понимающая вызовы истории и роль своего народа в ней. Такая сила зарождается в донных течениях общества, и она должна будет заявить о себе.

В дни натужно-радостного празднования властями восьмидесятилетия Бориса Ельцина нет необходимости в бесчисленный раз раскладывать деяния этого человека на плюсы и минусы, пытаясь подвести некий объективный баланс. В практической политике такие балансы мало полезны. Они больше годятся политологам для написания заказных публикаций. Главным и окончательным судьей каждого своего руководителя всегда является народ. Именно поэтому умудренный опытом В.В. Путин не стал активно фигурировать в репортажах новостных программ по поводу празднования этого юбилея, ограничившись лишь обязательным упражнением — выступлением на торжественном концерте в Большом театре, который мало кто из трудового люда захотел посмотреть. Премьер хорошо знает, как к первому президенту России относятся простые люди на уровне безошибочного народного восприятия власти. Это отношение стало плохим с 1991 года и до сих пор не изменилось. Значит, у премьер-министра еще имеются личные политические планы, коли он не хочет снижать своего рейтинга в последний год перед выборами.

Диаметрально противоположно ведет себя президент Д.Медведев, демонстративно вставая в поживевший строй верных сторонников Ельцина и созывая в день его юбилея СРИГОПЧ (совет по развитию институтов гражданского общества и прав человека) в Екатеринбурге. Президент смотрит поверх голов населения в далекое будущее, полагая, что история еще отольет Б.Ельцину нерукотворный памятник. Это, безусловно, смелый шаг, но он одновременно свидетельствует о принадлежности президента к той группе российских политиков, которые не хотят видеть бесперспективность смены национального проекта, осуществленного при активном и безоглядном участии Б.Ельцина.

Именно на роли Б.Ельцина в этом акте следует остановиться отдельно.

Сегодняшняя действительность убедительно свидетельствует о том, что разрушение великой пролетарской империи СССР свершилось ради химер «свободы, равенства и братства», которые на поверку оказались не более чем приманкой для простаков.

20 лет неустанной реформаторской деятельности команды Ельцина, а затем ее последователей, привели к исчезновению с политической карты планеты великого многонационального государства и превращению его в международный огород для выгона олигаргических козлиц. Спорить с этим бессмысленно.

Зададимся вопросом: может быть, сдача геополитических позиций СССР себя оправдала ради появления комфортабельного и благополучного общества в уменьшенном российском масштабе? Может быть, разрушив СССР, Ельцин дал нам новую, свободную жизнь? Ведь забурлила же при нем всевозможная свобода (от свободы рэкета до свободы шестивий), что, конечно же, должно было привести однажды к кристаллизации нового порядка.

Сегодня в РФ уже невозможно добиться регистрации новых партий и движений. Лавочка закрыта. Даже одухотворенный дружбой с первыми лицами государства С. Миронов, руководитель «Справедливой России», получил дулю в нос, когда захотел зарегистрировать общественное движение «Россия, вперед!». Игры завершились простой констатацией того факта, что у власти теперь есть собственная партия, воплощающая «ум, честь и совесть» сегодняшнего российского бытия и называется она «Единая Россия». Эта партия заботится исключительно о своей свободе, играет на политическом футбольном поле с недоростками вроде ЛДПР и «Справедливой России», а сильные конкуренты ей не нужны. Так было в ГДР, ЧССР и т.д. До боли знакомая картина времен реального социализма. Но коммунисты были действительно могучей силой, опиравшейся на народ. А на кого опирается «Едросья»? Возникает вопрос: они для того СССР разрушили, чтобы правящей партией стало новое подобие КПСС?

Выглядит ли РФ лучше СССР в вопросе свободы собраний, манифестаций, демонстраций? Об этом хорошо бы спросить у Б. Немцова, который был одним из наиболее активных сторонников Б. Ельцина. Сейчас его и ему подобных держат за шпану, предписывая собираться на задворках Москвы и бросая в кутузку по обвинению в «сопротивлении представителям власти». Вот она какая, «свобода». Как не вспомнить времена диссидентов?

Обширный раздел социальных вопросов можно просто не затрагивать. Он безнадежно проигрывает в сравнении с советскими временами. Это же относится и к внешней и к оборонной политике. Везде сравнения не в пользу либеральной российской власти.

Так чего ради происходил слом? Ради свободы выезда за рубеж, учреждения биржи труда, свободы «желтой прессы», свободы порнографии и проституции? Почему в России, выйдя из дома без паспорта, можно оказаться в милийском обезьяннике? Почему приезжие гастарбайтеры как огня боятся милийских патрулей и разбегаются по щелям как тараканы? Было ли такое в СССР?

В поисках ответа снова и снова возникает вопрос цены разрушения, которое возглавил Б.Ельцин. Чем участие граждан в парламентских выборах сегодня принципиально отличается от выборов в советские органы власти? Тем, что в списке представлены кандидаты от разных партий? Но это же клоунада. Мы все знаем, что результат предопределен. И кто будет контролировать Думу, ни у кого спрашивать не надо. Принципиальное отличие заключается, наверное, в том, что, советские органы власти работали на народ. А сегодня....

Сегодня мы со страшной силой начинаем развивать СРИГОПЧ, полагая, что из него проклюнется гражданское общество. Оно не проклюнется до тех пор, пока криминал будет олицетворять в стране вторую власть. А СРИГОПЧ криминалу не указ. Но если бы оно и проклюнулось, то ничего, кроме некоего упорядочивания жизни на низах оно не смогло бы одолеть, потому что власть ему никто не отдаст.

Борис Ельцин шестьдесят лет своей жизни был советским человеком и более тридцати лет коммунистом. Затем он радикально изменил сознание и стал антикоммунистом для того, чтобы наша страна тоже сделала этот неестественный и странный зигзаг в своей истории. Те, кто оседлал сегодняшнюю жизнь, конечно же, ему благодарны. Но ведь это всего лишь благодарность тех, кто ее оседлал. А сколько их?

Политик, считающий себя выразителем народных чаяний должен в первую очередь подумать о том, что это за кривая такая, на которую вытолкнул Россию Борис Ельцин? Куда несет нашу национальную повозку? Почему всё больше думающих людей трубят об опасности новых потрясений?

Б.Ельцин не был мыслителем, теоретиком или даже размышляющим политиком. Это был типичный функционер, самоотверженно боровшийся за власть. Главной целью Б.Ельцина была личная власть, ее завоевание и удержание. Отсюда развал СССР. Понимал ли он в Беловежье, какие мировые события влечет за собой подписание предательского акта? Нет, он не мыслил геостратегически. Отсюда произошло множество ошибок и преступлений, среди которых наиболее кровавыми являются первая чеченская война и предательство Югославии.

Но это все принадлежит прошлому. Сегодня мы должны попытаться понять, куда затягивает нас наследие Б.Ельцина? Государственная практика российских властей все больше и больше демонстрирует классовый подход ко всему комплексу прав человека и конституционных гарантий его свобод. Мы превратились в страну «третьего мира», где правит узкая группа супербогатых людей (многие из которых имеют

иностранные паспорта), неизбежно попирая интересы всего народа и каждого отдельного гражданина.

Рядовой российский гражданин попал в условия борьбы за выживание. А это всегда несвобода, потому что борьба за выживание имеет место только тогда, когда государство не выполняет своих конституционных обязанностей перед гражданином по гарантированию его жизни, здоровья, работы, жилья, образования и так далее. Скованный нуждою народ не может быть свободен. **Вот и весь фундамент. Вот и вся цена разрушения социализма и СССР.**

Иногда кажется, что Д.Медведев искренне не понимает разницы между Россией и Западом. Он верит в то, что мы сможем занять достойное место в «семье цивилизованных народов», следует только навести порядок в нашем государстве, и нас с радостью в эту семью примут. В данном случае хорошо бы перечитать русскую народную сказку «Теремок», ибо, обретя равные права с Западом, Россия превратится в медведя, которому теремок будет тесен. Возможно, подобная интерпретация геополитических реалий более понятна. Запад на генетическом уровне боялся сильной и процветающей России и никогда не помышлял об оказании ей помощи в суверенном развитии. Потому что геополитика, которую он в отличие от наших руководителей никогда не забывает, является жесткой наукой о том, что реальные интересы каждой нации всегда выше декларируемых интересов искусственно созданных организаций и союзов. Сильный сосед всегда представляет для тебя потенциальную опасность. Ты должен думать о том, как этой опасности не допустить. И в первую очередь приходит в голову идея о том, что сосед не должен быть сильным. А уже за ней — мысль о военных базах по периметру его границ.

Игнорирование этих простейших геополитических законов сначала М.Горбачевым, а затем и Б.Ельциным и привели к тому, что мы уже превратились в слабого соседа Запада, подетски надеясь, что он накачает нас инвестициями и мы расцветем всеми цветами радуги.

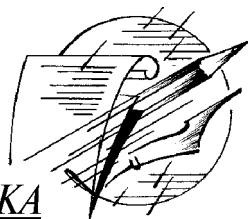
Мексиканцы, свершившие свою демократическую революцию 90 лет назад, тоже надеются, что американцы наконец-то начнут принимать их за людей. Может быть, нам за ними очередь занять, высоко подняв над собою хоругви с портретами М.Горбачева, Б.Ельцина и поправкой Джонсона-Вэника?

РЕВОЛЮЦИИ, КОТОРЫХ НЕ БЫЛО

В феврале этого года мировые СМИ и блоггеры, взвинченные событиями в Тунисе и Египте, пытались проникнуть в смысл сенсационной новости, источником которой стал Госдеп США, объявивший беспрецедентный общий сбор в Вашингтоне послов, консулов и глав миссий более чем 260 дипломатических представительств США в 180 странах мира.

Насколько можно было понять, американских дипломатов собрали в Вашингтоне ради официального представления новой стратегической доктрины американской дипломатии, основной концепцией которой является «лидерство через гражданскую власть».

Перед дипломатами выступил начальник объединенного командования штабов США адмирал Майк Муллен, прочитавший лекцию о гражданско-военных операциях в XXI веке. Построение модели дипломатии по рецептам военных уже никого не удивляет, а заявленный в новой доктрине тезис «американское лидерство через гражданскую власть» связывает представление о «правильной» гражданской власти с требованием к

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

единомыслию в «общегосударственном подходе» к международной политике. На первое место в дипломатии выносятся «экономика с кулаками», которой следует более агрессивно проводить в жизнь «цели тысячелетия» и «глобального управления».

Следующими по значимости докладами на чрезвычайной конференции были программные выступления посла США в ООН Сюзан Райс и нового руководителя Агентства США по международному развитию Раджива Шаха. Основной смысл выступления Р.Шаха: **Госдепартамент США должен быть тараном, обеспечивающим американским транснациональным компаниям место под солнцем в выбранных приоритетных областях глобальной экономики — «продовольственной безопасности», борьбе со СПИДом, борьбе с изменением климата и лидерством в гуманитарных акциях при чрезвычайных ситуациях.**

Намерение протаранить путь большому бизнесу с помощью «Глобальной инициативы здравоохранения» или очередной «Коалиции глобального лидерства», объединяющих «более 400 бизнесов, НКО и экспертов из 50 штатов», сопровождается обещанием делегировать им реальную власть «гражданского общества» в обмен на соответствующее с их стороны «понимание» действий американского государства. Заявку на лидерство в глобальных коалициях оплатили Билл Гейтс, Уоррен Баффет, Тед Тернер, переориентировав бизнес на медицину, продовольствие и борьбу с изменением климата и пообещав отдать 50 процентов благосостояния на инвестиции в «устойчивое развитие» глобальных элит. С недавних пор к «меценатам-патриархам» присоединилась и «молодая поросль» агрессивной глобализации — основатель крупнейшей в мире социальной сети Facebook Марк Цукерберг вошел в число американских миллиардеров, которые согласились оставить как минимум половину своего состояния на общие, «благотворительные цели».

Новая дипломатическая доктрина США претендует на большую в сравнении с привычными «правозащитными» технологиями эффективность вмешательства в глобальную экономику и мировую политику благодаря широкому привлечению частных инвестиций, использованию новейших информационных технологий и переформулированию идеи «народной дипломатии». Документ пытается балансировать между прямым вмешательством администрации США в «изменения» в третьих странах в целях создания благоприятных предпосылок для американского бизнеса и смещением ответственности за процессы дестабилизации на гражданский сектор, к которо-

му якобы переходит лидерство в планировании изменений. В Госдепартаменте теперь предусмотрены новые должности помощников госсекретаря — координаторов по экономическому росту, энергетике и окружающей среде, создан департамент по энергоресурсам, введены должности помощников госсекретаря по гражданской безопасности, контролю над вооружениями и международной безопасности, учреждён специальный департамент по контртерроризму, появился координатор по проблемам кибербезопасности.

Комментаторы недоумевают, с какой стати Госдеп взялся дублировать функции агентств, уже существующих в США? И это при объявленном администрацией курсе на сокращение затрат на содержание госаппарата! Баталии по бюджету госдепартамента на 2012 год еще впереди, а на конференции глав миссий в Вашингтоне Хиллари Клинтон рекомендовала дипломатам повлиять на безответственных законодателей, грозящих сокращением бюджета, «самого скудного в наше скудное время», несмотря на «вызовы американскому лидерству в борющихся арабских столицах».

Последнее замечание Хиллари Клинтон можно отнести разве что на счет несогласованности действий внутри Госдепа, выступающего в некотором роде катализатором этого самого «вызова арабских столиц американскому лидерству». Еще 24 ноября 2008 года тогдашний помощник госсекретаря по народной дипломатии и публичным делам Джеймс Глассман и Джаред Коэн из отдела политического планирования Госдепа на брифинге для американских и зарубежных журналистов с энтузиазмом рассказывали об инициативе по созданию **глобального Альянса молодежных движений**. Речь идёт о прямом участии Госдепартамента США в финансировании, технической и организационной поддержке, обучении и координации оппозиционных молодежных движений в мировом масштабе, прежде всего — на Ближнем Востоке, в Северной Африке, в Латинской Америке и в странах бывшего СССР. Партнерами Госдепартамента в создании глобального Альянса молодежных движений стали Facebook, Google, YouTube, MTV, AT& T, JetBlue. В 2009 году идею Альянса горячо поддержала Хиллари Клинтон. Основателями Альянса являются: бывший советник Кондолизы Райс и Хиллари Клинтон Джаред Коэн, ныне топ-менеджер Google, работающий на могущественный Совет по международным отношениям; Джейсон Либман, создатель компании Howcast, специализирующейся на пропагандистской видеопродукции и учебниках для молодых «революционеров»; Роман Цандер, бывший банковский

аналитик, переквалифицировавшийся на создание информационного продукта для оппозиционной молодежи. Еще на брифинге 2008 года Джаред Коэн и Джеймс Глассман рассказали об их давних связях с египетской оппозиционной молодежной организацией Египта «6 апреля», о планах «ненасильственных протестов» с выводом тысяч протестующих на улицы.

Среди активных участников форумов Альянса молодежных движений российский зритель кинопродукции Nowcast мог бы узнать, к примеру, Наталью Морарь, с жаром рассказывающую об участии в «твиттерной революции» в Молдавии, — точно так же, как мог бы обнаружить в социальной сети «В контакте» призывы лидера «6 апреля» к «борьбе за справедливое будущее» с адресами и телефонами. Подчеркивая значение Альянса молодежных движений как превентивного контртеррористического инструмента государственной политики США, Джеймс Глассман привел в пример партнера Альянса, британскую организацию Quilliam, созданную бывшими политзаключенными Египта, прошедшими через членство в исламской радикальной организации Хизбут-Тахрир. Организация, недавно получившая от правительства Великобритании грант в 1 миллион фунтов стерлингов, тесно сотрудничает со спецслужбами, готовит теоретические рекомендации на тему, как победить исламистов изнутри, слывет «просионистской», проводит тренинги по организации протестов для «социальных активистов».

Организаторы цветных революций новой волны уже не будут дожидаться выборов, чтобы вывести толпу на улицу с требованиями пересчета голосов, приглашения западных наблюдателей и провозглашения итогов выборов сфальсифицированными. На смену этому идёт схема контроля над населением по модели «перманентной революции», из которой выхолощен социальный протест. Вместо социально-политических лозунгов и требований — типовые претензии к правителю: «Путин (Бен Али, Мубарак, Каддафи...) должен уйти». В Тунисе людям старшего поколения было не по себе, когда западные газеты называли волнения в стране «революцией жасмина» — это же название дали американские политтехнологи перевороту 1987 года, когда приводили к власти ныне свергнутого Бен Али. Что уже говорить о Хосни Мубараке, верой и правдой служившего интересам США три десятка лет и все-таки выкуренного из страны под ликование народа, так и не понявшего, что его вынудили участвовать в революции, которой не было. **Теперь революция-об-**

манка поменяет использованных ставленников глобальных элит на кого-то посвежее, обнажая свой главный расчёт: чем больше всё меняется, тем больше остаётся неизменным...

Новая дипломатическая доктрина, говорила Хиллари Клинтон на большом сборе американских дипломатов, «значительно расширяет нашу способность предупреждать и отвечать на кризисы и конфликты». Судя по практически единодушной — одобряющей! — реакции глобальных СМИ на «освободительные» движения в арабском мире и отсутствие привычной критики по поводу смены режимов американцами, идея мнимого лидерства «народной дипломатии» видится им весьма перспективной для предупреждения «вызовов американскому лидерству в арабских столицах».

РАССТРЕЛ

РОМАН-ДОЗНАНИЕ

Глава седьмая

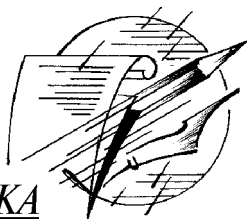
1
Диамантов, выполнив щекотливое поручение полицейских, ускользнул опять, затаился в Покровском монастыре. Милостью иеромонаха Вениамина, о ту пору еще помощника настоятеля по хозяйству, определился на птичий двор — забойщиком мясозрелых гусей и уток. С этой должностью повезло ему вовсе не потому, что так уж приглянулся отче Вениамину, но потому единственно, что по успешии трудника Ювентина, усекавшего главы пернатой сущности, никто из братии на сей подвиг не соглашался.

Постепенно и остальные заботы о домашней птице перешли в руки Иродиона. Он стал и кормильцем, и выбраковщиком, он же и чистил пруд. Талантливый человек талантлив во всем; избитая эта истина здесь как нельзя на месте: артист Диамантов сделался мастером по части подсобного птицеводства.

Жизнь в обители пришлась ему по душе; дни протекали плавно, молитвенно, в смиренных трудах и хлопотах. То

Продолжение. Начало в №9 за 2011 г.

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

он с косою в руках — выкашивает осоку, то с вилами и граблями — выгребает няшу и сапропель, а то сидит с книжкою на пеньке, вникает в Божии откровения. Вина не хотелось на дух, дамы из тутошней богадельни нисколько не волновали. Таковая нравственная метаморфоза не могла не сказаться и на облике Диамантова. От физического труда и от постной пищи лицо его утончилось, у глаз появились тени, а сами глаза как будто бы посветлели; взгляд сделался ясным, глубоким, ласковым.

Пошли холода, пруд оковало льдом. В парующей полынье плескались последние, самые зимнестойкие гусаки и селезни. Настал день, и лебединая песнь их оборвалась: экономай приказал ссечь головы, покуда сами не околели. Иродион исполнил приказ и затосковал. Потянуло к людям, к греховным радостям под рюмку и огурец, к дамскому обществу, к театральным сплетням. Стоило смежить веки, как вдруг оказывался на сцене, и под ногами вдруг зажигалась рампа. А то случалось, в ушах зарыдают скрипки, и гетеры юные, в прельстительном неглиже, потягиваются томно, на расстоянии вытянутой руки.

На этот раз от грехопадения удержала новая, без роздыха и покоя должность. В обители открыли военный госпиталь, и Диамантова приставили к медицине. От новых обязанностей поначалу он отрекшился, как мог, ссылаясь на родимец при одном только виде крови, однако был вынужден согласиться, припертый к стене бескомпромиссной братией: «А гусям, а утицам кто кровя пускал? Дух святой?!»

В монастырь потянулись возы и повозки с подстреленными и обмороженными, сестрами милосердия, с больничным скарбом. Для болящих освободили трапезную, два братских корпуса с богадельней; иноки и послушники утеснились, стали жить по трое-четверо в одной келье и спать в очередь, как придется, зачастую вообще ночевали в храме.

Суэта обустройства кончилась, но и потом Диамантов не знал покоя. Вдруг оказалось, что он нужен буквально всем — и врачебному персоналу, и воинам, и прислуге. И был он то ли трудник, то ли обещанник, неопределенность статуса нимало его не трогала. Иродион весь без остатка отдался служению в лазарете.

2

— ...И давно вы при лазарете? — спросил его господин лет около тридцати в бобровом воротнике, приехавший из Питера с комиссией синодальных инспекторов.

— С первого дня, вашество.

— В городе часто бываете?

— В миру? Нет, не бываю вовсе.

Господин, расспрашивающий Иродиона, был князь Михаил Михайлович Андронников, подвизающийся в Синоде, в недавнем прошлом мелкий чиновник министерства внутренних дел, последыш выродившейся фамилии. Княжеским в его облике был разве что воротник, да и тот, на взгляд знатока, некогда лаял из подворотни. Поддельный бобёр как нельзя лучше определяет сущность его владельца. Подобно ловкому скорняку, применяющему различные хитрости и приемы, дабы придать неказистой собачьей шкурке вид дорогого меха (блеск остья, шелковистость подпуши и т.д.), Андронников применял все, каковые мог, хитрости и приемы, дабы создать себе репутацию влиятельного лица со связями в высших сферах.

Тип восхитительно аморальный, неустанно ищущий личных выгод, в этот приезд в Москву князь попутно развлекал себя делом Мартынова, полицейского полковника, уволенного от должности*. Дело, по расчетам князя, большого дохода не обещало, интерес заключался в самом Мартынове. Иметь своего, лично тебе обязанного человечка в московской охранной службе куда как прибыльней скромного разового подношения.

Попавший впросак полковник второй год безуспешно хлопотал о восстановлении в прежней должности. Помочь ему мог лишь тот, кому он так опрометчиво строил козни.

Но Распутин на покаянные письма не отвечал, заступников не желал слушать. Сведущие люди подсказали снестись с Андронниковым, — князь-де вхож к Григорию и чуть ли не его доверенное лицо. Мартынов воспользовался советом, написал князю и получил ответ, сколь многообещающий, столь и расплывчатый. Ясно было только одно: дожидаться приезда для очного разговора.

И вот князь прибыл — завитой, с франтоватыми усиками и бачками, раздумавшийся с морозца, в бобровом воротнике. Встречающий его полковник нижайше пригласил в ресторан «Савой». Сиянье зеркал и ламп, струнная нега арфы, молниеносность официантов, — всё здесь сообщало атмосферу праздника и настраивало на успех.

— Думаю, сумею уговорить Ефимыча, — заверил князь, с одобрением оглядывая накрытый стол. — Бог даст, и простит, и словцо замолвит. Но! Это будет нелегко, мой друг.

— Порадейте, Михал Михалыч, в долгу не останусь! — принял к сведению полковник.

* По той же причине, что и шефы его, Джунковский и Адрианов.

— Скольким Ефимыч помог — не счесть! Имя им легион... — Когда случалось приторговывать именем старца (в пристяжку с собственным), рекомендуясь любимым учеником и духовным сыном, князь нахваливал свой товар вдохновенно, без ложной скромности. — Не скрою, — заливался он соловьем, — есть в том и моя заслуга...

К той поре любимый ученик и духовный сын был с треском выставлен за порог, что на Гороховой, в доме № 64. Раскусив его, отец и учитель повелел дворнику гнать пройдошливого князька в три шеи и подобные почести оказывать наперед. Молва об этом до Москвы еще не дошла, так что полковник внимал гостю с почтительно вытянутыми губами.

Ближе к концу веселья выражение почтительности на его лице сменилось гримасой недоумения: князь, перебрав «смирновки», вдруг перешел на глумливый тон, вспомнил, должно быть, крутую лестницу в доме старца.

— А что мы все о нем да о нем?! — сморщил он нос куражливо. — Что он такое есть?! Николай Николаевич Романов его придумал, да, милостивый государь, точно так-с!

— То есть как-с?

— Да так! Захворала у Николая Николаевича легавая сука в Першине; сей же час великий князь приказывает коновалу, чтобы сука выздоровела. Каково-с? — Князь издал булькающий смешок. — Тот заявляет, что это довольно странно и что он не золотая рыбка, дабы творить подобные чудеса, а коль угодно чудес, обращайтесь в адрес. «И что же, вы имеете такой адрес?» — «За точность не поручусь, но слышал, что есть в Сибири один мужик, умеет заговорить от любой болезни». — «Как звать, где живет?» — «Зовут Распутин, живет в слободе Покровская». Нуте-с вот, телеграфом выписывают Григория...

Тут он прервался, стал раскуривать сигареллу.

— Так-так, — нетерпеливо сказал полковник. — Выписали, и что же?

— Не берусь судить, каким это образом получилось, случай или что еще, но факт тот, что... — Князь с наслаждением затянулся, — ...сука не околела! — выдохнул он вместе с дымом.

— Поразительно!..

— Там же, в именье Першино, серьезно заболевает герцогиня Лейхтенбергская, тогда еще невеста Николая Николаевича. Проще говоря, сожительница во грехе. Гришка заговаривает герцогиню, и чтоб вы думали? Поправилась!

— Да вы что...

— И уж потом, по прошествии времени, от дядюшки наш чудесник попал к племяннику! Из Першина напрямик в Царское!

— Михал Михалыч, иностранцев полно, не приведи Бог, услышат!

Князь привстал, огляделся с пьяной строгостью, отчеканил:

— Отсель грозить мы будем шведу!

И погрозил пальцем компании чопорных дипломатов.

3

Это происходило в день до инспекции Покровского лазарета, зимним метельным вечером 1916-го.

И вот — инспекция...

Во дворе обители князь Андронников, сопровождающий синодалов, чуть приотстал от группы и обомлел: наперерез ему поспешал Распутин. Без пальто, в фартуке, с охапкой гипсовых пустотелых ног. Святой Боже...

Через минуту призрак шагал назад — уже налегке, без ноши, шаркал чунями, шумно фукал, сдувая с бороды гипсовый порошок.

Вот он замедлил шаг, спросил участливо:

— Что с вами, сударь? Вам нехорошо-с?

Только услышав голос, комбинатор сообразил, что перед ним вовсе не приведение, а живой двойник.

(Да, но какого качества! Ни дать, ни взять Григорий Ефимович, притом без грима и парика!..) Мысль его понеслась стремглав навстречу открывающимся возможностям.

— ...Значит, состоите при лазарете... А ранее где изволили?

— Ранее ухаживал за пернатými, здесь же, в монастыре.

— Что ж вы и родились тут?!

— Зачем? Родился в Вятке, в приватном доме. По достижении зрелости поступил в труппу. Играл на подмостках сцены.

— Так вы артист?

— Получается так, — улыбнулся Иродион, — из скоморошьяго племени.

— Гм... теперь, стало быть, не играете?

— Теперь нет.

— А хотелось бы?

— Не знаю, сударь...

— А если подумать?

Иродион озяб стоять, подумал, ответил твердо:

— Ничего не знаю. Пардон и оревуар.

— Еще минуточку!

— Извините, влеком делами.

— Назовите хотя бы свое имя!

— Иродион.

— Приятно было познакомиться, милейший Иродион! Представляюсь взаимно: Михаил Михайлович, князь Андронников. Вот мой визит-картэ.

Диамантов, заглянув в визитку, расписанную старинной вязью с гербом и вензелем, передразнил про себя: «Визит-картэ... Сказал бы просто: визитная карточка...» Однако шапку с головы стащил:

— Благодарствуйте, ваша светлость.

— Даст Бог, свидимся?

— На то Его воля.

Свиделись.

На сей раз Андронников прикатил в карете: под вечер, без синодских, единолично. Мысль в отношении Иродиона обрела конкретные очертания. Этак небрежась, как бы походя, предъявить полковнику Распутина в натуральном виде: ничего несбыточного, мой колонель*, я позвал, он примчался, всё в наших руках, мой друг!.. Мысль дерзкая, с острым перцем, — князь вообразил себе глупую физиономию полицейского, этого бабуина в кителе, и, закатив глаза, почмокал в предвкушении последующего эффекта.

Иродион, перехваченный им с кипой одеял, был смущен визитом; извинившись, исчез ненадолго и вынырнул из темноты уже без поклажи, в шубе-сибирке и сапогах:

— Чем могу услужить, ваша светлость?

— Ничем, милейший Иродион! Хочу украсть у вас часок-другой. Посидеть в каком-нибудь заведеньице.

— Лестно, конечно, но чему обязан?

— Ничему положительно, просто хочется пообщаться!

— Не имею чего сказать, — растерялся Иродион.

— И очень хорошо, и славно! — Князь подхватил его под руку, резво подвел к карете и сам отворил дверцу. Вскочив следом, приказал трогать.

Просто Чичиков, сплюнул Глеб. Или Хлестаков. Или нечто среднее между ними. Впрочем, гоголевские персонажи будут поприятнее моего хлюста. Но они — продукт художественной фантазии, а мое исчадие — историческое лицо.

Экипаж катил по ночной Москве.

— И все же я маленечко атонэ**, — сказал Диамантов, покачиваясь в мягком каретном чреве, — почто вдруг какое-то заведеньице?

— А люблю, знаете, кутнуть в приятном неординарном обществе! Но если уж вы так щепетильны, попрошу о маленьком одолжении. Хочу разыграть одного приятеля. А? Что скажете?

— О, я ловко могу разыгрывать! Однажды заявляюсь в номер к антрепренёру в гриме зулусского колдуна. Антреп-

* Полковник (франц.).

** Недопонимаю (франц.).

ренёр падает в обморок, жена нюхает нашатырь. Партер рыдает, имею в виду коллег. Успех безумный-с.

— Воображаю! — Князь положил руку на колено Иродиона. — А если чисто пластически, без грима, без парика, сможете изобразить... м-м, Распутина?

«Вот оно», — подумал Иродион с мгновенным холодом в позвоночнике.

— Простите, нет. Остановите экипаж, я сойду.

— Ну что вы, Иродиоша?! Не можете, и не надо! Посидим, выпьем мадеры...

— Никакой мадеры!!!

— Но почему?!

— Лучше сразу...

Что именно лучше сразу, Андронников не расслышал, а переспрашивать не решился. Какое-то время ехали молча, в отчуждении друг от друга. Но амбре дорогих духов, но пряное благовоение сигареллы, но аромат благородных французских лоз... — вкупе с бобровым воротником всё это действовало мейсмерически, будоражило мозг картинami иной жизни.

Сердце артиста дрогнуло. Страхи вдруг отдалились и ступевались, радости бытия взволновали грудь.

— Простите, князь, — заговорил он первым, — но я дал слово с подписом и потому не могу объяснить вам мои резоны, не имею права.

— О, не смею настаивать! Настоящие мужчины умеют хранить секреты...

Иродион произнес что-то совсем уж невразумительное:

— Нельзя войти в одну реку дважды и не утопнуть...

Князь не понял, однако поддакнул с живостью:

— И ладно! Реки, они ведь мокрые! И пусть их, пусть текут себе!

Иродион расслабился окончательно. Если бы он открыл князю свои резоны, поведал о сыгранной уже однажды роли Распутина в ресторане «Ярь», о знакомстве с Мартыновым в связи с этой навязанной ему гадкой ролью, роковой встречи могло не быть. Ее можно было бы избежать и в том случае, если бы Мартынов поведал князю всю правду о скандале в «Яре» и назвал ему имя подставного старца. Но один был связан подпиской о неразглашении полицейской тайны и свято хранил ее, другой утаил сам факт злокозненной мистификации и признался лишь в собирании облыжных материалов.

— Пожалуйте, приехали, господа! — объявил кучер.

Несмотря на военное время, фасад и вход ресторации сияли электрическими огнями, из дверей и окон вылетала музыка.

ка, на мостовой ржали лошади и переругивались возницы; с кваканьем сигнальных груш лавировали авто. Ночная жизнь закипала.

По новому, измененному плану князь намеревался посадить артиста в боковом зале. Потом пройти в кабинет, где небось заждался его Мартынов, произнести сакраментальное: «Я позвал, он примчался» и добавить, что «пока еще старец не в настроении, но! Всё в наших руках, мой друг!» Засим вернуться к Иродиону, подпоить и уж далее ткать тенёта.

План провалился по не зависящим от него причинам. Полковник, заскучав в ожидании, встретил их в вестибюле. При виде улигнувшего годом ранее лже-Распутина, с гневом перекосил лицо, хуркнул носом и сделался совершенный орангутанг:

— Ах ты, р-рожа!!! Опять из себя старца корчишь?!

Артист побелел и оцепенел. Князь бормотал растерянно:

— Мой колонель... всё в наших руках...

— Сей субъект есть бродячий комедиант по прозвищу Диамантов! А вы, князь, шулер и свистопляс!

— О как, о как! — надулся князь. Вспомнив затем о хорошей мине при плохой игре, глянул презрительно на полковника, процедил: — Много о себе понимаете, уважаемый!

Крутнувшись на каблуках, князь гордо сошел с крыльца. Иродион бросился было вслед, но был схвачен набежавшими половыми.

Полковник приказал запереть негодяя в дворницкой. По пути домой он заехал на Дровяную, где проживал верный агент Ошуркин, не оставивший своего шефа и после низвержения с должности начальника отделения.

Ошуркин, с косою уголовной чёлкой, с толстой верхней губой, выдающейся наподобие козырька для нижней, был рад и ему, и его новости:

— Значит, нашелся, змей? Ведь как мыло выскользнул!

— Нашелся...

— Где только я ни шарил! А он вона где обнародовался. Какие будут указания, ваше господин начальник?

— Разумей сам. Надобно, чтобы пасти не раскрывал. Никогда. Ты понял?

— Бу-сделано, господин начальник.

...Агент получил Диамантова глубоко за полночь, почти под утро, — следовало спешить.

Он вел связанного по рукам пленника глухими замоскворецкими переулками, толкая в спину и подымая рывком за шиворот, когда тот оскальзывался и падал.

Иродиона же не покидало чудесное воспаренье духа. Кончились его страхи, остались далёко в прошлом; теперь был у

него Ошуркин — его владыка и властелин. Нет, невольником он себя не чувствовал, напротив, всей душою, легко и самозабвенно отдался во власть этого великого человека, принимая рывки и толчки в загривок как проявление нежности и любви. Возвышенное состояние не оставило его даже в те минуты, когда агент, приказав стоять, спутывал ему ноги.

Стоя лицом к восходу, Иродион любовался узкой, неяркой еще зарей, поднимающейся на другом берегу Яузы, мелкими, перистыми, чуть зардевшимися облаками и бесконечными, от края до края, розовыми березовыми поленницами. Всё умиляло глаз, всё обещало звонкий погожий день. Ах, ты, Божечки...

— Братец, — вымолвил он восторженно, — позволь мне поцеловать тебя!

И скакнул к агенту, как воробей.

— Зачем это! — испуганно проговорил Ошуркин. Рука его тем временем торопливо нащупывала рукоять ножа. Короткий взмах, и клинок вошел в податливую плоть жертвы.

— Как, уже?.. — вздрогнул всем телом Иродион. — А помолиться?

— Успеешь...

Ошуркин ухватил его за углы ворота, как хватают за горловину большой неподъемный куль, но тащить никуда не стал, а опустил, пятясь, лицом в сугроб. Перекрестился и был таков. Иродион, с усилием приподнявши голову, проводил его любящими глазами.

Умирал он в скорби.

Зачем-то вспомнились зряшные, не нужные здесь обиды, которым он подвергался поперву в отчем доме, потом в людях, впоследствии на театре. Слава Богу, их горькую череду сменили воспоминания о радостях, изредка случавшихся на его пути. Более всего иного душу согрело и осветило лучом небесным пребывание в Покровском монастыре. Он не слышал уже никакой боли и не понимал, что исходит кровью; он только чувствовал, как обмерзают щеки — от уголков глаз к уголкам рта.

Смерть на вкус оказалась самую малость солоновата.

Глава восьмая

1

Отвертеться от настырного репортера Глебу не удалось. Артем Богучарский настиг в столовой, где отдыхающие уже заняли свои места, а иные уже наклоняли тарелки с супом.

Сел к столу, выложил диктофон, вальяжно откинулся на спинку стула:

— Глеб Сергеевич, расскажи, пожалуйста, над чем вы сейчас работаете?

— Вот так, сразу? — опешил Глеб.

— А почему бы нет? Или это коммерческая тайна, ха-ха?

— Послушайте, — сказал Глеб, — вон же сколько сидит народу! Что вы ко мне пристали?

— Понимаете, мне поручено взять интервью у того, кто приехал сюда работать, а не поправлять здоровье. Ну, я прошелся по коридорам и лишь за вашей дверью услышал пишущую машинку.

— Ну, ладно, поехали... — Глеб тяжело вздохнул. — Над чем я сейчас работаю? Вряд ли это заинтересует ваших читателей.

— И все-таки?

— Пытаюсь воспроизвести последние дни последнего русского императора.

— Значит, это будет исторический роман? Может, просто роман. Может, роман-эссе...

— Но ведь существует огромная литература на эту тему?

— Правильно, существует. Существует великое множество описаний, воспоминаний, научных исследований и трудов. С отменой цензуры их еще прибавилось. Каково же придется человеку неискушенному? Он хочет знать историю своей страны, своего народа, но просто не в силах объять необъятное. Кроме того, любой исторический документ может оказаться липой, как, например, пресловутый дневник Анны Вырубовой-Танеевой, фрейлины императрицы. Состряпал его, как ни прискорбно, Алексей Николаевич Толстой. В соавторстве с историком Петром Щёголевым. Мемуары, как правило, субъективны. Вспомните известное выражение: врет, как очевидец.

— Как же быть?

— Довериться интуиции. Писатель изначально опирается на человеческую природу, а уж потом — на факты.

— Еще вопрос. Вы часто употребляете малоизвестные, забытые словечки и выражения. Как вы советуете вас читать? Со словарем?

— Лучше всего читать меня по слогам.

— ?!

— Я не шучу. Если, наткнувшись на неизвестное вам слово, вы осмыслите его корень, то скорей всего поймете всё и без словаря.

— Еще вопрос. Когда дело касается реконструкции исторических событий и обстоятельств, авторы подчас позволяют себе некие вольные домыслы и утверждают, что так всё и было и никак иначе.

— Я пишу, как Бог на душу положит. Человек слаб, может и ошибиться, Бог — никогда. А мера и красота подскажут, так на Руси храмы строили.

— Вот вы цитировали Малевича. А как вы относитесь к авангарду и авангардизму в литературе?

— Да никак. Это, мягко говоря, квазилитература. Вот газетка, импортная, называется «Русская мысль», один известный, между прочим, поэт оставил... И вот заметка. Пишет Лев Лосев, эмигрант. Читаем... так: «После многих лет приглядывания к литературному авангарду я понял главное: авангардисты — это те, кто не умеет писать интересно. Чужая за собой этот недостаток, и понимая, что никакими манифестами и теоретизированиями читателя, которому скучно, не заставишь поверить, что ему интересно, авангардисты прибегают к трюкам. Те, кто попроще, сдобривают свои сочинения эксгибиционизмом и прочими нарушениями налагаемых цивилизацией запретов. Рассчитывают на общечеловеческий интерес к непристойности. Те, кто поначитанней, помышленее, натягивают собственную прозу на каркас древнего мифа или превращают фабулу в головоломку. Расчет тут на то, что читателя увлечет распознавание знакомого мифа в незнакомой одежде, разгадывание головоломки. И этот расчет часто оправдывается. Чужое и общедоступное, не свое, не созданное трудом и талантом, подсовывается читателю в качестве подлинного творения».

— Вы разделяете эту точку зрения?

— Это не точка зрения, это диагноз специалиста, — ответил Глеб, — нашего современника, между прочим. А поскольку диагноз поставлен, — прибавил он, — больной должен быть госпитализирован, хотя бы и принудительно.

— Как в таком случае быть с демократическими свободами?

— Быть с ними.

— А если всерьез? Что вы понимаете под демократией?

— То же, что и все, власть народа. Так, во всяком случае, переводится это слово.

— Вас устраивает эта формулировка?

— А вас?

— Хорошо, спрошу так: что, по-вашему, означает демократия в применении к нашей стране?

— Да то же, что и в применении к другим странам. (*Бардак она означает, чуть было не ляпнул Глеб.*)

— Но, согласитесь, у нас свое историческое самосознание, своя ментальность. Какая форма власти нужна народу? Президентская или парламентская?

— Не знаю... Может, самодержавие?

— Гм! Гм. Гм...

Официантка поставила на стол супницу и откланялась.

— ... Тогда такой вопрос: что вы скажете по поводу того, что в прессе, особенно зарубежной, время от времени появляются сообщения о якобы здравствующих потомках Николая Второго? Вообще насколько реальна версия, что кому-то из царской семьи удалось выжить?

— Эта версия реальна настолько же, насколько реальна и непредсказуема сама жизнь.

— Иными словами, кто-то мог уцелеть, благодаря или вопреки сложившимся обстоятельствам?

— Не исключено. Может быть, этот человек сейчас находится среди нас. Может быть, вы или я, лично знакомы с ним. Разумеется, живет под другой фамилией. Допускаю и такое: живет и не подозревает, что он Романов.

— Знаете, у меня мурашки по коже от ваших слов!

— Я дважды сказал: может быть.

— Понятно... И в заключение. Какой конкретный материал занимает вас в данный момент больше всего?

— Вот этот простывший зеленый суп.

— Спасибо за интервью, приятного аппетита!..

Удивительно, но интервью было опубликовано слово в слово: и с цитатой Лосева, и с мурашками, и с зеленым супом.

А малый-то небезнадежен, подумал о репортере Глеб, вот тебе и дедушка-скотобой...

Газетку эту он купил по пути в Ливадию, где давно должен был побывать, да все откладывал на потом. И дооткладывал: на следующий день заканчивалась путевка, в кармане лежал билет.

2

Когда царская семья выезжала в Крым, туда заранее посылалась большая часть охраны, остальная сопровождала ее в пути. В подчинение ливадийского дворцового коменданта поступала целая армия военных, в том числе и переодетых в штатское, ряженных, по выражению Николая. Для особых случаев подключались полиция и жандармы. Всего надежней императорская чета считала казачий конвой и сводный пехотный полк*. На каждое лето разрабатывались схемы постов, секретов, графики дежурств, инструкции персоналу. Накануне приезда венценосных дачников производился тщательный осмотр территории. Цепь сводно-пехотинцев ползала по-пластунски, ощупывала каждое дерево, каждый

* Предадут в феврале семнадцатого. *Прим. Глеба Елахова.*

куст. Подобная процедура, хотя и с меньшим числом участников, повторялась затем всякое утро неукоснительно...

Был полдень, в тени чинары дремал на стульчике старичок секьюрити, на появление Глеба не среагировавший. Музей оказался заперт, Глеб постучал в дубовую дверь. Менеджер, полная дама в избыточных украшениях на загорелых руках и шее и вообще одетая как на бал, вышла к назойливому экскурсанту с весьма недовольной миной. Потребовав предъявить специальный пропуск и получив писательское удостоверение, вдруг подобрела, разволновалась:

— Бог мой, вы-ы?! Лично сам?! Нет, это знаменье свыше! Вы просто не представляете, дорогой! Буквально утром увидела ваше фото, должна сказать, в жизни вы симпатичнее, прочла ваше интервью. И сегодня же у нас в гостях — кто б вы думали? — прямой потомок Николая Александровича Романова, внук его, Петр Алексеевич Козодоев! Приехал навестить семейные Палестины! Нет, это больше, чем совпадение, это буквально рука Господня! — Последняя фраза была произнесена субтоном, с закатыванием зрачков.

— Вот как...

— Вообразите! Позвонил адъютант Его Величества...

— Его Высочества, если уж на то пошло.

— Ну да, позвонил Его адъютант, представился — я так и ахнула! Буквально только-только успела сбегать переодеться, и тут же подъехали Он и Его свита! — Мадам повела рукой на стайку автомобилей; некоторые были с иностранными номерами.

— Петр Алексеевич приехал из-за границы?

— О нет, он, оказывается, живет в Бердичеве! Но тут масса зарубежных корреспондентов! Идемте скорей, он как раз отвечает на их вопросы.

— Судя по отчеству, он сын наследника Алексея? Или, если судить по фамилии, сын одной из дочерей государя, вышедшей замуж за некоего Алексея Козодоева?

— Сын наследника! Вообразите: цесаревич Алеша чудом избежал смерти. Вместо него убили другого мальчика, с которым он поменялся костюмчиками. Да-да, чудо, чудо... А воспитывался в простой семье, после школы окончил военное училище, женился, воевал и погиб под Берлином: выполнил волю своего отца, довел войну с немцами до победы!

— Спустя двадцать восемь лет, — машинально заметил Глеб.

— Идемте же скорее, Глеб Сергеевич!

Они прошли через кулуары, загроможденные стремянками, козлами, ящиками и коробками, и очутились в Большой гостиной. Косметические работы здесь, по счастью, не на-

чались или близились к завершению; во всяком случае, стояли кресла, правда, в чехлах, вперемешку со стульями и банкетками. На месте была и главная достопримечательность — громадный стол. Последними из великих за ним сживали Иосиф Сталин, Франклин Делано Рузвельт и Уинстон Леонард Спенсер Черчилль из рода Мальборо, решали судьбу Европы, ее послевоенного обустройства. Ныне стены гостиной были затянуты парусиной; их подпирали плечами чубатые молодцы в погонах и портупях. Ближе к историческому столу, заставленному минералкой и пластиковыми стаканчиками, гаделли, мельтеша, иноземные журналисты и журналистки. Центром притяжения была семейная пара — солидный мужчина в черкеске с белокурым пуделем на руках и женщина в чем-то легком, цветочно-красном, обмахивающаяся китайским веером.

Мадам менеджер подплыла к ним:

— Ваше Высочество, разрешите представить вам Глеба Сергеевича Елахова.

— Глеба Сергеевича Елахова..? — Козодоеву по виду было лет шестьдесят — большое продолговатое лицо, квадратный подбородок и золото под усами. — Любо! — пробасил он. — Друзья мои, к нам, образно говоря, на огонек заглянул господин Елахов, историк и романист! Имеющий мужество поведать правду о Моей Семье!

Грянули аплодисменты. Хлопали, в основном, конвойцы; корреспонденты вжикали объективами.

— ...Ото всей души многосердечно рад, Сергеич! — рокотал он. — Познакомься с моей супругой! Баронесса Яган-Шеншейн!

Густо напудренная, с прической, возвращающей к мысли о пуделе на руках супруга, баронесса подала руку — ладонью вниз. Глеб ограничился тем, что пожал ее.

— Однако, — поджала губы Ее Высочество.

Вниманием Глеба вновь завладел потомок:

— Знаю, знаю, Сергеич, у тебя немало ко мне вопросов! Но теперь спешу, на сегодня еще две встречи. Народ ждет, Сергеич, ох, как ждет меня мой народ! Не грусти, однако, выберу время и для тебя.

Глеб промолчал, Козодоев гаркнул:

— Есаул!

— Здесь! — подскочил к нему некто шупленький, с бородежкой, в стальном пенсне. Яков Свердлов, подумалось Глебу, не прибавить и не убавить.

— Вот, Сергеич, прошу любить и жаловать. Есаул Саул, извиняюсь за каламбур, пресс-секретарь моего Двора. —

Козодоев блеснул зубами, но тут же и построжал. — Саул, пришлешь господину Елахову стенограмму брифинга. Да не забудь приложить проспекты и манифесты.

— Слушаюсь, Ваше Высочество!

— А сейчас, Сергеич, не изволь гневаться, уходим, труба зовет. — И уже на ногах, Козодоев возвестил зычно: — Прощайте, господа! Да хранит вас Бог!

Господа с гомоном повскакали с мест. Высокий гость сунул пуделя одному из свитских, не преминув сказать при этом:

— Точно такой же был у моего Папа́. Кличка та же: Джойс.

Собачку цесаревича звали Джой и был он темно-коричневый спаниель.

— Скажите, пожалуйста, — поинтересовался Глеб, — а нет ли у вас ослика по кличке Ванька? У цесаревича Алексея был.

Его Высочество замешкался с ответом, есаул Саул бойко отрапортовал:

— Никак нет, осликов не держим, вполне хватает больших ослов!

— Любо! — расхохотался Его Высочество. Об руку с баронессой, в окружении охраны и журналистов он проследовал из дворца, сел в узколобую широкомордую иномарку. Кортеж выехал на шоссе и скрылся за поворотом.

В Глеба вцепилась восторженная мадам:

— Ну, как вам Петр Алексеевич? Какие манеры, какая величавость в каждом слове и жесте!

— Да самозванец он, — рассмеялся Глеб. — Простите меня, но после таких визитов обычно пересчитывают серебро.

И как в воду глядел: пропал антикварный серебряный колокольчик.

3

В Москве, куда Глеб вернулся перед майскими праздниками, его ожидал сюрприз. Приехал Зыскин. Приехал не один, с *женой*, курчавым, хорошеньким папуасом Селестой Абекой Ньюмбой. Когда Глеб появился в студии, глазам его предстала идиллическая картина: Додя возлежал на кушетке, жена Ньюмба кормил его с ложечки манной кашей:

— Кажа харажо, водка ожень плёхо. Кужай кажa!

— Милый, у нас гости! — воспрял духом Додя. — Накрывай на стол!

— Лежать! — приказал супруг. — Кужай кажa.

— Надо понимать, я тут лишний... — оценил Глеб увиденное.

— Видимо, так, — подтвердил Додя.

Туземец поднес к его рту наполненную с бугром ложку:

— Кужай кажa, хрен моржовый, алкаж, урод!

Повисла пауза, нарушаемая лишь чавканьем живописца.
— Фу-у, жарко. Сними с меня башмаки, — попросил Доля.
Папуас с готовностью принялся исполнять просьбу. Ста-
щив заодно носки, прижал их к носу, протяжно шморгнул и
произнес:

— Харажо!

— Он меня любит, — похвалился Зыскин. — Ньюмба,
любишь?

— Люблю, — отвечал супруг. — Разлюбю — съем.

Да, съезжать было необходимо. Глеб позвонил Валерии.

— Ко мне нельзя, — заявила она резким строптивым голо-
сом, какой выработала для разговоров с Глебом.

— Это почему? Кажись, квартира у нас с тобой на двоих и
записана на меня, кстати.

— Кажись, надись... Какой же ты все-таки!..

— Какой же?

— Посконный, лапотный деревенщина!

— О боже, опять дворянская кровь разыграла... Послушай,
Лера, но где-то я должен жить?!

— Можешь уматывать к своей мамочке, в солнечную Сибирь!

— Ну, уж это позволь мне решать! — возмутился Глеб. А в
сердце иглой кольнуло: три месяца не писал матери, не звонил...

— Я не одна! У меня мужчина! — продолжала Валерия в
том же тоне.

— Вот, значит, как... И кто этот счастливец?

— Уж во всяком случае, не тебе чета!

— Ну, Лерка, приеду и спущу его с лестницы, кем бы ни был!

— Только попробуй — сядешь! Сейчас же звоню ноль-два!

Доля слышал каждое ее слово.

— От Лерки станется, — выразил он сочувствие.

— Жензина? — встрепенулся Ньюмба.

— Жензина, — подтвердил Доля с пренебрежением.

— Жензины, они вкусные, — мечтательно произнес тузе-
мец и поцыкал зубом.

— Что же делать-то? — приуныл Глеб.

— Может, оставим его у себя, Ньюмба?

— Нехарашо. Это балшой разврат.

Глебу и самому не улыбалось жить с людоедом и сменив-
шим половую ориентацию абстракционистом. И ведь вроде
нормальный человек был! Как случилась такая метаморфо-
за?! Познакомились они года три назад. По гипотезе неустан-
но ищущего себя Зыскина, все гласные буквы русского алфа-
вита должны соответствовать определенному цветовому сим-
волу: А — красному, Я — малиновому, Е — желтому, Ё — зеле-
ному, И — синему, Ю — фиолетовому, У — черному, Ы —

коричневому, О — белому. Причем ударные всегда ярче, безударные — бледней, пастельней. В голову взбрело написать композицию по тексту произвольно выбранного писателя. Раскрасив одного автора, другого и получив в результате бессмысленную цветную грязь, он взял еще одну книжку, некоего Елахова, — просто для чистоты эксперимента. И пришел в восторг: вместо ожидаемой мазни его глазам предстала редкостная гармония. Поражало, что цветом — в буквальном смысле — неизвестный автор пользовался крайне редко, только когда это требовалось по смыслу. В основном же, в письме его преобладало графическое, черно-белое изображение. Разыскав писателя, Зыскин пригласил его в мастерскую и показал получившуюся картину. С этого и началось их знакомство, перешедшее затем в приятельские отношения.

Да, ситуация непростая, сокрушенно подумал Глеб. Решил позвонить Искорину, не пособит ли ему с жильем.

Но сперва надо было отзвониться матери в Юраши. Сколько уж времени не подавал о себе вестей.

Зыскин звонить по межгороду запретил:

— Слняешь, а мне счет придет.

— Так и что?

— Я теперь человек семейный, каждая копеечка на счету.

— Да я прямо сейчас тебе заплачу?!

— Отбой. Суди сам, живем как на вулкане. Никто не знает, какой подлянки завтра от государства ждать.

— И какой же?

— А такой, что поднимут завтра тариф раз в сто, теперь это сплошь и рядом, а тебя след простыл. Так что не обессудь!

Оставив кофр, машинку и баул с вещами, Глеб поплелся на Абельмановскую, на почтамт, на переговорный пункт.

С Юрашами соединили на удивленье быстро.

— Ма, привет! Как ты там? — прокричал он в трубку.

— Не надсажай горло, сын, я еще хорошо слышу, — родным, чуть хриловатым голосом отозвалась Агния Алексеевна. — Что ж ты ничего не пишешь?

— Напротив, — попробовал он отшутить упрек, — никогда еще не писал так много...

— Не умничай. За три месяца ни письма, ни открытки.

— Прости. Как там Сашка-то, помогает?

— Не жалуясь. Золотой парень. Он сейчас на работе.

Сашка был единственным сыном Глеба; после смерти Ирины жил у бабушки, в Москве показывался не часто. А после армии вообще ни разу не приезжал, ограничивался открытками и звонками.

— Что молчишь? Когда к нам приедешь?.. — спросила Агния Алексеевна.

— Ну.. точно не скажу, но я постараюсь, ма.

— Не опоздай. Плоха я стала, сынок.

С почты, по таксофону, он позвонил Искорину. Квартира не отвечала; позвонил в офис. Виктор Дмитриевич был на месте. Выслушав, предложил пару дней пожить у него:

— До приезда с курорта моих домашних.

— А потом куда? На вокзал?

— Глеб, ты уже большой мальчик, думай. Буду в семь. Погуляй где-нибудь. В общем, займи себя чем-нибудь.

— Ладно, найдешь меня в парке, — буркнул Глеб и отправился в шатание по окрестностям.

...Было такое впечатление, что за время его отсутствия вся Москва пустилась в торговый бизнес. Появились круглосуточные палатки. На пустыре у Таганского гастронома на кирпичках, на ящиках, на земле продавалось всё: от фабрично-заводских изделий до самоделок. У кого ничего своего не было, тоже не унывали. Отстояв очередь в магазине, продавали купленные там буханки и батоны хлеба, водку, консервы, сахар, разумеется, всё с накруткой. И ведь кто-то же брал, чтобы самому не давиться в очереди.

Всё тут было: грязь, теснота и гвалт. Глеб всмотрелся в лица торгующих. Совершенно новый, не встречавшийся прежде тип. Откуда вы, неизвестные гоминиды?! Должно быть, веками подглядывая за людьми, они сгорали от любопытства: чем таким интересным занимаются гомо сапиенсы? Наконец, не в силах терпеть более, вышли из тайных пещер и схронов, схватили суть действия и теперь остервенело утоляют жажду товарно-денежных отношений.

В Таганском парке, где он ждал Искорина, под ногами валялись, словно выточенные краснодеревщиком, лаковые каштаны, с кленов сыпались какие-то неряшливые опилки. Здесь он столкнулся со странными землемерами. Подоткнув подола подрысников (?!), двое просматривали территорию в теодолит, третий таскал рейку и ставил ее — тоже довольно ловко. До 1929 года парк был подворьем Покровского монастыря без малого триста лет. Раньше, в домонастырские времена, тут находились скудельни убожedomок; сюда свозили почивших путников, нищих, самоубийц, иных безымянных безродных граждан для погребения.

Здесь, в Покровском монастыре, провел последние праведные денечки Иродион Тимонович Диамантов. Воскресни, он не узнал бы родной обители. Пруд, где он взращивал пищевую птицу, был теперь детским спортивным полем с трибуной и спринтерскими дорожками. Исчез и погост, стерся с лица земли, как, впрочем, и колокольня. Зато появи-

лись эстрада, кафе и дощатый кинотеатр, а в обескрещенные, обезглавленные храмы вселились госучреждения и конторы.

Кафе оказалось закрыто на спецобслуживание. Глеб постучал в стеклянную дверь. На стук вышел джигит в белоснежной, с рюшечками, рубахе, указал волосатым пальцем, украшенным золотой печаткой, на объявление:

— По русскому читать умеешь? Что тут написано?

— Тут написано, что ты можешь вынести рюмку водки, если я тебя попрошу.

— Пить вредно. Зачем тебе?

— Хотел помянуть одного доброго человека.

Джигит, подумав, закрылся дверью.

Не обломилось, сказал себе огорченно Глеб. А жаль, рюмка водки не помешала бы. А еще лучше две.

— Эй, борода!

Джигит появился в проеме двери с рюмкой и блюдечком, на котором сиротливо жались друг к дружке две сморщенные маслинки.

— Какой крупный изюм! — заметил Глеб.

— Это не изюм. Это мясная ягода, маслин называется. Помяни нашего дорогого Тофика. Сегодня мы проводили его в верхний путь. Он был мне как брат.

Глеб кивнул. Выпив, спросил для проформы:

— Сколько я должен?

И услышав ответ, поперхнулся косточкой.

— Тридцать пять.

В магазине бутылка стоила десять двадцать.

4

С издателем он встретился, настроенный уже более-менее благодушно. Проговорили до поздней ночи. Искорина живо интересовало, насколько он продвинулся в изысканиях, в сборе материала, сколько уже написано. Просьбу прочитать что-нибудь из готового Глеб решительно отклонил, следуя своему правилу не показывать незаконченное. Хотя подмывало; соблазн проверить себя на слух, да еще в присутствии профессионала, существовал всегда, но, как показывал опыт, не всегда эти читки оказывались полезны. После озвучивания неготовый текст как бы застыл, не поддавался необходимой правке.

— Ладно, скажи, как на твое ощущение, текст не хуже того, что ты делал раньше? — спросил Искорин.

— Сдается, нет. Но ты же знаешь, Виктор, совершенству пределов нет.

— Сколько времени тебе еще требуется?

-
- Н-ну, этак лет пять или шесть.
— Ты с ума сошел?!
— Шедевры быстро не пишутся, Виктор Дмитриевич.
— Мне не надо шедевров! Мне нужна всего лишь добротная, читабельная проза! И только, понял ты?
— Как не понять, — усмехнулся Глеб. — Изладим, не пройдет и полгода!
— А быстрее?
— Быстрее, это не ко мне.
— Пойми, старичок, времена пошли нестабильные, инфляция, девальвация, экономический пароксизм... — Искорин скривился, сразу состарившись на добрый десяток лет. — Мы должны успеть!
— Иначе скоро всем станет не до истории?
— Типа того.
Глеб выругался. Искорин, уколов его взглядом, спросил брюзгливо:
— Надеюсь, в текстах не будет ненормативной лексики?
— Не будет. У меня большой запас эвфемизмов.
— Спасибо, успокоил.
Они сидели на кухне, обшитой деревом, пили коньяк и закусывали лимоном.
— Слушай, Вить, а нет ли чего посущественнее лимона?
— Чего именно?
— Ну, я не знаю, колбасы какой-нибудь.
— Салями сойдет?
— Сойдет. И хлеба, пожалуйста.
— Сейчас поищем. Хлеб, извини, черствый. Пока мои на юге, питаюсь, черт знает чем.
— Ну и резина, — сказал Глеб, пытаюсь разжевать заморскую колбасу.
— Гуманитарная. Из Германии.
— В качестве поддержки Меченого?
— Это ты про Генсека так?
— Про кого ж еще.
— Если следовать твоей классификации, — сказал Искорин, — скорее всего, для поддержания Беспалого. Кстати, хочешь взглянуть на его предвыборную прокламацию?
Пока хозяин готовил кофе, Глеб читал текстовку под фотографией будущего президента. Родился, учился, трудился и т.д. и т.п.
— Ничего не заметил? — спросил Искорин.
Глеб пожал плечами.
— Присмотрись к датам. Родился 1 февраля 1931 года. По окончании школы тем же летом поступил в институт и окончил его в 1955-м, так?

— Так, и что?

— Сразу видать писателя. Силен в грамматике, но плаваешь в арифметике. Если человек оканчивает институт в пятьдесят пятом, то в каком году он в него поступает? Правильно, в пятидесятом. Спрашивается, сколько лет было абитуриенту, родившемуся в февраля тысяча девятьсот тридцать первого года?

— Вступительные экзамены обычно бывают в августе, значит, девятнадцать с половиной.

— Отними десять лет на школу.

— Получается девять с половиной.

— До девяти с половиной лет телятам хвосты крутил?!

— Вряд ли... Наверняка пошел в школу в семь полных лет, как все. В семь с половиной.

— Тогда вопрос: где этот вундеркинд потерял два года?

— Дважды оставался на второй год?!

— Вот именно! Если не трижды. Ведь его могли отдать в школу и в семь неполных лет! Почему бы нет?

— Могли...

— И это будущий глава огромного государства.

— Может быть, поумнел с возрастом?

— Ага, как же!

Лоб Искорина пересек вертикальный зигзаг морщины. В пижаме, накрахмаленной до состояния жести, в кожаных, словно бы начищенных, домашних тапочках, был он не домашнему колоч и остроуголен, — наглядный пример того, как одежда перенимает характер своего хозяина.

— Везет же нам! — Глеб выплюнул в ладонь непрожеванный немецкий деликатес. — Картавый, Усатый, Лысый, Бровастый, теперь эти, Меченый и Беспальный! Кунсткамера Петра Первого. Где у тебя мусорное ведро?

— Под мойкой. — Подождав, пока гость смоеет с руки объедки, Искорин продолжил тему: — Ты пропустил Поэта с Задохликом.

— Да сколько они там правили...

— Согласен, мало. Но вот если бы Поэт-почечник жил подольше, в стране был бы порядок. До такого борделя дело бы не дошло.

— Не знаю, Витя. Наша история предсказуема лишь задним числом. Как выяснилось, последний порядочный человек у власти был Николай Второй.

— Вот и пиши скорее!

— Пишу, барин, пишу.

— Ладно, что там с твоими жилищными проблемами? Что за каннибал поселился в студии?

— Каннибал как каннибал. Интересно, что голубой. Будет учиться в Патриса Лумумбы, на философском, жить у Зыскина или с Зыскиным, что одно и то же.

— Но Зыскин вроде бы женат?!

— Был когда-то.

— Вот собака!

— Придется снять квартиру или, на худой конец, комнату.
К Валерии мне нельзя.

— Почему?

— Завела себе хмыря какого-то.

— А если разменять квартиру?

— Знаешь, сколько на это уйдет сил и времени?

— Да, времени у тебя нет. Послушай, а если снять дачу?

— Мысль неплохая. Но, увы, дачный сезон в разгаре. В марте надо было договариваться.

— Надо было! Напрягаешь ты меня, Глеб.

— Кто ж знал, что Додя поменяет ориентацию.

— Есть у моей жены одна дальняя родственница... Октябрина, как же ее по отчеству? А, да, Саввишна. В Салтыковке у нее дача. Она ее не сдает вообще-то. Но попытаться можно.

— Звони!

— Завтра. Утро вечера мудренее.

Глеб поплелся в гостиную на диван. Он уже засыпал, когда Искорина потянуло на философию.

— Как ты думаешь: что есть рынок? По телевизору, в прессе, в любой газетенке только и долдонят: рынок, рынок, рынок!

— Ты коммерсант, тебе лучше знать...

— Как коммерсант знаю. Я тебя как писателя спрашиваю.

— Как писатель могу сказать: рынок — это «куплю-продам». Помнишь анекдот про мужиков, продававших водку за полцены? Ну, дело было так. Нашли ящик водки, продали, а деньги пропили. Бизнес по-русски. Про западный рынок не могу знать. За границами не бывал.

— Запад навязывает его нам как универсальное средство самоорганизации экономики. Мол-де, придет к вам рынок, и все ваши проблемы решатся автоматически. Рынок, дескать, определит: какие отрасли принесут доход, а какие не принесут, и, стало быть, надобно их свернуть.

— Ага, — подхватил Глеб, — а дальше рынок, уже мировой, вынесет приговор, какие народы ему нужны, а какие нет и должны быть стерты с лица земли!.. Я так полагаю, Витя, что рынок, что толкучка, что барахолка, принципиально одно и то же: купить подешевле, продать подороже. Каким образом купить подешевле? Надуть, прижать, загнать в угол, обвести вокруг пальца, воспользоваться крайними обстоятельствами кон-

трагента. Каким образом продать дорого? Обжулить, впарить, всучить, подsunуть, то есть опять-таки воспользоваться чужой нуждой либо неосведомленностью и доверчивостью... Ты классику читай, там всё подробно прописано...

— И кого именно? — хмыкнул Искорин. — Любезного тебе Мельникова-Печерского или Мамина-Сибиряка?

Но собеседник уже крепко спал.

Глава девятая

1

С родственницей жены созвонился Искорин с утра пораньше, уговорил относительно постояльца, и уже в девять часов Глеб сажился в электричку на площади Ильича. Езды до станции «Салтыковская» оказалось около двадцати минут, пешего ходу — семь. Хозяйка дачи, закутанная до глаз платком, уже маячила на участке, занималась с утра хозяйством.

— Как вы кстати! — обрадовалась она, распечатывая обернутые целлофаном замки калитки.

— Очень приятно, — удивился Глеб, ожидавший другой прием.

— Теперь мы ее спасем!

— А что случилось? Кого мы должны спасти?

— Представьте себе, открываю сарай, чтобы взять лопату, а она, глупенькая, выскочила из травки и шмыг в сарай! А он у меня завален материалами, старой мебелью и вещами. Да вы сами сейчас увидите! Попасть внутрь я не могу, чтоб ее вызволить, и дверь оставить открытой, чтобы сама выбралась, не могу, участились кражи. Совсем на днях ограбили двух соседей, вынесли всё, просто кошмар какой-то. А если дверь запереть, она умрет без воды и пищи.

— Кошка? — догадался Глеб.

— Лягушечка! — всхлипнула Октябрина.

— Ручная, что ли?

— Ну почему? Обычная, зелененькая!

Чтобы не рассмеяться, Глеб сделал глубокий вдох, придержал дыхание, затем спросил, как они будут ее спасать.

— Да очень просто! Вы мне поможете освободить сарай, и тогда она уйдет сама, своими ножками... своими лапками.

— Идея, конечно. Оригинальная...

Идея была простая да труд не прост: сарай оказался забит деревянным, железным, тряпичным и прочим хламом. Глеб призадумался: мастерская Зыскина отдыхает...

— Так что? начинать?

— Только аккуратнее, Глеб Сергеевич. Как бы нам случайно не придавить бедняжку.

— Да уж постараюсь, — пообещал спасатель.

Через час работы возле сарая выросла гора из ржавых отопительных батарей, безногих стульев, драных диванов, кресел, раскисших картонных ящиков с артефактами.

Проклятое земноводное так и не появилось.

— Ну, где же ты, маленькая, где ты? — причитала натуралистка.

— Кажется, я знаю где, Октябрина Саввишна.

— Где???

— Давно пасется в вашем бурьяне. Посмотрите, какая щель. Через нее она и ускакала, бедняжка ваша.

— Действительно... — Девушка улыбнулась не без некоторой доли грусти. — А знаете, Глеб Сергеевич, любой труд всегда приносит свои плоды! Погода сейчас сухая, ясная, вещи прекрасно проветриваются, а потом мы их вернем на место! Не правда ли, всё получилось как нельзя лучше?..

Погода, и верно, была на диво. Стоило только поднять глаза, и отворялось небо — безоблачное, глубокое, голубое, какого никогда не увидишь в городе, и какое бывает лишь в деревенском детстве.

2

Пребывание на даче Глеб как всегда начал с приведения жилища в рабочий вид. Комната его была чуланной пристройкой к дому: бревенчатые мшоны стены, низкий потолок, окно, больше похожее на бойницу. Всё это вызывало ассоциации с картиной Сурикова «Меньшиков в Берёзове с дочерьми». Входом в темницу был застекленный тамбур, завершенный как веранда. Глеб втиснул в него хозяйкин одно-тумбовый школьный стол, к столу подобрал могучий доисторический табурет. Оценил свой труд. Конечно, не кабинет, но и не тамбур, и не веранда. Рабочий уголок писателя? Станок, нашел он более точное определение.

Кухня и умывальник располагались в отдельной будке, оборудованной газовой переносной плиткой и холодильником. Будка была вблизи, отхожее место — вдалеке, в зарослях.

Всё было ветхим, запущенным, требующим умелых рук. Несколько дней он чинил всё что можно, выкашивал крапиву вдоль жизненно важных троп, срезал ветки, цепляющиеся за волосы, и всё это приходилось проделывать под ревнивым взглядом юной натуралистки, — всякая срезанная ветка или скошенная травинка причиняли ей сердечную боль.

Октябрина, высказавшись в том смысле, что всякий труд

приносит свои плоды, оказалась права необыкновенно. В одном из ящиков с разным бумажным хламом Глеб обнаружил несколько номеров «Синего журнала» за 1916 год. В декабрьском его выпуске — Глеб особо отметил это — был опубликован портрет Владимира Митрофановича Пуришкевича. Примерно таким он и представлял себе этого фатоватого депутата. Бритый череп, нафабранные усы, в смычке с короткой ухоженной бородой маскирующие безвольный рот. Взгляд светлых глаз задумчиво строг, — так, вероятно, в его представлении, должен взирать на мир государственный деятель и общественный активист. Ниже был помещен фрагмент выступления Пуришкевича в Думе (как раз за месяц до убийства святого старца): «Господа, съ невыразимымъ душевным волнениемъ я вышелъ на эту кафедру. И не потому, что покинуть ряды своей фракціи. Я не могу покинуть ряды правыхъ, ибо я самый правый. Но бывают моменты, когда нельзя говорить, забравшись на уездную или губернскую колокольню, а надо бить в набатъ съ колокольни Ивана Великаго! Какъ раньше, такъ и сейчасъ во мне горитъ безконечная любовь къ Родине, безпредельная, верноподданнейшая преданность моему Государю. Я живу мыслью сейчасъ только объ одномъ — о побѣдѣ Россіи! Но какъ раньше, такъ и сейчасъ, во мне нетъ холопской угодливости передъ органами правящей власти и записываться въ члены министерской передней я не могу. Я вижу ясно *кто* и *что* вредитъ Россіи, тормозитъ и отдаляетъ часъ ея побѣды. [...] Да исчезнуть съ нашего горизонта въ ужасные, переживаемые нами дни, требующие величайшей осмотрительности и такта, и Андронниковъ, и Варнава, и Мардарій, и Манасевичъ, и все те господа, которые составляютъ позоръ русской жизни!» Перечислив друзей Распутина, мнимых (продувная бестия князь Андронников, финансовый аферист Манасевич-Мануйлов) и подлинных (епископ Тобольский и Сибирский Варнава), приплетя сюда еще и черногорского монаха отца Мардария, верноподданнейший слуга Престола, почему-то самого Распутина не назвал. Скорее всего, вычеркнула цензура: имя старца не должно было упоминаться никоим образом, ни в каком контексте. На той же странице были напечатаны фото о. Мардария и редакторский комментарий: «Это заявленіе вызвало протестъ со стороны славянскихъ обществъ, запросившихъ В.М. Пуришкевича: какія основанія онъ имель, чтобы характеризовать такъ о. Мардарія?! Депутатъ отвѣтилъ, что *основаніемъ ему послужили слухи и общая молва*»...

По напечатанному тут же (в целом хвалебному) отзыву князя Мансырева, был у Владимира Митрофановича один, мягко говоря, изъян, сводивший къ нулю его многочислен-

ные таланты: неустойчивость мышления, так называемое отсутствие задерживающих умственных центров.

3

Каждое утро Глеб ходил на станцию за продуктами, а заодно почитать газеты, вывешиваемые на стенде. Всё, что публиковалось, подтверждало его невеселые умозаключения. В семнадцатом к власти продирались большевики. В девяносто первом — пестрая, алчная, буржуазно настроенная команда, взявшая на вооружение методы и приемы большевиков. Устремившись во все щели государственного аппарата, на радио, телевидение, в печать, она, эта гопкомпания, атаковала массовое сознание образом Ельцина как единственного политика, способного освободить общество от засилия партocrats со всеми их льготами и привилегиями. Одряхлевшее Политбюро, не в силах сопротивляться натиску, обиженно выдувало губы, рискуя потерять челюсти. А относительно молодой Генсек, главный слуга народа, надеясь сохранить свое высокое положение, выслуживался перед Западом, играл в поддавки, юлил. Вообще что мог предложить стране этот болтливый деятель с повадками провинциального интригана? Личность серенькая, безликая (кабы не родимое пятно во лбу), за шесть лет правления умудрившийся разложить все здоровое, что было в обществе, и закрепить все то, что требовало решительного искоренения. И как следствие — ступор, коллапс доселе исправно действующего механизма и управления государством. Чем и воспользовались выпорхнувшие из-под его крыла партийные карьеристы, диссиденты, так называемые правозащитники, и пр. Рвущийся к власти амбициозный Ельцин устраивал их как нельзя лучше. Фигура, в отличие от Генсека, крупная (даже и по фактуре тела), колоритная, импонирующая очень многим — от высоколобого интеллектуала до подзаборного забулдыги. Да еще с ореолом страдальца от горбачевского произвола: взять хотя бы изгнание из первых секретарей МГК и членов Центрального Комитета...

Врачи, учителя, работники культуры, научно-техническая интеллигенция — все малооплачиваемые бюджетники поддались очарованию радужных перспектив, связывая их с именем нового харизматика. И народ, как бы уже и не народ, а некий товар под брендом *электорат*, не подозревая, что голосует за собственный геноцид, 12 июня возвел Ельцина на президентский трон.

1

В последние дни Российской империи, как и в последние дни СССР, все слои общества были изъязвлены проказой либерального нигилизма. Всем вдруг сейчас и разом захотелось государственных перемен. Вначале века захотелось в первую очередь — ответственного правительства, в другой редакции, правительства общественного доверия, которое доведет войну с немцами до победного конца без опостылевшего подкаблучника Николая и его немецкой жены Алисы. Самообольщаясь, члены Госдумы обольщали избирателей прекрасной будущностью без царя. Действовали они подобно тому, как действует многоопытный соблазнитель, рисуящий заманчивые, дух перехватывающие картины.

Либералы всех мастей и сословий, депутаты Госдумы, генералы из ближнего окружения, заразившиеся друг от друга лепрой конституционных преобразований, искренне не понимали упорства своего государя, решительно отвергающего идею ответственного правительства. Николай же был прекрасно осведомлен и был достаточно проницателен, чтобы знать истинную цену претендентам на ключевые посты в навязываемом ему правительстве общественного доверия.

Время докажет верность его оценок — и очень скоро: сформированное в начале марта Временное ответственное-разответственное правительство продержалось чуть более полугода.

В необходимости перемен Николай и сам нисколько не сомневался. Но права на ошибку у него не было. Ежели сделать ставку на дворянство, размышлял он, взбунтуются мужики. А коли нейтрализовать дворян, так надобно звать купцов, а они политически еще не зрелы, не готовы к управлению государством. Опереться на разночинных интеллигентов? Но эти, с извечным их нигилизмом, сейчас же потребуют отмены самодержавия, не то ударятся в революцию. И так худо, и этак дрянь...

Между тем проказа всё глубже поражала больных члены — уже и рьяные приверженцы монархии заподумывали о смещении Николая. Начавшаяся февральская катавасия толкала приверженцев монархии на какие-то срочные действия, и решение было принято: с благословения избранного Думой временного государственного Комитета, член оного Гучков и член Думы Шульгин спешно выехали в Ставку с предложением государю о добровольном отречении от Престола. По их прикидкам, воцарение цесаревича Алексея могло бы смягчить сердца ожесточившегося народа...

Николай подписал акт отречения в пользу брата — коронация сына означала бы протокольное разлучение с ним, а мальчик был так тяжело болен. Не мог Николай оставить его на произвол регентов. Брат, Великий князь Михаил, не решился принять корону и через газеты известил о своем отказе. Россия оказалась без царя в голове — аллегорически и буквально.

2

— Глеб Сергеич, хотите попробовать вина из одуванчиков?

— Не откажусь.

Устало потерев глаза, Глеб отправился на хозяйскую территорию.

— Вино вижу, но где закуска? — спросил он, войдя в летнюю кухню.

— Это вино смакуют, а не закусывают.

— Любое вино требует сопровождения. Минуту!

Он ушел и вернулся с пучком травы.

И тут же ударил гром, на крышу просыпалась дробь дождя, дверной проем занавесили толстые водяные нити.

— Ого! — непроизвольно поежился Глеб. Разложил на столе принесенную зелень. — Вот это — мокрица, по латыни стеллария, — указал он на нежные травинки с круглыми крохотными листочками. — Мало того, что вкусная, еще и целебная! Бабушка моя ею радикулит лечила. Чудная травка! Используем как компонент к нашему салату. Сам салат приготовим вот из этого истребляемого невеждами сорняка. Это сныть. Сибирский Геракл, по латыни.

— Вы столько всего знаете, Глеб Сергеевич! Вы, наверное, очень умный.

Глеб пожал плечами:

— Вообще слухи такие ходят. А на самом деле так оно и есть!

— Вы еще и остряк, — нахмурилась Октябрина.

— Главное, что сныть, — никак не отреагировав, продолжал он, — кладезь микроэлементов и витаминов. У вас ее растет прорва, даже вон у крыльца кустится. В голодные годы народ только ею и спасался: варили, сушили, ели сырую. В самом названии, слышите? — спрятано слово снеть. Да вы пожуйте, пожуйте! Вкус сладкого перца с легким акцентом острого.

Девушка отщипнула листик, положила в рот, недоверчиво пожевала.

— Пожалуй...

— Что мы еще положим? Это вот ваш одичавший укроп, а это извините, крапива.

— Но ведь сейчас август! Я читала, что крапива полезна в мае.

— Всё врут календари! Есть ее можно круглое лето, даже в августе. В общем, пока зеленая. Обратите внимание, я сорвал только верхушки, в них самый вкус и солнечная энергия... Теперь добавим листочек хрена, точнее фрагмент листочка... — Раскрыв свой походный нож, Глеб сноровисто покрошил стебельки и листики. Ссыпал в миску, перемешал. — Теперь сбрызнем всё это уксусом, и... И наш салат готов!

— Как у вас ловко получается, — поджала губы домовладелица, грустя по загубленным стебелькам и листикам. Подумала с неудовольствием: объест всю зелень...

— Ну-с? За что будем пить? — Глеб поднял бокал с вином.

— За бережное отношение к живой природе.

— Принимается, — понимающе улыбнулся он.

Вино оказалось слабым, но приятное. Октябрина разругаянилась, подобрела.

— А что это мы без музыки? Давайте включим?

— Не возражаю.

Выпорхнув из-за стола, она сняла с полки транзисторный радиоприемник, включила, поймала танго:

— Потанцуем?

Ну, это уже оргия, подумал Глеб. Не успел он встать, как музыка прервалась, сменилась взволнованным голосом диктора:

— В эфире «Эхо Москвы»! Внимание! Сейчас перед вами выступит один из защитников Белого Дома писатель и публицист Попсов! Поправка: Бобцов! Нет? А как?.. Ну да, конечно, Попцов! Прошу вас, коллега!

— Дорогие сограждане! Товарищи! Люди доброй воли! — заговорил оратор с легкой картавостью, пылко и трибунно. — Шайка заговорщиков, так называемый гэ-ка-че-пэ, узурпировав власть в стране, готовит штурм здания Верховного Совета России! Как стало известно из достоверных источников, атака намечена на ближайший час! Все, кому дорога свобода, кому дороги принципы демократии, для кого социальная справедливость не пустой звук, спешите на Красную Пресню, вставайте в ряды защитников «Белого Дома»!

— Что творится... — пробормотал Глеб. Последние два дня, увлеченный перипетиями *февралюции*, он не ходил на станцию, не читал газет, телевизора не смотрел, его у него просто не было, радио не включал.

Похоже, Октябрина тоже не следила за новостями, выпуск «Эха Москвы» был для нее сенсацией.

— Я должна быть на баррикадах! — объявила она решительно. — А вы?

— Ну, в общем, я тоже против несправедливости... — С Попцовым, редактором молодежного журнала, он был знаком, но не настолько, чтобы сломя голову бежать на его зов. Да и зачем? Защищать Ельцина, бывшего второгодника и неособышевика? Однако и те, в Кремле, не вызывали у него симпатий. — Наверное, надо, — мотнул он головой. Про себя прибавил: посмотреть на это безобразие собственными глазами...

Октябрина смахнула прядку со лба, открыв некрасивую кандилому, какой Глеб раньше не замечал. Открытие эстетически огорчительное. Мысленно он убрал неприятное кожное образование — дева преобразилась. Словно впервые он увидел безупречные линии лба, носа, изящный рисунок губ. Бог мой, подумал он, да ведь она красавица...

Без извечной своей косынки, повязанной по-старушечьи, в опрятном платье, девушка выглядела очень и очень юно, даже не верилось, что ей далеко за двадцать. И фигуру ведь сохранила девичью, стройную, без излишеств...

— На улицах танки. — Октябрина нахмурилась. — В марте, помните, тоже войска вводили, потом устыдились и вывели. Я думала, так будет и на этой раз. Ну так что? Мы едем?

— У меня нет зонта, — попробовал увернуться Глеб.

— У меня найдется.

— Ну что же, тогда поехали...

На платформе они оказались единственными уезжающими в Москву. Из электрички, прибывшей из Москвы, народу, напротив, сошло порядком — и местных, и дачников. Октябрина высмотрела соседа:

— Антоныч, ну что Москва? Как она?

— Да что она? Утопнет скоро! Дождище вон льет и льет.

— А люди? Что говорят, что делают?

— Люди? Говорят, как обычно, глупости. А делают, кто во что горазд. Извини, Саввишна, у меня зонт дырявый.

Подошел поезд, следующий в Москву. Вагон, в который они вошли, оккупировали цыгане. Грязные оборванные цыганята орали, носились из конца в конец, кувыркались на деревянных лавках; мамки кормили грудных младенцев.

— Не сюда! — бросила Октябрина и потянула дверь перехода в соседний вагон. Глеб шагнул за нею в лягающую «гармошку».

Этот вагон оказался пуст, и это ее расстроило:

— В Москве такое, и как будто никого не касается!

До Курского, до конечной ехали в полном молчании. По шевелящимся губам спутницы Глеб предположил: возмущается равнодушием населения. На всякий случай все же спросил:

— Вы что-то сказали?
— Кто жил и мыслил, тот не может в душе не презирать людей!

Однако! — подумал он. Как это у нее сочетается: такая мизантропия и такой гринпис...

— Пушкин, Евгений Онегин, — сказал он вслух. — Глава первая.

3

В метро как всегда в эти пиковые часы было сутолочно и шумно. Прислушиваясь и приглядываясь к толпе, Глеб пытался понять, чем озабочены люди в критической политической ситуации. Не понял и, ко всему, при переходе с кольца на радиус потерял спутницу. Людской поток вынес его наверх.

На подступах к зданию Верховного Совета и вокруг фасада возводились муравьиным способом баррикады. Под проливным дождем люди тащили какой-то металлолом, бочки, доски, выковыривали булыжник — излюбленное оружие пролетариата. Всяк старался внести свой вклад в защиту Белого Дома. И хотя далеко не всякий мог бы метнуть булыжник без последствий для собственного здоровья, многих переполняли заносчивые эмоции, по-видимому, от сознания причастности к новейшей истории Российского государства. (Эту фразу надо бы записать, а то забуду, подумал Глеб). Какой-то парень, судя по комплекции, борец сумо, схватил его за рукав, заглянул в лицо:

— Пароль?

Глеб стряхнул бесцеремонную руку:

— Чего тебе, паренек?

— Вы из какой сотни?

— Что значит, из какой сотни?!

— Из какой сотни, неизвестно, — хохотнул юркий мужичок лет сорока в полиэтиленовой простыне, — но явно не из робкого десятка!

Представился:

— Майор Сафаров!

— Елахов... младший сержант запаса.

— А по годам полковник, — колыхнул животом толстяк.

— По годам я уже генерал, юноша.

— Если вы еще никуда не определились, пошли ко мне, — предложил майор. — Номер сотни у нас тридцатый.

И приказал оформить новенького:

— Пшонкин, запиши его!

«Пшонкин», — мельком подумал Глеб, слишком мелкая, дробная какая-то фамилия для такой туши. Хотя возможны ассоциации с пшенной кашей, которой, видать, пичкали его в детстве...

— Есть, господин майор! Нам бы еще четырех бойцов, был бы полный комплект!

— Вот и действуй. А мы пойдем.

— Новенький, на минуточку! — Пшонкин извлек из сумки фотоаппарат. — Один кадр! Для истории! Зонтик приподнимите?

Лить уже перестало, и Глеб сложил зонтик вообще.

Толпа между тем росла; в общем гуле различались возгласы и команды, смех, оживленный говор. Удивительно, что при такой сырости то там то сям вспыхивали костры, а у иных уже выпили и закусили, и теперь настраивали гитары. Выпивку и закуску разносили загадочные офени. Если стоять лицом к фасаду, то Глеба привели к правому крылу здания. Здесь, на пяточке за горами мусора, *сотня* в составе семнадцати человек приветствовала появление командира. Но, против ожидания, ничего нового майор Сафаров не сообщил им, сказав, что штурм возможен в ближайший час, военные пачками переходят на сторону Белого Дома, народу на баррикадах уже более миллиона. По прикидкам Глеба, народу было не более двух–трех тысяч. Но «тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман»...

— В боевой контакт с нападающими не вступать, — приказал майор, — только в устный и только тем, у кого подвешены языки. Всем остальным отработать места укрытия и пути отхода.

Умник, подумал Глеб, стратег. На безоружных людей покатится вал спецназа. Какой боевой контакт, какие переговоры? Где, наконец, укрыться, куда бежать этим несчастным людям?! Предотвратить бойню могло только чудо.

И чудо произошло. Смерть, однако, унесла жизни трех молодых людей, чересчур увлекшихся атакой на БТР.

Глава одиннадцатая

1

Эту ночь Виктор Дмитриевич Искорин провел на рабочем месте. Время пошло тревожное, события стали непредсказуемы.

Президент России, Правительство и Верховный Совет призывали к бунту, к гражданскому неповиновению.

При всем при этом москвичи жили обыденной трудовой жизнью: привычно шли на работу, привычно выстаивали очереди в магазинах. Кто имел загородные участки, возился на загородных участках, делал запасы на зиму, не надеясь на государство. Метро, транспорт, заводы, фабрики, учрежде-

ния работали в обычном своем режиме, ни шатко ни валко, но и без заметных сбоев. И все же незримая напряженность в городе нарастала. Танки и патрули ничуть не способствовали разрядке, скорее наоборот. Был введен комендантский час, однако ж и по ночам на улицах болталось полно народу: какие-то криминального типа личности, стайки агрессивно настроенной молодежи и просто пьяные — компаниями или поодиночке; участились случаи вандализма, разбоев, краж нападений на частные забегаловки и кафе.

В такой ситуации за издательством нужен был глаз да глаз.

В эти зыбкие дни Искорин дважды пережил шок. Первый, когда утром девятнадцатого числа пришел в районный комитет партии. Кошки скребли на сердце, но заставил себя прийти: между ГКЧП и Ельциным он выбрал ГКЧП как наименьшее из двух зол.

В райкоме его узнали, там его вообще хорошо помнили. Особенно помнили его заявление о приостановлении членства в партии до полного построения коммунизма. Встречал его сам Гузно, секретарь по идеологии.

— Ба, Виктор Дмитриевич! Чем обязаны? Вы ведь, кажется, вышли из партии?

— Пришел погасить задолженность по членским взносам.

— Вот как? Задним числом? Похвально. Елена Юрьевна, вы не могли бы поднять ведомости за прошлый год?

Молодая, с доисторической партийной халой на голове, сотрудница ответила, что ведомости в архиве.

— Так поднимите архив.

— Не могу, Лев Тарасович. Архивы вывезли. Как приказано. Еще вчера. На всякий пожарный случай.

Гузно опять повернулся к гостю:

— Значит, вы полагаете, что по-прежнему состоите в КПСС и хотите заплатить членские взносы. Я вас правильно понял?

— Правильно.

— И за сколько же месяцев?

— За одиннадцать.

— Ваш средний месячный заработок?

Искорин назвал, привычно отбросив последний ноль.

— Три процента, умноженные на одиннадцать, составят...

Ну что ж, неплохо, — сказал Гузно.

— Вот, пожалуйста. Можете пересчитать.

— Зачем? Партия верит своим товарищам. — Лев Тарасович небрежно сунул деньги в задний карман штанов.

— А ведомость? — опешив, спросил Искорин.

— Зачем этот формализм? Елена Юрьевна, внесите отметки в членский билет товарища. А теперь, коммунист Иско-

рин, — сказал Гузно, — садитесь за стол и напишите, что отзываете заявление о выходе из КПСС. Что считаете его ошибочным, расквашиваетесь и хотите оставаться в наших рядах. И далее повторите всё то, что вы писали когда-то в заявлении о приеме.

— Я уже не помню... — бледнея от унижения, сказал Искорин.

Из райкома партии он вышел нервной дробной походкой, с заострившимся от ненависти лицом. Если бы он находился в другом расположении духа, то засёк бы прячущегося за углом толстяка с камерой. Сделав несколько кадров, толстяк потрусил к ближайшему таксофону:

— Юрий Маркович? Это я, Пшонкин! На сегодня шестеро. Все явные приспешники ГКЧП.

Второй шок Искорин пережил у себя в офисе. Снова сорвался закодированный от пьянства Цвиллинг.

— Витька! — рыдал он и бился в руках охранников. — Да понимаешь ли ты, что творится?

— Понимаю, — сухо сказал Искорин. — Ты снова ушел в запой. Бессовестный ты человек, Арон! Безответственный. Какой повод у тебя на сей раз?

— Повод?! А ты не видишь? С луны упал? Так я тебе объясню! Восемь идиотов затеяли ревизию государства! Пока болтун меченый в отпуску! Объявили чрезвычайное положение! И что дальше? А дальше пшик! Они устали! И сидят сложа рукава!!! — Наконец ему удалось вырваться. Драть тельняшку он, скорее всего, раздумал, просто вытер ею заплаканное лицо. — Политические трупы и тащат всех за собой в клоаку...

— Дайте ему воды, — приказал Искорин.

— Не надо мне никакой воды! — проревел Цвиллинг, однако отпил глоток и вроде бы успокоился. — Они тащат нас, потому что тупицы, бездари, импотенты... Потому что дали карт-бланш этой плесени, этим шлеперам * во главе с Ельциным... — И вдруг опять перешел на крик. — Три дня засесть и ни хрена не сделать!!! Можно подумать, у них шабат! У этих антисемитов!!!

— Что ты несешь, Арон?! — поморщился Искорин. — Какие антисемиты?!

— А разве нет, не антисемиты? Кто сверстал прекрасную Октябрьскую революцию, я спрашиваю? Мы, евреи! Мы были мозгом, хрящом и костяком партии! Мы создали самое передовое общество на земле! И теперь из-за каких-то политических недоумков, всё это накрывается медным тазом?! И великая партия, и великое государство?! Я тебя спрашиваю, Моисей!

* Ругательство (евр.).

Приглашенный сотрудниками врач-нарколог, к которому относился его вопрос, отпрянул, в полемику вступил с безопасного расстояния, из-за письменного стола:

— Да, Аарон, мы сделали эту клятую революцию. Да, не отрицаю, построили эту СССР. И во что оно вытекло? Чтобы никому и нигде никакой частной практики! Одна сплошная пятая графа! Оно нам надо?! Вот почему будем делать назад Февральскую.

— Что-о-о? Ты кому это говоришь, буржуйская морда?! — проревел Цвиллинг. — Мне, потомку революционер-ленинца?!

— Давайте уже немного поработаем, — насупил брови Моисей Борисович; в руках у него появился шприц. Двое охранников бросились к коммерческому директору.

И тут бывший морской десантник проделал то, чего от него никак не ждали: метнулся ласточкой в распахнутое окно.

Присутствующие при этом трюке охнули, кинулись к окну. Арона Гершевича под окном не было, растворился в уличной толчее. Отправленная вслед погоня пришла ни с чем.

Выждав время, Искорин стал накручивать телефон. Коммерческий директор не отвечал. Или не желал ни с кем разговаривать, или завис в пивной.

Свой гнев Искорин выместил на его помощнике по хозяйству:

— Почему на окнах до сих пор нет решеток! А если какое-нибудь ЧП?!

Тот попробовал отделаться каламбуром:

— Какое ЧП при ГКЧП?

Искорин не принял шутки:

— Любое. От хулиганства до банального ограбления!

Прогноз подтвердился самым фатальным образом. Нападение на издательство случилось двадцать второго августа, когда защитники Белого Дома праздновали викторию. Виктор Дмитриевич, не остерегаясь более криминала, отпустил охранников. Он даже не запер за ними входную дверь, собираясь уходить следом. Тут-то и ворвалась орава неких молодчиков под предводительством немолодого плешивого идиота.

— Надеюсь, мне представляться не надо? — выступил идиот. — А эти господа — уполномоченные Комитета защитников Белого Дома и демократии. — И сунул под нос бумагу. — Мой мандат!

— Червяченко... Юрий Маркович... Извините, — сказал Искорин, — но мы не печатаем публицистику. Даже такую огнестрельную, как ваша. Особенно про картошку.

— Но-но-но! Я попрошу!

— И я попрошу. Все вон! Это частная территория.

— Вы не поняли, уважаемый! Мы пришли сюда арестовать вас как пособника ГКЧП.

Искорин ударил по чьей-то потянувшейся к нему руке:

— Вы что себе позволяете?!

И прежде, чем его связали, успел навесить фонарь огнестрельному публицисту, чем тот гордился позже; кому-то расквасил нос, кому-то пересчитал зубы.

— Жилиштый, шабака, — плаксиво пожаловался налетчик, молодой, эндокринно тучный, которого все называли Пшонкин.

Поверженный издатель лежал на полу своего офиса, с бесильной яростью наблюдая, как потрошат шкафы в поисках компромата. Последний сюрприз преподнесла свояченица. Увидев ее среди нападавших, Искорин был потрясен:

— Октябрина?! Ты-ы?! Здесь?!

— А где мне быть! — фыркнула с презрением Октябрина. На щеках ее полыхал румянец, глаза сияли, волосы были схвачены налобной трехцветной лентой.

2

Ситуация в стране один в один повторяла безвременье февраля Семнадцатого. Те же развязные молодые люди на улицах, та же праздная вседозволенность и так же, по ничтожному поводу, вспыхивали потасовки, заканчивающиеся беспетолковым митингом, и затевались косноязыкие дискуссии, переходящие в потасовку.

Главные улицы Москвы сделались пешеходными. Глеб шаггал за толпой по утренней, залитой солнцем Садово-Кудринской, потом отстал, свернул на улицу Герцена, к ЦДЛ, но заходить туда раздумал, присоединился к какой-то группе и вышел с ней на Лубянку, на площадь, на прежде неприступную клумбу со знаменитым памятником Дзержинскому. Солнце стояло уже в зените и, затенив глазные впадины на лице чекиста номер один, придало его чертам неожиданно трагическое выражение.

Здесь, у гранитного пьедестала, Глеб натолкнулся на Зыскина и его супруга. Додя выписывал буквы на девственной полировке камня, Ньюмба держал ведро с цинковыми беллами. Две надписи: ТИРАН и УБИЙЦА уже подсохли, Додя выводил третью: ПОДЛЕ...

— И что это будет за слово? — поздоровавшись, спросил Глеб.

— «Подлец»! — отвечал Додя.

Глеб перехватил его руку:

— Стоп! Тиран и убийца — еще можно принять как образ. Хотя, впрочем, сестренку-то застрелил, было такое дело... Но подлецом — нет. Не возводи напраслину, Додиан.

-
- Что ж теперь? Слово почти написано!
— Дописывай: жит сносу.
— Причем тут жид? Почему с носу? Что за абракадабра?
— Подлежит сносу.
— А-а! — осенило Додю. — Гениально!

Так появилась надпись, ставшая сигналом к акту грандиозного вандализма.

Народ валом валил на клумбу — резко запахло растертой тысячами подошв травой. В нарастающем столпотворении шныряли деловитые иностранцы с камерами; приметно выделялись золотыми погонами казаки. Гости с Украины в сорочках с национальной вышивкой махали жовто-блакитным флагом; когда ахать надоело, попробовали его *прычепить* к скульптуре, — влезли на пьедестал. Флаг упорно не прицеплялся; оставалось телепенить им на земле.

Однако дорожка была указана. Наверх полезли великороссы. У этих дело пошло скорее — облепили скульптуру пчелиным роем.

— Мужики! — крикнули им сочувствующие. — Выньте ему руку из кармана! У него в ней наган!

Толпа реагировала взрывом хохота.

Под бурю аплодисментов смельчакам удалось привязать свой бело-сине-красный флаг. Накрасовавшись, попозировав так и этак, верхолазы спустились вниз. Казалось бы, дело сделано и на этом можно и разойтись.

Но нет!

Наверх карабкался новый участник шоу. Парнишка в солдатской робе, в кирзовых сапогах, никак не пригодных для альпинизма, оказался проворней всех: в считанные минуты оседлал стацию. В руках он держал бельевой шпагат. Внизу, на земле, к другому концу шпагата какие-то расторопные мужики привязывали буксирный трос.

— Вира! — крикнули, привязав.

Паренек потянул, но шпагатина выскользнула из рук, а сам он едва не сорвался вниз.

Зрители охнули; даме в плетеной шляпке стало нехорошо.

После некоторых раздумий к выпавшему линьку примотали башмак для тяжести, стали метать наверх.

С четвертой попытки башмак полетел как надо. Солдатик поймал его, действуя на сей раз ловчее и осмотрительней.

Таким образом, при помощи простого снаряда, состоящего из шпагата и бесхозного башмака, провожаемый рукоплесканиями, трос был поднят.

Теперь требовалось закрепить его на шее Председателя ВЧК. Солдатик справился и с этой вводной, закрепил удав-

кой. Далее все действовали слаженно и осмысленно. Пока одни подгоняли реквизированный фургон с надписью «Доставка мебели», цепляли трос за буксирный крюк, другие отжимали толпу на безопасное расстояние. Отжав, встали в живую цепь. За рост и спортивный вид рекрутировали в цепь и Глеба.

Фургон наконец поехал — народ затаил дыхание. Трос натянулся, напрягся тугой струной; послышался вой движка, из-под буксующих колес потянуло дымом. С криком «даешь!» люди бросились на помощь слабосильной автомашине, уперлись в борта плечами и сдвинули (!) с мертвой точки.

Но — хлопок, трос лопнул, завился кольцами. Железный Феликс стоял непоколебимо, как и подобает рыцарю революции.

Люди, однако, не отступились. Новые добровольцы, растелшась, облепили скульптуру пчелиным роем. В дело пошли другие тросы, крепче и толще, подъезжали другие, более мощные грузовые. Между тем стало уже темнеть. Народ всё не расходился, напротив, всё прибывал и прибывал.

На площади появились народные депутаты с уговорами оставить бессмысленную затею, ссылаясь на некие подземные пустоты и опасность падения многотонного монумента.

Дабы как-то отвлечь безумцев, депутаты пригнали автомобиль с радиорупором, стали транслировать выступление Горбачева, два часа назад прилетевшего из Фороса. Узник совести давал пресс-конференцию иностранным СМИ, не утруждая себя объяснением с собственным народом и товарищами по партии.

— Заткните ему хайло! — взорвалась толпа.

Радио смокло, прокашлялось и замурлыкало тенорком парламентария (или, в данном случае, парламентёра?) Сергея Станкевича:

— Уважаемые москвичи и гости столицы! Руководство города с искренним уважением и пониманием относятся к вашему гражданскому волеизъявлению! Как только что сообщил вице-мэр Лужков, на подходе два крана! С ними едут опытные специалисты по такелажным работам. Призываем всех сохранять терпение! Не нужно самодеятельности, друзья. Символ тоталитарной власти будет демонтирован уже сегодня!

Шоу, освещенное лучами прожекторов, продолжалось далеко полночь...

3

Следующей ночью сносили памятник Якову Свердлову. Об этом рассказал Глебу случайный попутчик в тамбуре электрички.

— ...О сносе прослышал днем. Приезжаю полюбоваться — ничего подобного, никаких движений. Только надписи типа душегуб, царубийца и тому подобное... (Не иначе супруги Зыскины, тотчас подумал Глеб.) Что интересно, одна надпись вообще была на арабском!

Приезжаю опять, в половине одиннадцатого ночи. Злодей освещен прожектором, на морде веревка, народу тьма. Примерно без десяти одиннадцать прибыли два автокрана. Долго пристраивались, хотели взять его с фронта, да не тут-то было, стрелы коротки. Тогда стали подбираться сбоку. Кран, который поменьше, с люлькой. Из люльки мужик торчит: в каске, в комбинезоне, сразу видно, специалист. Свешивается из люльки, вяжет объект канатом. Зрители ржут, советуют заводить под пах. Подключается кран, который побольше и помощней. Да... Тянет—потянет, царубивец не шелохнется! В другой раз кран тужится, ревет мотором... И что ж вы думаете? Выдирает из постамента с мясом! — ну, то есть с плитой, к которой привинчен был! Взгромоздили Якова на камазовскую платформу, повлекли на свалку..

— Куда-куда?!

— Да на Крымский вал! К художникам! Склад там. Говорят, одних Ильичей уже голов сорок.

Он оказался прав. Свалка идолов на Валу стремительно разрасталась.

...Погост несбывшегося социализма.

Глава двенадцатая

1

Их арестовали 21 марта: Николая в Могилеве, Александру Федоровну в Царском Селе. Временное правительство пошло на эту меру, желая (*о, кабы так!*) обезопасить его и его семью от революционно настроенных рабоче-крестьянских масс. И тем же чохом продемонстрировать собственную революционность: дескать, видите, массы, как мы следуем вашей воле? да-с! заперли угнетателя под замок.

Прибывший в Александровский дворец генерал Лавр Георгиевич Корнилов, на то время командующий войсками Петроградского округа, объявил:

— Ваше Величество, я уполномочен сообщить Вам, что с этого часа Вы считаетесь арестованной.

— А государь? — со скрытой тревогой спросила Александра Федоровна; у губ легли горькие складки. — Его тоже арестовали?

— Так точно. — Генерал посмотрел на нее с состраданием. Удивительная женщина, настоящая императрица. Черт бы

побрал ее слабака супруга, не смог защитить ни ее, ни себя, ни деток. Венчалась с наследником престола, а сделалась женой арестанта... и сама в том же звании. Притом тогда, когда уже погубила совсем здоровье, нарожав ему будущих арестантов...

Николая привезли в Царское 22 марта. Изолированного от армии, от верных войск, подло преданного генералами.

Новое положение внешне не отразилось на отрекшемся императоре. Время он коротал за фотографией, чтением и па-сьянсами. Казалось, он даже испытывает удовольствие от своего нового положения. Наверное, впервые за двадцать два года царствования он почувствовал себя свободным, несмотря на все утеснения и запреты. Передвижение ограничивалось стенами дворца, прогулки позволялись только на отведенном участке парка. Любые сношения с внешним миром были запрещены. Поступающая почта контролировалась комендантом. Кряду с этим, у него отняли личный архив, искали изобличающие документы. В чем изобличающие? В изменнической деятельности (!) в пользу немцев, — таково было указание Чрезвычайной следственной комиссии от июня 1917-го.

Николай сохранял редкое самообладание. Дважды в день по регламенту гулял в парке, в предписанном месте, пилил дрова, скалывал лед с дорожек, убирал снег. Только однажды позволил себе сорваться. На прогулке кто-то из конвоиров, топавший за ним по пятам, стал наступать на пятки («гы-гы-гы!») в буквальном смысле; Николай, не оборачиваясь, хлестнул его по ногам тростью. Топтун отстал и впредь тащился не ближе пяти шагов.

Жизнь под стражей разнообразилась визитами Александра Федоровича Керенского. Впервые встретились они в апреле; бывший стряпчий приехал к бывшему самодержцу, заранее настроившись агрессивно. Николай принял его на детской половине, в классной комнате. Кроме императрицы, присутствовали старшие дочери Ольга и Татьяна с наследником Алексеем, уже поправившиеся после кори. Младшим дочерям, Марии и Анастасии, доктор Боткин прописал постель.

Николай, представляя свое семейство, держался просто, естественно, как всякий воспитанный человек:

— Моя жена Александра Федоровна. Сын Алексей. Дочери Ольга и Татьяна. Младшие, Мария и Анастасия, больны. Если желаете их видеть, пройдите в спальню. Надеюсь, вы не боитесь заразиться корью?

Эта простота и эта естественность произвели на незваного гостя сильнейшее впечатление. Щеки порозовели, с уст готовы были слететь слова: «Ваше Величество, я не жандарм!»

— Не станемте их тревожить, — сказал он, прикусив губу.

— Как будет угодно, — склонил голову Николай.

Был государь в безупречно отглаженном мундире, тогда как гость в замятой тужурке, без манжет, в несвежем воротничке выглядел совершеннейшим моветоном. И не был он Керенским, если бы в последующем разговоре не преминул подчеркнуть государственной значимости своей персоны, в частности, в законотворчестве.

— Между прочим, я добился отмены смертной казни как наказания!

— Вы хотите сказать, что мы были приговорены? — понял его по-своему Николай.

— Нет-нет, — смешался Александр Федорович, — я вовсе не это хотел сказать! — И, сбиваясь с фразы на фразу, заговорил горячо о том, что многие его товарищи по борьбе заплатились жизнями, но лично он как генерал-прокурор принципиально против любого аутодафе.

— Вы гуманист, — заметил Николай ровно. Всю жизнь он старался не задевать чужих самолюбий, и в высказываниях всегда был корректен и осторожен.

Керенский поспешил откланяться, обещав в скором времени навестить опять.

— Будем рады, — сказал Николай кротко.

Этой кротостью он и доконал спесивого адвоката. Дома, в передней, вперившись взглядом в зеркало, Александр Федорович с немалым усилием вернул себе брутальное выражение, каковое по утрам отрабатывал на лице и каковое чуть было не утратил от общения с экс-царем.

В новые визиты Керенский был решительно другой человек: участливо справлялся о самочувствии каждого члена семьи, не терпит ли кто каких-либо утеснений, в чем нуждается, и так далее в том же роде.

— Нет, нас всё устраивает, — был ответ, — нужды ни в чем не имеем. Благодаря вашему попечению.

Министр юстиции галантно склонял знаменитый бобрик. Теперь уж он приходил во френче, надушенный, с ухоженными ногтями.

Выказывая семье бывшего императора всяческое расположение, на публике Керенский декларировал прямо противоположное:

— После всего пережитого государством Российским нет прощения трехсотлетнему игу семьи Романовых! Мы будем жестоки ко всем, кто хочет опять накинуть удавку самодержавия на шею освободившегося народа! Мы говорим нет кровавой династии! Нет и еще раз нет!

По его указанию министр иностранных дел Временного правительства Милюков вел переговоры с английским послом Бьюкененом о предоставлении убежища царской семье. В конце концов, посол, запросив Лондон, получил согласие. Лондон же, преследуя своекорыстные интересы, поступил самым коварным образом: охотно согласившись принять Романовых и даже посулив прислать крейсер, объявил о том, что до окончания войны въезд в пределы Соединенного Королевства невозможен — из-за опасности от немецких подводных лодок. Из чего вытекало, что Россия должна воевать с кайзером до победы — хотя бы во спасение своего монарха. Керенский стуживался, как сказал бы автор «Преступления и наказания». Победить кайзера в ближайшем будущем было крайне проблематично. Большевизм разьедал армию, толкая к братанию с немчурой, к насилию и бесчинствам. С каждым днем войска все больше утрачивали боееспособность, не говоря уж о боевом духе. Если какой-то дух и присутствовал на позициях, то это был запах тлена и разложения.

Решено было увезти Романовых в глубь страны, в какое-нибудь захолустье, стабильное в политическом равновесии. «Несомненно одно, — оправдывался Александр Федорович в эмиграции, — если бы Октябрь застал царя в Царском Селе, он погиб бы не менее ужасно, но на год раньше».

Следователь по особо важным делам Омского окружного суда Николай Алексеевич Соколов, по заданию Колчака расследующий убийство Царской семьи, недоумевал: почему надо было увозить в Тобольск, а не в Крым, в Ливадию, не в центр России, скажем, в поместье брата, великого князя Михаила Александровича? Этот вопрос спустя несколько лет он задавал бывшим членам Временного правительства и, в первую голову, их председателю.

Керенский отвечал: «Это было исключено, поскольку пришлось бы ехать через настроенную антимонархически рабоче-крестьянскую Россию».

«Но разве, — резонно рассуждал следователь, — путь в Сибирь проходил не через рабоче-крестьянскую Россию? При том, что был протяженнее и потому опаснее?»

Еще более несостоятелен другой аргумент Керенского: «В Тобольске, де, имелся удобный губернаторский особняк». — «Неужели же ливадийский дворец был удобен менее? — парировал Соколов. — А может быть, Александр Федорович, дело в банальной мести? И Сибирь была выбрана потому, что именно в Сибирь высылались социалисты-революционеры, ваши соратники по борьбе?» — «Вопрос некорректен»...

12 августа Романовым было объявлено об эвакуации за Урал. Куда именно, не уточнялось.

Ночью в Александровский дворец приехал Керенский и великий князь Михаил Романов. Встречали их командир охраны полковник Евгений Степанович Кобылинский и начальник внутреннего караула с дневальным офицером (имена этих двух господ Глеб решил не вводить, дабы не перегружать текст второстепенными персонажами).

Визитеры, сопровождаемые охраной, прошли анфиладой залов, где у каждой двери стояли внутренние лакеи, одетые сообразно обязанностям кто в черные фраки, кто в гуцульские вышитые жилетки и кунтуши; у одних дверей стыла пара атлетов в туниках, схваченных на груди сверкающими аграфами. То был последний парад-алле дворцового этикета.

В верхнем этаже гостей встретила группа придворных с графом Фредериксом Владимиров Борисовичем во главе, — генерал от кавалерии, министр императорского двора, он был одет по форме, прочие в сюртуках.

Негромко, как при покойнике, поздоровавшись, Керенский занял позицию посредине зала. Фредерикс встал справа от него, Михаил и князь Долгоруков — слева, конвойные офицеры — сзади.

Церемониальное построение закончилось — послышались быстрые, призывающие шпорами шаги бывшего императора. Офицеры вытянулись во фронт.

Николай вышел в мундире лейб-гусарского полка, без головного убора; слегка подергивая плечом, замедлил шаг, приостановился, затем решительно подошел к Керенскому.

— Почему Тобольск, Александр Федорович? — спросил он усталым голосом. — Почему не Крым?

— В Крыму неспокойно... — Керенский поймал себя на том, что чуть было не прибавил «Ваше Величество», и, досадуя на себя, закусил губу.

— Отчего же там сделалось неспокойно?

Премьер-министр не нашелся ответить сразу, а после его не спрашивали.

Николай повернулся к брату. Глянув в глаза друг другу, они обнялись, троекратно расцеловались. Сердце подсказывало обоим, что эта встреча у них последняя на этом свете.

— Ну что ж, Тобольск так Тобольск, — слабо улыбнулся Николай присутствующим.

Старый преданный Фредерикс промокнул глаза. На лице Керенского ничего особенного не отразилось.

Дворец наполнился оживленными голосами. Несмотря на глухую ночь, обитатели принялись паковать портпледы, кофры и сундуки. Раскрасневшиеся служанки носились с этажа на этаж, в подвалы и кладовые.

Азарт прислуги, унынье свитских, безучастность вчерашнего императора, — всё это подействовало на Керенского угнетающе. С камнем на сердце он сошел во двор, где уже выстроился отряд охраны.

Бравым видом гвардейцы слегка поправили ему настроение. Приняв классическую позу Наполеона, то есть, заложив правую руку за борт френчика, левую заведя за спину, Александр Федорович обошел строй.

Гвардейцы, освещенные лампами, глядели доблестно.

— Вот ты! — ткнул он в грудь понравившегося стрелка, полного георгиевского кавалера. — Готов ли дать отпор в критической ситуации?

— Это ежели располох какой, ваше превосходительство?

— Вот именно. Предположим, заключенные подвергнутся нападению злоумышленников.

— Само по себе! Полезут — окоротим!

— Как твое имя?

— Елахов Ерофей Павлов! — щелкнул молодец американскими каблуками.

— Господин полковник, — обратился к командиру Александр Федорович, — не пора ль представлять кавалера на офицерский чин?

Кобылинский замешкался с ответом: стрелок-георгиевец был новичком в отряде и ничем еще достойным поощрения не отличился.

— Боевой дух столь же ценен, что и ратный труд, — назидательно прибавил премьер-министр.

Вернувшись в залу, он поделился впечатлением от охраны:

— Отряд более чем хорош, Николай Александрович!

Николай кивнул, перевел разговор на тему, которая занимала его теперь:

— Что с Учредительным Собранием? Как тут обстоят дела? Скоро ль выборы?

— Предваряющая работа к созыву ведется ежечасно.

— Гм... А что нового в армии?

— Многое, Николай Александрович. Ежели вас интересуют боевые мероприятия, то тут я, увы, не волен что-либо раскрывать.

— Понимаю...

Приличия были соблюдены, визит закончился. Покидая дворец, Керенский приказал себе не оглядываться и все-таки

оглянулся. Николай, уже с покрытой головой, стоял в портале главного дворцового входа, держал руку под козырек.

Недавний генерал-прокурор, ныне министр-председатель (вскоре он Станет и верховным главнокомандующим) Александр Федорович выпятил подбородок и проследовал к правительственному авто строевым шагом.

3

В путешествии за Урал августейших узников сопровождало специальное охранение, назначенное указом Керенского. В него вошли около трехсот гвардейцев: две роты Преображенского и рота Семеновского полков.

Руководство эвакуацией было возложено на полномочных представителей Временного правительства, эсеров Макарова и Вершинина. Из-за наружности, одинаково непримечательной и невыразительной, их постоянно путали. Для того, по-видимому, чтобы хоть как-нибудь отличаться, один носил черепаховые очки, другой — в золотой оправе. По внутренней же своей сути они были два сапога пара, каковой всегда, естественно, по пути.

Для безопасности оба поезда с Семейей и сопровождением неслись на восток под японским флагом, с надписью на вагонах: Японская Миссия Красного Креста. Еще одно унижение для Николая, не простившего самураям ни удара по голове, ни Цусимской бойни.

Станции, где на короткое время останавливались поезда, по большому радиусу оцепляли местные гарнизоны. Праздная публика, лишние путевые служащие выталкивались вназад. Длительные остановки делались в чистом поле.

Вместе с семейей Романовых изгнание добровольно приняли генерал-адъютант Татищев, гофмаршал князь Василий Долгоруков («Валя»), лейб-медик Евгений Боткин, гувернер Пьер Жильяр («Петр Андреевич»), восемнадцатилетняя фрейлина графиня Анастасия Гендрикова (круглая сирота, ехала с воспитательницей Викториной), гофлектрисса Екатерина Адольфовна Шнейдер, а также три камердинера, три повара, поваренок, завпогребом, трое кухонных служек, официант, три прислуги, две горничные, две няньки, гардеробщица и новый дядька цесаревича матрос Нагорный. С этим последним у Алексея сразу же сложились доверительные отношения.

— Скажите, пожалуйста, а па станет опять царем? — решил мальчик на мучивший его вопрос.

— Не знаю, но это вряд ли, Алексей Николаевич.

— Значит, и я не стану?

— Вы всегда будете царем в его сердце, — дипломатично ответил дядька.

Позднее в Тобольск прибыли своим ходом преподаватель английского языка Сидней Гиббс, доктор медицины Владимир Николаевич Деревенько, фрейлина Софья Карловна Буксгевден и камер-юнгфера Магдалина Францевна Занотти.

Ерофей Елахов, покачиваясь на подвесной полке, дивился неожиданному счастливому повороту своей судьбы. Просто не верилось в такой фарт. Триста георгиевских кавалеров размышляли в том же приблизительно направлении, но с большой досадой. Их-то везли в Сибирь, почитай, в каторжные края. Напрасно Ерофей расписывал им рыбалку, охоту, грибные и ягодные угодыя — не верили и не желали верить. К нему вообще отнеслись в отряде настороженно: чужак, он и есть чужак. Он и внешне выглядел чужаком. Исстари в Преображенский полк, а он попал именно в роту преображенцев, подбирали мужиков рослых, исключительно долгоносых. Ростом Ерофей соответствовал, два аршина девять с половиной вершков, но был курнос и в гвардии не служил. К тому же он ехал к себе домой, а они к лешему на кулички и непонятно на какой срок...

Сойтись душой Ерофею, к великому его сожалению, было не с кем. Потянулся было к подпрапорщику Матвееву, про которого болтали, что большевик. Раз, еще в Царском, спросил, так ли это. В случае утвердительного ответа сказал бы о фронтовом друге, тоже большевике, и назвал бы имя Степана Архиповича Заборова. Но ответ получил по матушке и смолчал. А кабы сказал да назвал Заборова, возможно, судьба его сложилась бы по-иному: подпрапорщик был не только знаком с Заборовым, но и совместно с ним выполнял задание Петроградского комитета негласно доглядывать за семьей. Большевик со стажем, привычный к слежке и конспирации, Матвеев с ходу заподозрил в Ерофее осведомителя: чай, не зря Керенский одного его выделил на линейке...

17 августа Японская Миссия Красного Креста прибыла в Тюмень. Царскую семью со свитой и частью прислуги погрузили на пароход «Русь»; конвой — на пароход «Кормилец». Усиленная катером для нужд связи, эскадра двинулась на Тобольск. Присушиваясь к переключиваниям пристанских служащих, Николай вспомнил свое давнее юношеское наблюдение: речь коренных жителей поспешна и экономна, гласные звуки на конце слова ими решительно откусываются, — очевидно, для того, чтобы вовремя, прежде чем надует простуду, захлопнуть рот...

Глеб был того же мнения. Лишние, с точки зрения земляков, гласные в суффиксах и окончаниях он придумал сохранять скобками, чтобы выдерживать нормы литературного языка.

Вест о прибытии разжалованного царя разлетелась в округе с непостижимой скоростью. По всему маршруту толпились на пристанях многочисленные зеваки, кто крестя, кто перстя царские корабли.

Николай стоял на капитанском мостике, правую руку иногда подносил к виску, приветствуя бывших подданных. Сибирские побережья, как и четверть века тому назад, искренно восхищали его живописностью очертаний. Сожалел, что запретили пользоваться фотографическим аппаратом. А не худо было бы кое-что и сфотографировать.

— Вон, к примеру, взгляните, Петр Андреич, эх резвятся на водной глади лодочки рыбаков!.. И быстроходны и маневренны.

— Очаровательно, — охотно согласился с ним месть Пьер Жильяр, швейцарец.

Удивительные красоты разворачивались перед изгнанниками. Густые смешанные леса, полные, должно быть, воздушной и прочей дичи, тучные нивы, частью уже убранные в снопы, нескончаемые луга и бревенчатые, зажиточные на вид селения. Воистину Ермак Тимофеевич не смог бы сделать лучшего подарка Русской Короне — в этом писатель Чехов был безусловно прав. Проплывая мимо большого села, Царская семья чрезвычайно разволновалась, что и было замечено на «Кормильце».

— Чтой-то они? — с недоумением сказал дневальный.

Ерофей, торчавший на палубе, объяснил:

— Дак Покровское же!

— И что из того, что Покровское?

— Так Григорий же Ефимыч отсюда родом! Вон и домик его виднеется.

— Это какой Григорий Ефимыч? Распутин, что ль?

— Ну!

— А ты почему знаешь?

Ерофей, спрятав в усы улыбку, ответил с важностью:

— Родня, потому и знаю.

— И кем же он тебе приходится? — с неприязнью спросил Матвеев.

— Дак сватом!

— Это как?

— А его курей, ваш-бродь, наш петух топтал!

Солдаты загоготали. Пырнув Ерофея взглядом, попавший впросак подпрапорщик отошел к своим. С кормы, где обрелась его компания, донеслось:

— Ишь, дурачком прикидывается, собачий нос*...

Ерофей замкнулся, на подначки развеселившихся гвардейцев не отвечал.

... На флагмане скорбели и молились по незабвенном старце. Малограмотного сибирского мужика убили светские господа с европейским образованием. Да и убить-то сразу, чтобы не мучился, не смогли. Одно только умели, что гневно трепетать ноздрями...

Александра Федоровна смахнула слезы:

— Они не ведают, что пуля, его сразившая, все еще летит. Летит в нашего мальчика...

Николай, провожая глазами отдаляющееся селенье, нашел ее руку, пожал бережно. О том, что пуля, сразившая ее Друга, летит в каждого из Семьи, подумал, но не сказал, и без того худо.

— Господь нас не оставит, Аликс...

А душа скорбела. Какая чудовищная несправедливость, они добивались моего отречения, словно я узурпировал власть в империи! Видит Бог, я не рвался к власти, не шел по трупам, я никогда не хотел ее. И бедный Миша не захотел принять... Милый брат, он то же, что и я, он мое зеркало, разве лишь беззащитнее да слабее волей. Как он привязан к своей графине!.. И я, и я был бы счастлив одною Аликс... Жить только для нее, только для наших деток... Тяжек был крест твой, Господи, но и мой, по силам моим, не легче...

Утром другого дня подошли к Тобольску. Ерофей метался у левого борта, рассматривал жадно берег. На спуске, откуда к воде сбегали дощатые лавы, углядел знакомое, родное до слез лицо: то была его единоутробная сестра Ефросинья Павловна, полощущая белье; хотел окликнуть, но что-то случилось с голосом, и он только сипел и махал руками. И вдруг за мыском увидал Митяя Смакотина, товарища детских игр, не призванного в армию по здоровью.

— Митяй! — закричал он прорезавшимся опять голосом.

Подлетел вахтенный офицер, облаял, наложил взыскание. До самой разгрузки судна пришлось просидеть в трюме, в горестном одиночестве.

Эскадра встала на якоря. Легковой пароход сбегал на берег, и выяснилось, что дом для Романовых не готов по причине затянувшегося ремонта. Эмиссары и командир отряда, посовещавшись, решили не делать высадки, о чем и сообщили представителю местной власти.

* Ищейка, филёр, шпик (*простореч.*).

Работы в губернаторском доме возобновились. Штукатуры и маляры принялись скоблить, красить, переклеивать обои, столяры — чинить косяки и двери.

На пристань высыпало всё тобольское население: почтенные мужи и дамочки полусвета, чиновники и тут же оголтелые босяки, пашенные крестьяне и мелочные торговцы, а также ремесленники, гимназисты, семинаристы, служилый люд и тучи богомолков в черном. Большинство привело сюда природное любопытство, многих — рабское поклонение, кого-то — классовое злорадство. Если бы Ерофей не сидел под стражей, то мог бы увидеть на берегу своего блудного однополчанина. Заборов приехал несколькими днями раньше. Единственный большевик, присутствующий на встрече ссыльного императора, он посчитал своим долгом непременно выступить перед земляками, обрисовать текущий момент.

Путаясь в полах шинели, Заборов вскарабкался на возы:

— Товарищи и граждане освободившегося Тобольска! Сейчас вы явитесь очевидцами величавой картины агонии самовластья! Сейчас на ваших глазах отпетый тиран народа...

Досказать фразу ему не дали. Кто-то ухватил оратора за сапог, кто-то с остервенением тащил за полу.

— Бей христопродавца! — раздались оскорбленные голоса. — Мы те покажем агонию, хрен еловый!

Дело могло бы закончиться самосудом, не раздайся с «Руси» длительный отвальный гудок. Пироскафы подняли якоря, и это отвлекло разгневанных обывателей.

Фронтовики тотчас оттерли Степана в сторону, окружили кольцом, корили:

— Куды ты суёшься? В своем уме?..

Заборов молча перекатывал желваки.

— ...тут же одне сатрапы!

— А вот и ошибаетесь, уважаемые! — проскворчал укоризненный жирный голос. — Здесь присутствуют и борцы с царизмом! Но они скромны-с.

Фронтовики развернулись к говорившему, лысоватому толстяку в белой пикейной паре.

— Эт еще что за чирей на неудобном месте?

— А то не знаете, — сквозь зубы сказал Заборов. — Здешний магнат. Кажись, Топтыгин!

— Я Тарыгин!

— Это какой Тарыгин? Не бывший ли брадобрей?

— Я бывший народоволец. Ссылнокаторжный, если угодно знать, — с достоинством отвечал магнат. — Возглавляю объединенный союз коммерсантов-социалистов!

— Как? Обедненный?! С чего бы это вам обеднеть-то? — прикинулись глухими фронтовики.

— Я сказал — объединенный! И вы зря веселитесь, господа служивые! Германцы уже оккупировали Малороссию, а вы, вместо того чтобы разить врага, изволите прохлаждаться! Стыдно-с!

— Пошел на... — выразил Заборов общее пожелание.

Тарыгин поспешил прочь.

Пароходы, подудев еще, тронулись в направлении Абалакского мужского монастыря.

Встречающие стали с неохотой расходиться. Иные сбивались в кучки, всесторонне обсасывали событие.

— Бесспорно одно, — велеречил губернский комиссар Пигнатти, — сколь бы ни велики прегрешения императора, наш христианский долг отнестись к нему со всей возможной гуманитарностью.

— Именно так! — кивали единомышленники. — Именно по-христиански, гуманитарно и либерально.

Были и другие высказывания, вовсе противоположные, но все одинаково эмоциональные; всюду звучали громкие междометия, выкрики: «Ура царю-батюшке!», «Смерть тирану!» и даже один, раздирающий уши, вопль:

— Караул!!! Ширмачи кошелек срезали!

Глава тринадцатая

1

Погожим базарным днем соседки по зеленому ряду, обе почетных лет, делились свежими новостями.

— Слышь, дева. Эвон тот, кузнец-то, подгорный-ёт...

— Это который же?

— Да который у церкви валялся в Христовый день.

— На паперти?

— Да не-е, за оградой!

— Хто же это?

— Рябой-ёт! У которого глаз мига[е]т. Поняла хто? Ишо дочь у него просватана за чарышника!

— Погоди-погоди, за хроменького, ли чё ли?

— Не скажу, вроде не храмлет он. Рази успел охрометь когда?

— Хто, кузнец?

— Да пошто кузнец! Чарышник, ну башмачник этот!

— Дак не тот чарышник, что в иордани тонул?

— Не-е-е! У энтго жена на сносях была, а лошадь возьми и стопчи ее. Смирёна така была бабочка, царствие ей небесное. А кузнец-от...

— Ишо опять какой кузнец?
— О, язвита, рябой-ёт, подгорный-ёт!
— А чарышник какой из себя?
— Да черт его бей совсем! Я тебе про кузнеца баю!
— А мне чарышники сроду я и антиресуюся. И чё с кузнецом? Неужто? глянутся. Как чарыки надела, так им преставился? Горюшко-то како-о-о!
— Грех от тебя, Макрида, я уж и забыла, к чему речь вела. А, кузнец энтот...
— Да холера его возьми, вместе с молотобойцами. Чё с ним стряслося, Силовна?
— Сын евоный, сын с царьской семьей приплыл! Вот чего! И сказывают, шибко-де царь его уважает.
— Ишь ты чё...
— Уж я не совру. Мундёр новёхонек, все грудя в крестах, сапожки, не поверишь, американски!
— Иди ты?!
— Ну!
— Какого же это кузнеца-то сын? — Макрида глубоко задумалась. — Как его хоть зовут, скажи!
— Пашкой его зовут, Елаховым!
— Дак так бы сразу и говорила, язвита! — И Макрида облегченно перевела дух. И с этого дня ко всем приметам подгорного кузнеца Елахова прибавиться и такая: у которого сын при царе служит, а у сына вся грудь в крестах и на ножках американские сапоги.

2

Так-так, улыбнулся Глеб, дедуля мой Ерофей Павлович еще и дома не побывал, а слухи уже пошли, да кудрявые всё какие!.. Ладно, поедем дальше, допустим, что вселение семьи Романовых в губернаторский особняк уже состоялось, охрана и свита разместились поблизости (охрана в казарме, свита в доме купца Корнилова). Ерофей, получив долгожданную увольнительную, ранним утром, когда жители еще спят, шагает по узким, в две доски, деревянным стёжкам. Вот и родная Малопосадская, вот крытый корьём колодец у ограды шорника Тиунова, вот одинокий ничейный клен с пышной, покрасневшей уже листвой... Ерофей припустил бегом. Поблазнилось вдруг, будто целую вечность бежит он по этой гулкой пустынной улице, а отчий дом всё отдаляется и отдаляется, как во сне.

За четыре года его отсутствия дом ссугорбился, почернел, и только кованый петушок, как прежде, хорохорился на печной трубе.

Заглянув в щели закрытых ставен, Ерофей взбежал на крыльцо, побрякал нетерпеливо болточкой.

— Фроська, ежли за мной, скажи: отправился по делам... — наказал Павел Фомич.

— Ой, да кому ты нужен... — Ефросинья отворила дверь, ахнула: — Папань!!! Кто к нам пожаловал-то!

Припала к брату, измусолила поцелуями, втащила в дом.

Павел Фомич лежал на лавке одетый, уткнувшись лицом в подушку, хворал с похмелья. Бережно повернув голову, долго моргал туманным от боли глазом. Спросил надтреснуто:

— Ну, чего скажешь хорошего?

— Дак здорово, бать! — просиял Ерофей.

— Какое тут здорово, когда всё болит. — Павел Фомич попытался сесть и сел со второго раза. — Всё тело нарываает... Фрось, — простонал жалобно, — сгоняй к соседке? Скажи, мол, сочтемся опосле...

— Ладно, не помирай. Пьяница... — Накинув платок, дочь выветрилась на улицу.

— Кака пятница? Воскресенье нонче... — пошутил ей вслед Павел Фомич. Приободренный, осмотрел сына от фуражки до каблучков и в целом остался удовлетворен осмотром. — Геройски выглядишь, Ерофей Палыч...

— В тебя пошел!

— Вот это правильно. Тоже и я в твои годы... — Но уточнить, каким он был в возрасте Ерофея, Павел Фомич не стал. Размазав слезу по рябой щеке, обреченно махнул рукой. — Укатилась моя молодость, как под горку колёсный обод...

Ефросинья вернулась с четвертью самочадки. Слазив в голбец за груздями и огурцами (вроде бы усолели), начерпала капусты, заквашенной с клюквой, с хреном, со свекольной ботвой (для цвета). Попросила у мужиков терпения:

— Счас Руф придет, а я той порой оладушек испеку!

— Некогда, — отмел Павел Фомич ненужные проволочки.

Дочь вздохнула, но не споперёшничала, принесла стаканы и свою рюмочку-перстовушку.

— Ну, репортуй, — начал расспросы глава семейства, — это ты в Питере постарался?

— В понятии чего?

— Ты царскую власть свалил?

— Да пошто я? Нашлись силачи.

— Но ты-то поучаствовал хоть маненько?

— Я присягу давал. Но маненько — да, это было.

— И чё теперь с императором?

— Как чё? Сослали.

— Куда?!

— Ну не грех ли с тобою, а! — подала-таки голос дочь. — К нам его привезли, к нам, в Тобольск!

— Ты чё буртонишь?

— Здравсьте! — Ефросинья с поклоном развела руками. — В городе только и разговору, что про царя. Один ты ничего не зна[е]шь. Пил бы мене! Не поверишь, Ероня, другую неделю не просыха[е]т!

— Это я с горя, — признался Павел Фомич, — как из Со-вдепа выключили, так и загоревал. Куда теперьча с такой ославой? Только что к анархистам. У них чем баско: приходи когда хошь, делай что хошь. Чудесная партия! Главно, что Фроська не возража[е]т. Не возража[е]шь, Фрося?

— Ай, да ну тебя! — отмахнулась дочь.

— Николай Саньч со всем семейством и пригосподьем прибыл сюда, в Тобольск, — сказал Ерофей весомо. — Лично я состою в охране.

Павел Фомич, откинувши голову, уставился на детей.

— Сходи на Большую Пятницкую и проверь! — посоветовал Ерофей.

— Большой Пятницкой боле нет, а есть улица Свободы!

— Значит, на улицу Свободы сходи, попроведуй бывшего государя. Заодно осетра вспомните, которым ты его потчевал.

— И то, — сказал Павел Фомич. — Осетёр был, я вам скажу — во! Русалка, не осетёр!

Ерофей положил на колено ранец, расстегнул пряжки и вручил отцу австрийский картуз, сестре — загадочный узелок.

Павел Фомич натянул обновку, повертел головой, спросил:

— Ну как, личит?

— Большой зергут! — оценил Ерофей.

Ефросинья, развязав узелок, не поверила своему счастью.

— Ой, мамоньки... Это мне, ли чё ли?!

На ладони ее блеснул камушком серебряный перстенок.

— Тебе, Фрось, на венчание.

Девушка сгрехала брата за шею, звонко поцеловала.

С тем же примерно звуком из штофа выскочила затычка, мастеровито вышибленная отцом.

— Ну, деточки мои дорогие... выпьем за то, что Ерошка пришел домой и пришел целый, хотя и был поврежден противником. И вот он с нами, сидит героически за столом. Жаль, матушка ваша, земля ей пухом, не дожила до этой святой минуты...

Павел Фомич закрылся ладонями — черными, с вьвшей-ся навек сажей, затих.

— Папанька, — расплакалась Ефросинья, — не криви ты меня в такой светлый праздник!

Присмирел и георгиевский кавалер. Когда за спиной долгие дни и месяцы на чужбине, душные ночи в нерусских избах, где вуполь весь твой мертвецки уставший взвод, и храп, и мат, и стон до побудки; или когда под огнем вжимаешься в грязь, а рядом чавкают жадно пули — и встать невмочь и залеживаться нельзя: накроет следующим снарядом; или когда вскочил и, тужась криком, бежишь на спутанную колючку, на вражеские окопы, в которых ждет не дождется уготованный про тебя штык, — тогда легче на сердце, что волен в своей судьбе, что один, как перст, не осиротишь ни мать, ни жену, ни деток... А сестра с отцом... Что ж сестра с отцом? Отпоют, отплатят да и утешатся... Но сейчас, обнимая их, понял пристыженно, что был нужен тут, что всегда был ждан, что роднее места ничего в целом свете нет.

К самой стати заявился чарышник Руф Белоусов, покамест что в правах жениха, но практически член семьи. Усадили в красном углу, принялись потчевать со всех рук. Заслужил. Не плотник и не столяр, а вот, поди ж ты, переплел в невестинном доме рамы, сплотил полы и даже покушался перебраться кровлю. О чем не без гордости было доложено Ерофею.

— А самое угодье в ём, — добавил еще отец, — наотрез не пьет! Счас вот налью ему, а он откажется! Такой редкостный человек!

— Это пошто же я откажусь! — удивился Руф. — Да за ради встречи и не поморщусь! Хотя правильно: в повседневности этой дряни не потребляю. С возвращеньцем, Ерофей Палыч!

И единым духом опростал стакан.

— Вот это по-нашенски! — одобрил не совсем искренно Елахов-старший.

Елахов-младший поинтересовался, когда назначено играть свадьбу.

— Вишь ли, какая штука, — объяснил Руф, — дело-то мое вдовое, Агашу мою купеческий конь стоптал. Спирька Угаров правил. Сволочь такая... Свадьбу играть — по трауру срок не вышел, да и начётисто. Вот уж как сына родим, тожно всё вместе и обгуляем.

— У тебя же две девки есть, куда тебе ишо сына, — заметил Павел Фомич.

— Сына надо в любом случае. Бог троицу любит, да буде и тебе известно.

— С другой стороны, — великодушно сказал Павел Фомич, — рожайте! А то что ж получается? Свадьбу ты уже одна играл, детей плодил, и всё без Фроськи. Мы на готовое не привышные!

Ефросинья безмолвно рдела, не смея встревать в мужской ответственный разговор.

Плотно закусив, Руф глянул на нее мужним суровым оком:

— Ты долго ишо мозолиться будешь? Собира[е]шься ехать-то али нет?

— Ой-е-ёченьки, ить забыла напрочь!

— Куда вы это? — озадаченно спросил Ерофей.

— Да в Паутовку! — пригорюнилась Ефросинья. — Мы у Руфа избу белить должны! С четверга ишо уговаривались.

— Известку уже развел, — подтвердил жених, — квачей, ну, помазков этих, навязал.

— Пакольных али мочальных? — спросил Павел Фомич докопчиво.

Руф презрительно хмыкнул:

— Сроду из пакли у нас не вяжут! Обязательно из мочала.

— Ну, коль из мочала, тогда езжайте. Благословляю. На пакальные не пустил бы.

Ефросинья всхлипнула:

— Ру-уф, как же это? Я же с братиком не навидалась!

— Навидаемся, надоем еще! — совсем отмяк душой Ерофей.

Это его замечание следует объяснить, спохватился Глеб. Подписывая стрелку Елахову увольнительное свидетельство, полковник Кобылинский произнес замечательные слова:

— Помню, Керенский ходатайствовал за тебя. И сам знаю, что давно пора на унтер-офицерское звание представлять. Да нет пока у меня вакансии... В качестве поощрения разрешаю проживание у родителей. Но за опоздание на службу взыскивать буду строго! Не обессудь.

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — Ерофей ошалел от радости, глаза заблестели влагой.

— Ну-ну, братец, полно! — усмехнулся полковник.

— Виноват, не в своем чувстве я!

— Ступай. И впредь всегда будь в своем чувстве.

...Завершив застолье, Елаховы с Белоусовым отправились на Иртыш.

Ерофей улыбался сестре, помалкивал. У причала, перед тем как молодым сесть в лодку, придержал Руфа:

— Слышь, Руфин, ты не обижай Фроську-то. Она нежная очень девушка. Душа у нее волосяной тоньшины. — И показал тонкость сестриной души между указательным и большим пальцем.

Руф просвета не углядел, но покивал согласно.

— Что ты, Палыч! Знамо дело... Я тебе так скажу, — скосматил он брови у переносицы, — купцов, купледеев этих, я бы на дратву рвал! А простейшего человека, робёночка или

бабу, пальчиком не обижу! Я ведь пошто женюсь? Девки мои хоть и большенькие, а нетолики*. Возьмет Ефросинья заботы мои по дому, руки мне опростает, уж тогда кровососов этих буду давить от зари до зари!

Высказавшись столь свирепо, Руф коротко обнял будущего шурина:

— Ну, бывай!

И оба в эту минуту даже в мыслях не допускали, что события грядущих девяти месяцев, как полые воды, вынесут их на разные берега.

Глава четырнадцатая

1

Октябрина явилась на дачу спустя неделю. Из Москвы она каждый вечер названивала постоялицу: проверяла, запирает ли на замок воротца, кухню, входную дверь, напоминала о мерах предосторожности при курении, при пользовании плитой. На встречный вопрос, скоро ль ждать ее в Салтыковке, отвечала неопределенно, ссылаясь на неотложные дела в городе. Глеб обдумывал предстоящие приключения Ерофея и Павла Фомича, когда хозяйка наконец явилась. В первое мгновение он ее не узнал. С модной прической, в брючном костюме, она выглядела двадцатилетней. Впервые он увидел грим на ее лице, посмотрел на лоб: мрамор. На месте недавнего безобразия — аккуратный квадратик пластыря. Октябрина, угадав значение его взгляда, снисходительно улыбнулась. Но начала с выговора:

— Глеб Сергеич, я была склонна думать, что вы человек слова. Но вот пришла и обнаружила, что калитка не заперта на замок, хотя я вас неоднократно предупреждала.

— Так ведь день на дворе, м-м, Октябрина Саввишна...

— Ну и что, что день. Вы погружаетесь с головой в работу, а грабители тут как тут. Вынесут всё, вы и не услышите.

— Виноват, Октябрина Саввишна.

— Кстати, мое настоящее имя — Филиппия.

— Вот как? И где же ваши кони, о Любящая Коней?

Женщина округлила глаза:

— Вы меня пугаете своей эрудицией, Глеб Сергеевич. Никак не думала, что нынешние писатели могут столько знать.

— Я исключение! — улыбнулся Глеб. — А почему вас до сего дня звали Октябриной, а теперь... м-м, иначе? Переменили свое отношение к Октябрьской революции?

* Бестолочи, неумёхи.

— Папаша был большая шишка в КПСС, вот и назвал так. По идейным соображениям. Это имя мне никогда не нравилось.

— Понятно. А откуда взялось новое, такое, простите... древнее?

— Я крестилась... некогда. При крещении нарекли Филиппией.

— А подробнее? — В Глебе заговорило писательское любопытство.

— Ну, дедушка Филимон специально возил меня на Рогожку, к староверам. Тайком, разумеется. Я тогда ребенком была, узнала об этом буквально за день до его смерти.

— Сам открылся?

— Ну да.

— И сколько же вам тогда было годиков?

— Когда узнала-то? Пять, шестой.

— Филиппия Саввишна... — произнес он, обкатывая ее имя.

— Можно без отчества. Без этого официоза.

— Хорошо. Но Филиппия — тоже как-то холодновато. Может, позволите называть вас Филой? Или Липой?

Женщина подозрительно заглянула ему в лицо:

— Липа, это производное от какой-нибудь Олимпиады. Уж лучше Филой.

— Интересно, а как вас называли в детстве: Октя? Рина?

— В школе меня называли Угарова.

— Как, как? — вскинул брови Глеб. Эту фамилию носила и Натали, дульсиня тобольская Ерофея. Ну да мало ли на свете Угаровых!..

Поинтересовался, как обращались к ней родители.

— Доча.

— А братья, сестры?

— Их у меня не было.

— Вы были единственный ребенок?

— У моих родителей — да. Были еще кузины, но я с ними не водилась. Кстати, жена вашего издателя — моя двоюродная сестра по матери. Да вы об этом, наверно, знаете. Она тоже называет меня Угаровой.

2

Сам Глеб в детстве тоже комплексовал из-за своего имени. Слышал в нем что-то книжное, отгораживающее от остальных ребят, сплошь Вовиков, Толиков, Юриков и т.п. Когда его спрашивали, как зовут, всегда отвечал Елахов, а уж потом, если настаивали, называл имя. Вообще же он стеснялся не только своего имени, но и внешней непохожести на своих

сверстников: выделялся среди них, как шенок дога среди дворняжек. Девчонки между собой называли Телей — уменьшительное от теленка — должно быть, за большие глаза, а может, за незлобивость и добродушие. Это уже в армии он раздался в плечах и заматерел, а в школьные годы дразнили Глобусом — за большую голову, или Фитилём — за долговязость. Он и по развитию обгонял сверстников — знал больше, соображал быстрее, за что и бывал бит отстающими...

— А я, — спросила бывшая Октябрина, — я могу называть вас просто Глеб?

— Да ради Бога! Можно даже на «ты».

— На брудершафт мы еще не пили.

— Так в чем же дело? Вино из одуванчиков, надеюсь, еще не выдохлось?

Октябрина-Филиппия сдержанно улыбнулась:

— Когда вы заканчиваете работу?

— Никогда. Но отложить могу в любую минуту.

— Тогда часика через два.

— Отлично! — Глеб углубился в рукопись.

— Да, Глеб! — опять его отвлекла хозяйка. — Я привезла свежую прессу! Хотите посмотреть?

— Спасибо, с удовольствием посмотрю и прочитаю.

В газетах писали о провалившемся путче ГКЧП, об аресте главарей хунты, о заточении их в «Матросскую тишину». Лавочники победили номенклатурщиков. И диковиннее всего, побежденные, в большинстве своем моментально влились в ряды победителей, объявив себя старинными, с молочных еще зубов, врагами социалистического режима.

Глава пятнадцатая

1

...Когда Елахов-младший заявился в «Тобольские Сандуны», администрация в лице Устинии Выдриной запирала кассу на технический перерыв. Узнав Ерофея, всплеснула руками, пропела воркующим нутряным голосом:

— Ероша! Вернулся с полей сражений?

— Яволь! — браво отвечал солдат.

— Я ведь тебя вот эстольким помню! — Устюха провела черту над полным красоты коленом, задрав юбку значительно выше необходимости.

— Намек понял! — прищурил глаз бравый солдат.

Улыбающаяся Устюха качнула бедрами:

— Идем, провожу тебя как героя войны в разряды. Там как раз Семен Никитич парюется.

Вошли в раздевальный зал. Ерофей с любопытством озира-
рал кожаные диваны, дубовый буфет и греческие статуэты в
нишах.

— Тебе в ту дверь. — И подарив еще одну обольстительную
улыбку, Устюха уплыла по служебным надобностям.

Ерофей принялся раздеваться. Повесил мундир на плечи-
ки; перекрестился, нырнул в парилку.

Собственник бани, магнат в красной турецкой феске, в
стеганых рукавицах Тарыгин восседал на самом верху пол-
ка, хлестался веником — летели листва и брызги, как с мок-
рой березы в непогодь. Вдруг багровое его тело ни с того ни с
сего обмякло, веник выпал из ослабевших рук. Ерофей встре-
вожился, стащил его спешно вниз, умакнул в корыто с тол-
ченым льдом. Подумав, отволоч на воздух, благо имелся вы-
ход на задний двор.

Под открытым небом Семен Никитич задышал вольнее.

— Благодарствуйте... — произнес он слабым голосом. — А
вы кто?

— Не узнаете, Семен Никитич? Елахов я, Ерофей!.. Жили
когда-то в соседях с вами! Когда вы у Выдриных квартировали!

— Елахов... Это каких Елаховых? Тех, что кузнечествуют?

— Их самых! Разок вы меня стригли даже, как водится,
наголо, но чубчик по доброте оставили.

— Не помню...

— Конечно, столько лет прошло.

Тарыгин замер, прислушиваясь к сердцебиению. Что-то
снова кольнуло в грудь. Подумал в панике: неужели жаба?
Не иначе она, проклятая!..

— А скажите, юноша, вам известно что-нибудь о грудной
жабе?

— Откуда? Болотну[ю] знаю.

Тарыгин почувствовал себя живой:

— Ну, так слушайте! Это нынче полезно знать!..

Ерофей терпел из последней силы — так разбирал его бан-
ный зуд. Но уйти не мог, пока Семен Никитич не окончит
дурацкой лекции. Наконец мучитель отпустил его, посулив
отблагодарить за помощь, и уплелся в личные апартаменты.

— Устенка, — спросил Тарыгин, укладываясь на ска-
мью, — вы обратили внимание на служивого?

— А то!

— Верно ли, что он состоит в отряде царского окружения?

На лице Устюхи плыла рассеянная улыбка.

— Ты меня слышишь ли? Эй, Иустиния!

— Верно, верно, Семен Никитич! Вся грудь в крестах, на
ножках американские сапоги шевро.

— А говорят, весь отряд состоит исключительно из дворян.
— Ну да, и самый потомственный, племенной Ероша! — хихикнула Устиния.

Тарыгин шутку не поддержал, проговорил задумчиво:

— Это ж надо, такой сын и у этакого обалдюя...

Хрюкнул злорадно:

— Обалдюя-то мы из Совдепа выперли!

Устюха была далека от интриг политиков, душа ее витала в бабьих скоромных грезах.

— Ну чё, массаж теперича? — спросила она со вздохом.

— Всенепременно, душа моя!..

Сию процедуру Устюха проделывала столь искусно, с таким анатомическим пониманием, что Семен Никитич не раз глубоко задумывался: откуда все это у темной сибирской простолюдинки?!

Воистину сказано, умом Россию не понять. Особливо ее окраины.

2

Умиротворенный, благостный, шел Ерофей из бани. Жизнь была прекрасна и удивительна. И продолжала удивлять далее. Ну, кто, скажите на милость, подумать мог бы, что вот сейчас, носом к носу, она столкнет его с фронтowym товарищем?..

Вечерело, над кремлем всюду полыхал закат. Засмотревшись, Ерофей едва не сшиб с дошатого тротуарчика какого-то угреватого мозгляка. Тот зашипел, выругался, но через мгновение изумился:

— Елахов! Ероха! Чёртушка!

Ерофей оторопел, признав беглого унтера, большевика Заборова.

— Степан Архипыч?!

— Я!

Они обнялись, и, разъяв объятия, отстранились, оглядывая друг друга. И оба неожиданно для себя остались удивленным недовольными. Заборов — по причине преображенской гвардейской формы на Ерофее, Ерофей — занюханым видом однополчанина. В линиялой косоворотке, в суконном, вытертом пиджаке, в солдатских заплатанных шароварах, заправленных в порыжелые сбитые сапоги, выглядел большевик крайне непривлекательно.

— Эге, вон, значит, где ты служишь! — присвистнул он.

— В Отряде особого назначения, — не без гордости подтвердил георгиевский кавалер. — А вы где теперь, ежели не секрет?

— Да как сказать. В общем, в отпуску числюсь!

— Понятно... — Знаем мы эти отпуска, подумалось Ерофею, соскочил со службы и рад радехонек... А туда же, в отпуску он.

— Подпрапорщика Матвеева знаешь? — спросил Заборов, чтобы прервать затянувшееся молчание.

— В соседней роте отделённым числится...

— И как? Якшаетесь?

— Да нужон он мне, как чиряк на роже! — сказал Ерофей, сплюнув, и невольно посмотрел на подпорченное фурункулезом лицо Заборова. — Я таких знакомцев впритруть не вижу.

— Что ж так?

— Шкура он!

— Ну, брат, тут ты ошибаешься! Человек пользуется большим уважением у товарищей.

— У товарищей, может, и пользуется, а только гусь свинье не товарищ.

— Кто же из вас свинья? — раздражаясь, спросил Заборов.

— Да уж не я...

Заборов полез за кисетом. Из другого кармана достал газету, сложенную толстым прямогольничком.

— Будешь... гусь лапчатый?

— Да нет. У вашего табачка приятелей небось без меня хватает.

— Кури, чего там!

— Ну, давайте, коли не начётисто...

Свернув самокрутки, они закурили, косились друг на друга попеременно. Заборов, посчитавший было, что неожиданно-негаданно встретил надежного человека, обрадовался от души. Который месяц бился, сколачивая костяк из единомышленников, — еще один, да к тому же однополчанин, был кстати незнамо как.

Но вот досада — всплыла какая-то неприязнь Елахова к его особо доверенному лицу в Отряде. С чего?!

— Ты как в гвардию-то попал? — спросил Заборов.

— Попал, — уклонился Ерофей от прямого ответа. Почему-то не хотелось рассказывать о встрече в Царском Селе с полковником Кобылинским. Помнилось, каково умеет Степан Архипович опутывать человека. Палец в рот таким не клади, отгрызут по локоть.

Это нежелание почувствовал и Заборов, прищурился.

— Значит, служишь теперь напрямик самому царю?

— Служу я Отечеству, как служил. И бегать от службы не приучен. С детства.

Степан рассмеялся нервно — погасший окурок заплясал во рту. Протянул с иронией:

— Это коне-ешно...

— Спасибо за табачок, — угрюмо сказал стрелок. — Как говорится, увидерзеен.

Эх, темнота, подумал Заборов, провожая его сокрушенным взглядом. Сколько же вас таких на Сибири, подумать страшно...

Крикнул вслед:

— Слышь, Ерошка! Передай Романовым, дескать, большевик Заборов приглашает на эшафот!

— Отвяжись, худая жизнь, — буркнул не оборачиваясь Ерофей.

Жизнь, может, и удивительна, но прекрасной ни в коем разе назвать нельзя. Такие нелицеприятности подбрасывает подчас!..

Глава шестнадцатая

1

Романовых с челядью поселили в бывшей губернаторской резиденции. Николай осматривался с любопытством, младшие дети носились по комнатам, старшие, хотя и сдерживали себя, тоже радовались довольно бурно.

Александре Федоровне дом не понравился — как бы ни был хорош, а с Александровским дворцом не сравнишь.

— Аlіх, в этом доме бывал наш Друг. И не раз. Он дружил с Ордовским.

— Да-да! — просветлела она лицом. — Спасибо, что напомнил, милый... Что ж, проживем в Доме Ордовского-Танавского...

Охрана и часть придворных разместились в особняке Корнилова, расположенном напротив. Тем же днем Романовы со свитой, в сопровождении эмиссаров Временного правительства, отправились туда на экскурсию. Внутреннее убранство особняка поражало представлением хозяина о прекрасном. Чего стоило одно только соседство венецианских стульев с лавками местного топора. (А эти канапе? Какая прелесть, обратите внимание, господа!) Диванчики в стиле классического ампира были украшены премиленькими домоткаными накидушками. Особенно развеселило всех оформление главной залы. Тут присутствовали и ренессанс, и готика, и модерн, и даже вычурная Мавритания. Камин сиял позолотой и серебром, тогда как печи стояли голые, лишенные хотя бы и скромного изразца. Изумляло тщательное отсутствие книг и мест для них. Хотя нет: в кабинете цесаревич Алексей обнаружил брошюру анонимного автора «Борьба съ клопамі» и

хотал до слез. Впрочем, как явствовало из эклибриса, книга принадлежала отнюдь не владельцу дома, а некоему господину Атрышкину Осипу Феофановичу.

Между тем вездесущие горожане, прослышавшие, что царь планирует между губернаторским домом и домом Корнилова, сбежались к корниловскому подворью. Некоторые, сумев подобраться к окнам, жадно тянули шею.

Солдаты наряда пытались рассеять любознательную толпу, но только ее раззадорили, — дежурный офицер вынужден был вызывать подмогу. Гвардейцы Матвеева появились первыми, оцепили двор. Но сквозь цепь то и дело кто-нибудь да просачивался; то какая-нибудь барышня, то подросток, то монашка скользнет ужом, и все норуют под окна.

— А вон гляньте, братцы! — серчали матвеевцы. — Уже целая шайка на забор лезет!

— По одежке, кажись, приказчики! Ишь все в чесунче...

Такли, эдак ли, в палисад набилось изрядно сторонних лиц. Подпрапорщик во всеуслышанье приказал всех заарестовать, а дом с находящимися там персонами запереть на ключ.

Улица опустела. Припоздавший на происшествие Евгений Степанович Кобылинский лично сопроводил Романовых со спутницами и спутниками в губернаторский дом.

Но дело на том не кончилось. Бойцы наряда, подстрекаемые Матвеевым, затеяли разбирательство, вылившееся в общий отрядный митинг. Унтер-офицер Протазанов толкнул речугу, смысл которой состоял в определении политического статуса отряда, а именно: каков он, старорежимный или революционный?

— Знамо, революционный, — отвечал отряд.

— А мне сдается, старорежимный! — продолжал оратор, похоже, из сочувствующих большевикам. — Как раньше императора обороняли, так и теперь то же самое. А про то забыли, что Николай Второй есть преступник и заключен под неусыпный надзор!

Далее выругавшись ядрено, унтер сошел с кафедры, в данном случае с ящика из-под галет. Солдаты, обдумывая сказанное, молчали. На ящик вскочил гвардии рядовой Киреев, председатель полкового комитета.

— Товарищи! Протазанов высказался ребром. По декрету Временного правительства, действительно, гражданин Николай Второй пребывает в законной ссылке. А что мы видим на самом деле? Вышеуказанный арестант под ручку с комиссарами, с женой и прочими, всей оравой шляется где ни попадя. А как да не сегодня-завтра вообще сбежит? Предлагаю заслушать представителей Временного правительства. И что они себе думают, понимаешь!

Макаров и Вершинин вышли на круг без воодушевления, стали что-то сбивчиво объяснять.

— Громче! Не слышно! — послышались голоса.

— Господа, — пролепетал Макаров, — ваше возмущение неуместно. Мы имеем инструкцию, подписанную самим Александром Федоровичем! И в ней указано, что охрана экс-императора и членов его семьи назначена в целях их личной целостности. Относительно каких-либо ограничений ничего нет. Вот, пожалуйста!.. — Макаров протянул Кирееву гербовую бумагу.

Осмелел и Вершинин:

— Мы всего лишь выполняем приказ правительства!

Отряд возмутился еще более.

— Ша, товарищи! — простер руку предполкома. — Давай выражаться по одному. Вот ты, Коркин! Что хошь сказать?

— Дорогие однополчане, независимые гвардейцы, — начал сердито Коркин, — эту бумагу в расчет не брать! Наш боевой товарищ, героически независимый Протазанов Клим правильно доложил: мы не старорежимный конвой, который в угнетенном виде оборонял династию. Мы конвой новорежимный и, благодаря тому, должны держать в железной узде Николку и его семейство! Дорогие друзья гвардии независимые товарищи, верно я говорю?

— Верно! — поддержали гвардейцы.

Но далеко не все: иные шатали головами неодобрительно...

— И хочу обсказать дальше! Революция требует от нас боевой готовности, а что получается на поверку? Весь второй взвод копает картошку у населения, а когда их позвали, то они прибежали с шанцевым инструментом. Без уставной винтовки! Спрашивается, куда смотрит их командир, поручик Хлебников?

На круг вытолкнули Ерофея с заступом на плече.

— Вот ты, стрелок, покажи, как стреляет твое оружие?

— Да вы чё?! — воззвал тот к здравому смыслу товарищей. — Я ж сегодня в увольнительном отпуску! И вообще! Нас тут добрых полтыщи ртов: должны же мы хоть как-то пособлять местному населению?

Но вразумлений его не услышали из-за начавшейся колготни: кто-то тишком выпустил из сарая арестованных горожан. Утечь никому, однако, не удалось. Изловили для производства следствия — тут же, не сходя с места.

Дело возглавил Киреев, как положено предполкому.

— Кто такие? Отвечать громко, по одному. Вот ты, бабка! Кто ты будешь такая? — сурово спросил он у резвой старушки, крест-на-крест перевязанной полшалком.

— Како твое дело? — огрызнулась та.

— Расстрелять! — приказал Киреев.

— Скажу, скажу, милай!

Митинг загоготал.

— И-и! Креста на вас нету! — Старушка плюнула и рас-терла плевок опорком.

— Ты вот что, старая, ты это фулюганство брось! Отвечай на расставленные вопросы! Какая будет твоя фамилия?

— Мокроусова.

— Инициалы? — записывая, уточнил секретарь Бобков.

— Русская!

— Зовут как, бестолочь!

— Макрида я. Упокойного воина Ферапонта дочь.

— С какой целью сюда приперлась? — продолжал Киреев.

— А повиниться, батюшка, повиниться.

— Кому и в чем?

— Государю нашему, страстотерпцу.

— Это в каком же смысле?!

— А счас доложу, касатик.

Гвардейцы тотчас настроились на неожиданное развлечение.

— Пушай докладает! — слышались веселые голоса.

— О позапрошлом годе, ну да, лонись, пошла я себе к обедне. А служил Варнава тада. Дак вот, отворились царские ворота и выходит преосвященный. Вот, допустим, эдак-от он выходит, а я, допустим, вот здесь стою. А за Варнавой-то, гляжу, Григорий, анчихрист этот! Я ему на темя-то глянь, а тамотки у яво... рога! Допустим, вот здесь я ишо на ногах, а вот здесь вот и повалилась. Так что пришла повиниться батюшке государю. Кабы добилась к нему приехать, глазки б ему открыла на Гришкины-те рога, он бы придумал, как оберечься. Через Гришку вышло ему это лихо. А опричь меня, тех рогов никто не видал и сказать про то было некому.

«Эх, Ферапонтовна, Ферапонтовна, — вздохнул Глеб. — И ты туда же...» Но и утешился, вспомнив Зотовну, хозяйку Дома приезжих в селе Покровском. Были, были иные старушки, добром поминающие Григория...

— Взять под стражу! — постановил Киреев единолично. — Следующий!

Вперед вышел приказчик с шегольской тросточкой, в шляпе и в чесучовой тройке. (*Ага, вот и Петрушка нарисовался..*)

— Служащий по коммерции Петроний Шмаков! Инициалы русские!

— С какой враждебной целью проник во двор?

— То есть, как-таки так, с враждебной? — обидчиво возразил Петрушка. — Я постоянный член партии Союза Фронтовиков!

— А тогда ответь, фронтовик, где воевал, на каком фронте? Рядовой Коркин заострил вопрос:
— И где кровь мешками проливал, друзей вязанками терял?
— Как сознательно сочувствующий революции заявляю: ваши оскорбления неуместны.
Киреев призвал к порядку:
— Тихо все! Коркин, зараза, не мешай допросу! Валяй дальше, гражданин Шмаков.
Петрушка укоризненно посмотрел на него и продолжил:
— Имея сознательное сочувствие к революции, пришел удостовериться, правда ли, что императора подменили!
Солдаты глумливо охнули.
— Ну, удостоверился? — спросил Сиротин.
— Судя по беспристрастным портретам науки фотографии, у царя усы как бы жуковатые, а у вашего рыжеватые! Такова точка моего мнения.
— Кирей, да гони ты этого дурака!
— Пошел вон! Следующий!
— Первой гильдии купец Фурдеев.
— Вину свою обоняешь?
— Не обоняю, не осязаю, на вопросы не отвечаю.
— Задержать! Давайте теперь попа!
— Диакон Евдокимов. Проник с целью услужить, ежели Их Величества в чем нуждаются.
— Задержать!
— Отставной по чахотке ефрейтор Обухов, пимокат, — прохрипел следующий. — Имею сильную загазованность на германском фронте. Хотел дать по морде бурбону трудового народа.
— Отпускаем на первый раз. Но учти, товарищ, махать кулаками нехорошо, а бить пленного — вообще!
— А чаво он...
— А ничаво!
Затем Киреев обратился к митингу:
— Какое будет решенье насчет задержанных?
— Да выгнать и вся недолга!
— На гауптвахту их! Суток на двадцать пять!
— Кого? — вмешался поручик Хлебников. — Дьякона да старушку темную? Тоже, нашли преступников.
— Что предлагаешь?
— Ввиду отсутствия злого умысла ограничиться порицанием.
— А Фурдеев энтот, купец который?
— Я за него ручаюсь. Знаю лично. Мирный обыватель, не при делах.
После недолгих споров предложение было принято.

Большинством голосов митинг постановил: с инструкцией Керенского не считаться, ужесточить режим заключенного экс-царя. С этой целью вокруг губернаторского дома выставить добавочных часовых, ночью же выставлять добавочные посты по всему участку и назначать три смены патрулей для обхода прилегающих к дому улиц. Решено было также незамедлительно выгородить кусок двора. Куда только и выпускать Романовых на прогулку.

Полковник Кобылинский, которому резолюцию принесли для ознакомления, заперся в своей комнате и до конца дня никого к себе не пустил.

Ничего не подозревающая Семья отдыхала в общей зале на втором этаже. Гофлектрисса Екатерина Адольфовна Шнейдер с выражением читала «Мцыри».

2

Через день после досадного инцидента Вершинин и Маркаров отбыли в Петроград. Сменил их Василий Семенович Панкратов, приехавший не один, с помощником Александром Владимировичем Никольским. Новый комиссар был человек небольшого роста, подвижный, энергичный, доброжелательный. Помощник — личность в сильной степени неприятная — груб, вульгарен и агрессивен. Суший, знаете, держиморда, — оценил его доктор Боткин.

Политическую карьеру Панкратов начал при Александре III, то есть почти что отроком, в качестве курьера «Народной воли». 4 марта 1884 года в девять часов вечера он был арестован в Киеве и доставлен в цепях в Санкт-Петербург, в Петропавловку, в Трубецкой бастион, затем в Шлиссельбургскую «усыпальницу», откуда вышел через четырнадцать лет и пять дней в одиннадцать часов дня. И был еще год мытарств по сибирским тюрьмам. Не отсиженные шесть лет (против двадцати по государственному приговору) ему заменили ссылкой в Якутию, где он и пребывал до 1905-го. Но именно годам, с толком отсиженным в одиночных камерах Шлиссельбургского рavelина, он был обязан своей начитанностью и эрудицией во многих областях знаний. Затем — годы легальной и нелегальной деятельности. В июле 1917-го Василий Семенович выступает с разоблачительной статьей «Ленин, Ганецкий и К? — шпионы», снижавшей ему популярность в обществе. В той статье он уведомлял читателя, что Ленин есть платный агент германского военштаба, посланный в Россию для организации диверсий, саботажа и другой подрывной работы; что деньги от немцев он получает в Швеции через Ганецкого-Фюрстенберга и Парвуса-Гельфанда, в Петрограде — через их поверенного Козловского.

Далее Панкратов сообщал, что военный цензурой выявлен постоянная связь немецкой разведки и большевистских лидеров. Статья была опубликована в газете «Живое слово».

Керенский высоко ценил Панкратова как личность и как товарища по борьбе и выдвинул его кандидатуру на пост комиссара при августейших узниках. Члены правительства согласились. Не согласился лишь сам кандидат. Официальной причиной самоотвода было нежелание прерывать успешно начатое дело по культурному просвещению Петроградского гарнизона. Лекции и беседы в Финляндском, Литовском, в других полках служили духовному оздоровлению солдатской массы, в том числе возрождению чувства патриотизма, отравленного пацифистской ленинской агитацией. На деле же отпирался Василий Семенович от предложения Александра Федоровича по той причине, что оно означало новое, пускай даже и почетное, однако же заточение, а он уже в достатке вкусил свободы, чтобы добровольно ее лишаться.

Уговорила бабушка социалистов-революционеров, старинная каторжанка Екатерина Константиновна Брешковская:

— Ты сам многое испытал и, как никто другой, подходишь для этой миссии. Именно ты, Василий, с присущим тебе благородством. И, наконец, это партийное поручение!

Партийно-дисциплинированный Панкратов вынужден был смириться.

Вскоре состоялась и личная встреча с премьер-министром. Поговорить обстоятельно не получилось, аудиенция прошла скомканно. Всякую минуту премьера отрывали то по делам фронта, то докладами министерств. Вдруг, ломая перья и разбрызгивая чернила, начинал он строчить указ; не дострочив, хватался за телефон и распушал кого-то надрывным шепотом. Затем, бросив трубку на полуслове, выскакивал в приемную, закатывал речь для служителей дворца и случайно оказавшихся там персон. Проявляя сверхъестественный темперамент, Александр Федорович глотал валерьянку прямо из пузырька либо нюхал наэфиренный носовой платок.

С состраданием высмотрел Василий Семенович в его бобрике раннюю седину.

Наконец, после очередного разряда кипучей деятельности, Керенский вручил ему командировочное удостоверение.

— Никаких репрессариев, — глухо, отрывисто, не отводя глаз, высказывал он напутствие и при этом удерживал руку гостя в своей женственно мягкой, словно бы бескостной руке. — Отношение ровное. Предельная вежливость. Верю в вас. Прощайте.

Первого сентября он прибыл в Тобольск. В корниловском особняке Василий Семенович занял две комнаты: одну под жилье и одну под канцелярию.

В царские покои отправился утром другого дня. В прихожей встретил его камердинер Терентий Иванович Чемодуров, немолодой, представительный человек в парадной ливрейной паре. Василий Семенович попросил его быстренько доложить о своем приходе. Терентий Иванович удалился и отсутствовал добрую четверть часа.

— Ну что? — нетерпеливо спросил Панкратов. — Доложили?

Камердинер вытянулся у лестницы, ведущей на второй этаж, прочистил горло, отрапортовал:

— Его императорское Величество приглашают пожаловать в кабинет.

— Кгхм, — поперхнулся Василий Семенович. — Вы отвыкайте, братец, от этих церемоний и этикетций!

Однако входил к бывшему императору не без робости. Кабинет устилал ковер. В глубине стоял массивный, вероятно еще губернаторский, письменный стол с книгами и бумагами. Посередине же стоял стол овальный и на нем, кроме дюжины карманных часов, показывающих восемь минут одиннадцатого, выложены были курительные трубки различных конфигураций. Окна обрамляли шелковые гардины.

При его появлении Николай, звякнув шпорами (он был в мундире полковника кавалерии), отделился от печной изразцовой стенки, у которой стоял в ожидании визитера; шагнув навстречу, радушно проговорил:

— Очень рад, здравствуйте. Благополучно ли добрались?

— Спасибо, вполне благополучно.

— Как я понимаю, вас прислал господин Керенский? Какое здоровье Александра Федоровича?

Вопрос прозвучал с искренней заинтересованностью, и это тронуло комиссара.

— Благодарю вас, болеть ему не с руки. А каково у вас, все ли в семье здоровы?

— Слава Богу.

Но по лицу Николая скользнуло легкое облачко, и Василий Семенович понял, что со здоровьем в семье как раз вовсе не слава Богу, однако как человек тактичный удовольствовался ответом.

— Ну и славно! И хорошо!

Николай прошел к столу, взял папиросу. Спросил приветливо, с неподдельным гостеприимством:

— Не хотите ли присоединиться?

— Простите, я... Я не курю папирос.

— Предпочитаете трубку? Тогда рекомендую эту. Индийская. Хотите попробовать?

— О, даже не знаю... — Василий Семенович послушно принял нечто сродни кальяну, но меньшее по размеру, кое-как разжег. С первой же затяжки на глазах его проступили слезы, щеки побагровели.

— Эх вы неосторожно. При курении трубки, — сказал Николай участливо, — дым следует не вдыхать в легкие, а держать во рту. И затем выпускать. — Улыбнулся едва заметно. — Шикарно при этом мундштук не вынимать из губ. Этак пф-ф, уголком рта...

— Раньше мне... как-то не приходилось... извините, да! — просипел Панкратов, вообще никогда не куривший ни папирос, ни трубок.

— Правда, хороша?

— Гм... очень!

— Буду помнить и всегда ее набивать для вас. Не могли бы вы разрешить нам пилку и колку дров? — спросил неожиданно Николай.

— Ну что вы, не царское это дело. Хотите, устроим для вас столярную мастерскую? Намного интереснее, увлекательнее...

— Возможно, но дрова привычней.

— Понимаю. Конечно — да! Завтра же вам доставят круглого леса и пилы. А достаточно ли у вас книг?

— Книг достаточно.

— Осмелюсь спросить: что вы сейчас читаете?

— Извольте: Николая Семеновича Лескова, роман «Некуда». Не устаю восхищаться, истинно русский художник.

— Жаль только, небрежен в слове. Я имею в виду некоторую засоренность местоимениями, — заметил Василий Семенович, недолюбливавший Лескова за его антинародническую позицию.

— Может быть, не располагал временем для отделки? — предположил Николай в защиту писателя.

— Может быть. Значит, с книгами у вас все хорошо?

— С книгами, да. А вот иностранные журналы мы отчего-то не получаем. Это запрещено?

— Ни в коем случае, что вы? Я сегодня же наведу справки! — Василий Семенович отметил вдруг, что ядовитая индия более не чадит, и с облегчением произнес: — Во всяком случае, отныне ваша корреспонденция задерживаться не будет!

— Еще раз спасибо, — поблагодарил Николай. — Кажется, у вас погасло?

Василий Семенович шаркнул спичкой.

— Я желал бы познакомиться с вашей семьей, — сказал он во исполнение своих обязанностей.

— Пожалуйста, мои будут рады знакомству с вами.

Николай вышел из кабинета. Возвратясь через некоторое время, пригласил комиссара в зал. Все семейство, как некогда при первом знакомстве с Керенским, опять выстроилось в шеренгу, держа руки по швам. Ближе ко входу стояла Александра Федоровна (гостю показалось: в монашеском одеянии), рядом с нею, в матросском костюмчике Алексей, далее княжны, одетые одинаково просто, в серых домашних платьицах, с одинаковой арестантской (!) стрижкой. Василий Семенович зажмурился на мгновение: подобным образом в Шлиссельбурге выстраивали узников на досмотр.

— Ну, зачем же так?! — вырвалось у него. — Присядемте, господа, присядемте! Пожалуйста, я прошу вас!

В конце концов, ему удалось усадить и родителей и детей, даже завязать беседу. Впрочем, больше говорил он сам, собеседники ограничивались короткими замечаниями. И все-таки за всем тем он успел отметить, что бывшая немецкая принцесса изъясняется по-русски без видимого усилия. Дети же владели русским выше всяких похвал.

— Ваши Высочества в Сибири ранее не бывали? — задал он им вопрос, за нелепость которого тут же мысленно себя выбранил.

— Нет, — отвечал ему звонкий хор. — А вы?

— О, я провел в Сибири шесть лет с лишком! Ну, это не суть важно... Нравится ли вам в Тобольске?

— Не-ет!

— Ни капельки! — добавил мальчик.

— Сибирь не так ужасна, как о ней отзываются, — вмешался Николай, укоризненно посмотрев на дочерей и сына. — Климат очень здоровый. Сентябрь, а температура воздуха составляет плюс восемнадцать градусов! И при этом сухо и солнечно.

— Чего решительно недостает нашей северной столице! — развил его мысль Панкратов.

— Да, петроградский климат может позавидовать здешнему, — устало и равнодушно проговорила Александра Федоровна.

Повисла пауза. Чуткому Василию Семеновичу стало ясно, что разговор окончен.

Николай любезно проводил его до прихожей.

Общее впечатление от знакомства высказала смешливая Анастасия:

— Какой потешный коротышка...

И Николай, тотчас припомнив, как новый знакомец курил табак, рассмеялся искренне, от души, впервые за время ссылки.

3

Подвел итог своего визита и комиссар. Итак, лед сломан! Но как же они несчастны... А ведь живи эти милые люди в иной среде, вне бесконечных церемоний и этикетций, из них непременно вышли бы полноценные члены общества. Но! Эти притупляющие разум и убивающие живую душу церемонии и этикетции... Бр-р-р! Вот главное зло их жизни.

Мысленному взору его представилось, как Семья годами, вот ужас-то, задышалась в дворцовом вакууме, испытывая постоянный духовный голод, жажду встреч с людьми из другого круга, а традиции, словно гири, тянули вниз, к церемониям и этикетциям...

От расстройства комиссар даже притопнул ножкой.

Глава семнадцатая

1

В ясные дни после второго завтрака Романовы устраивались на балконе. Александру Федоровну с вязаньем или шитьем выкатывал в кресле камердинер Трупп.

Николай, с того дня как привезли дрова, большую часть досуга проводил за пилкой. Обыкновенно его сотрудниками были граф Татищев, князь Долгоруков и меье Жильяр. Все они быстро уставали и часто сменяли друг друга, тогда как Николай продолжал трудиться.

Ту же неутомимость он демонстрировал, играючи в городки.

Обедали в семь часов пополудни, в общей зале. Глеб набросал приблизительный интерьер: камин, большой стол, мягкие кресла, рояль в углу... Ну и всякие там драпри, картины, часы напольные...

Здесь вечерами велись беседы на библейские и исторические сюжеты, либо прочитывалась вслух книга.

Иногда читал сам Николай; в этом случае Екатерине Адольфовне Шнейдер оставалось лишь лорнировать Алексея, забавляющегося с собачкой. Матан и сестры, как всегда, были заняты рукоделием.

Здесь же отправлялись богослужения.

Все приготовления к молебнам выполняла Александра Федоровна, — выставляла икону Спаса, накрывала аналой собственноручными вышивками. В восемь вечера приходил священник отец Алексей с четырьмя монашенками Иванов-

ского монастыря. Тотчас стекались свитские, становясь по рангу. Романовы выходили к службе последними и также занимали места в традиционном порядке: ближе к батюшке Николай, затем Александра Федоровна, далее цесаревич княжны. Присутствующие встречали их поясным поклоном.

Вокруг аналая зажигались свечи. Семья начинала молиться истово, свита и слуги следовали ее примеру.

Отец Алексей (в парчовой с позолотой ризе) курил ладаном, запевал не лишенным приятности баритоном:

— Слава в вышних Богу и на земли ми-и-и-р...

Монашенки вторили на четыре голоса:

— ...и в человецех бла-го-во-о-л-е-е-е-н-и-е...

Семья опускалась на колени, преклоняли себя и прочие.

Когда молитва достигали апофеоза, Александра Федоровна беззвучно плакала, но то были слезы самозабвения, слияния с Горним Руководителем; скорбные складки у губ разглаживались, исчезали. Светлел ликом и Николай, а дети... они просто светились радостью.

Комиссар, растроганный таковой набожностью, добился у Совдепа разрешения для Семьи помолиться в церкви.

2

В назначенный день Романовы встали ни свет, ни заря; когда Василий Семенович прибыл к ним, его уже давно с нетерпением ожидали. Было семь с половиной часов утра.

Через несколько минут дежурный офицер доложил: охрана готова. Процессия тронулась. Александрю Федоровну покатали в кресле, но на дворе она превозмогла слабость, пошла своими ногами, опираясь на локоть мужа.

Дети озирались с живейшим любопытством, щебетали по-французски обо всем, что попадало им на глаза. Засмотревшаяся Анастасия запнулась о стык дощатого тротуара и, удерживая равновесие, замахала смешно руками. Сестры расхохотались, даже отцу эта ее неловкость доставила удовольствие.

Расстояние от губернаторского дома до храма Благовещения составляло не более ста саженей, тем не менее, по всему пути комендант предусмотрительно расставил бойцов охраны. И не напрасно, зевак опять собралось немало. Мужчины пялились на государя — одни многозначительно покашливая в кулак, другие разинув рот, третьи вообще без всякого выражения. Дамы оценивали одежду, наружность, осанку державных узниц. Всего больше поражали девичьи прически: все четверо были пострижены под мальчишек. Первая невеста в городе и уезде, красавица Натали Угарова с воспортом запоминала фасон их платьев, шляпок и башмаков.

Она уже твердо решила, что этак же обкорнает косы, и теперь ее занимала мысль, как ловчее проделать это, чтобы матушка не ныла и не мешала.

Матушка Анфиса Тихоновна, сложив полные губы бантиком, чмокала восхищенно:

— Какие хорошенькие! И дочечки, и сыночек. Ну, вылитые херувимчики! А государыня-то, государыня, какая важная... Сразу видно: императрица. Не то что супруг полковник. Не мог уж себе генерала исхлопотать... А этот, глянь, Натали, недомерок-от! Это при них комиссар из Питера. Говорят, долго сидел где-то, не то при Александре Втором, не то при Третьем...

— Погляди-ка, мам, на княжну, вон на ту, что помладше.

— На которую?

— Что споткнулась!

— Так и что?

— Ничего не замечаешь?

— Ну-ка, ну-ка... Быть не может! — Для верности наблюдения купчиха забежала в голову процессии, выглянула из-за дерева, охнула и вернулась, крайне взволнованная увиденным. Младшая царевна и собственная ее дочечка были похожи, как близнецы.

— Господи Иисусе...

Натали усмехнулась, спрятала косу под шляпку и спросила:

— А так?

— Страсть-то какая, просто одно лицо!

Между тем сестры тоже заметили сходство между Анастасией и туземной барышней:

— Швибзик, у тебя завелся двойник! Обратила внимание на девушку в саду, у которой шляпка с зеленым бантом?

— Не так громко и, пожалуйста, по-французски, — одернула дочерей Александра Федоровна.

Что отвечала Швибзик (домашнее прозвище Анастасии), Глеб уточнять не стал, не владел французским настолько, чтобы острить на нем. Записал лишь, что и Матан не смогла удержать улыбки.

Наконец процессия вошла в храм. Все встали по своим местам, началась служба. К Панкратову подошел офицер и доложил: местные жительницы требуют его для срочных переговоров. Василий Семенович, недоумевая, вышел на паперть.

— Господин комиссар, — вцепилась в него Устюха Выдырина, — почто нас не пускают внутрь?

— Желаем видеть государя и его чад! — поддержали ее товарки.

— Извините! — рассерчал Панкратов, — государь и его чада пришли сюда молиться, а не на смотрины. Прошу, пройдите, пожалуйста, за ограду! Для вас служба состоится на час позднее!

— Приказать солдатам в ружье? — спросил офицер.

— Действуйте со всей решительностью.

Следуя приказанию, солдаты взяли ружья на изготовку. Зеваки попятились с глухим ропотом. Устюха показала офицеру козу из пальцев.

Панкратов вернулся в храм только после того, как церковный двор полностью был очищен.

Литургия прошла успешно, что было видно по умиротворенным лицам Семьи и свитских. Священник раздал прощфоры — можно было пускаться в обратный путь. Но Николай медлил, с интересом рассматривая настенную роспись.

— Этот храм не самый старинный здесь? — спросил он у комиссара.

— Не самый, — пробурчал Панкратов. — Старинные все в кремле.

Николай хотел было спросить о возможности побывать в кремле, но, видя, что комиссар не в духе, отложил свой вопрос на будущее.

3

Расставаясь с Панкратовым у крыльца узилища, Николай осведомился, пришла ли почта.

— Нет, — твердо ответил тот. — Сегодня опять ничего не было.

И отвел глаза. Дело в том, что один из пунктов инструкции Временного правительства обязывал его перлюстрировать всю входящую корреспонденцию. Пункт сей был тяжек и неприятен: ежедневно на имя государя и его близких поступали письма непристойного содержания. Всякое утро свежеемытый комиссар вынужден был по уши погружаться в грязь. Иногда посланий такого рода бывало столько, что даже на беглый просмотр их и последующее уничтожение уходило не меньше часа. Как-то раз доктор Боткин, заглянув по служебной надобности, застал его именно за этим занятием и высказался в том смысле, что благородные люди не трогают чужих писем, не читают и, тем более, не используют как растопку. Панкратов молча взял его за рукав, подвел к столу, к вороху вскрытых писем.

— Читайте! — сказал он, откинув голову и вперив взгляд в потолок. — Если сочтете нужным, можете передать эту почту тем, кому она адресована.

Боткин надел очки.

Первые же строки заставили его отшвырнуть начатое письмо. Дрожащими руками он выхватил другое, третье, четвертое...

— Боже! Какая мерзость!

— Так что же лучше? Вручать это без просмотра или все же просматривать? И затем лгать, что писем не приходило?

Боткин покаянно развел руками.
— Ступайте к вашим подопечным, Евгений Сергеевич, — сказал Панкратов. — Позаботьтесь хотя бы о физическом их здоровье.

— Василий Семенович, я искренне сожалею! Простите великодушно!

Доктор ушел, сокрушенно качая лысиной.

Глава восемнадцатая

1

И все-таки Глеб недоглядел за своими предками. Ведь вроде бы на рыбалку шли, а очутились во дворе Трофима Дементьевича Угарова, родителя красавицы Натали.

Трофим был одет по-утреннему, то есть почти никак: в нательную рубаху, подштанники и калоши. Дослушав сватовскую речь, поскреб седой мох на брюхе, попросил повторить сказанное. Выслушав, увел взгляд в сторону, тяжело задумался. Тут повывлазили домочадцы и тоже попросили повторить сказанное.

Ерофей молчал, Павел Фомич высказался и в третий раз.

— Дак ить вы бедныя? — удивилась простодушная Марфа Властьевна, бабушка красавицы Натали. — Каки вы нам женихи?

— Нам, баушка, главное не богатство! Было б качество! — парировал Павел Фомич с нажимом.

Старуху утянули в дом.

— У тебя, что ль, американские сапоги? — спросил важеватый Спирия, в отличие от старшего брата одетый в пиджак с жилеткой и брючки-дудочки.

— Допустим, — ответил уклончиво Ерофей.

— Продашь?

— Никак нет.

— А за сто рублей?

— И за сто рублей.

— Да ты чё?! Неуж тебе мало сотни?!

— Почто? Цена хорошая.

— Дак за чем дело стало? Вот тебе деньги — и по рукам!

— Нет.

— Самим нужны, — пояснил Павел Фомич. Он понимал уже, что затея со сватаньем провалилась. Ведь говорил же, надень мундир, чтоб видели, кто пришел. Дак нет, поперся в чем был... О том, что в то утро они вовсе не собирались свататься, а шли к Макриде отрабатывать по долгам, выскочило из памяти.

— Другие купите! — не отступался Спирия.

— Нам эти глянутся.

Трофим подвел черту под никчемным торгом.

— Ступай, Спиридон. — И моргнул с намеком. — Да, это, — приказал вослед, — позови приказчика.

— Я здесь! — подскочил Петрушка.

— Поддай угощеньице дорогим гостям.

Петрушка кивнул сметливо, исчез в поварне.

На высоком крыльце показалась сама невеста. Льняная коса оттягивала назад ее, и без того царственную головку; шитый в талию сарафан наводил на мысли о совершенстве тела. Кухарка, выносившая ополоски и застрявшая наверху по причине свербящего любопытства, шепнула ей на ушко, что за гости такие и с чем пожаловали. Предрекла глумливо:

— Ужо ваш папаша устроит им сватанье, варнакам...

— Ты как знаешь?

— Он мне знак подал.

Натали с интересом уставилась на сватов. Жених оказался пригож и лицом и статью, и хотя облачен был просто, в холщовую рубаху и холщовые же порты, ни урвоном, ни простофилей отнюдь не выглядел. Напротив, было что-то такое в его обличье, чего словами сразу не обозначить. В общем, что-то незаурядное, привлекательное было в его обличье...

Явился Петрушка с резным подносом:

— Пожалте-с, Трофим Дементьевич!

Трофим принял у него поднос, развернул к сватам:

— Прошу откушать, гостюшки дорогие.

На подносе подрагивали два бокала дымчатого стекла, на три пальца наполненные касторкой, сверху, на палец, — спиртом. Таков был секретный напиток негоцианта, применяемый им от кишечной непроходимости, но чаще для потехи в досужий час. Любил его степенство подшутить над доверчивым человеком, партнером ли, гостем ли, а то и просто над пьяницей-побирушкой.

Павел Фомич нутром угадал подвох, толкнул Ерофея в бок, дескать, будь начеку, и, снявши один сосуд, подал другой хозяину:

— Со свиданьем, Трофим Дементьевич!

Трофим, памятуя о съеденном ночью свиненке с кашей, взял бокал без колебания:

— Ну, давай, коли так, уважу.

Павел Фомич, однако, выпить не торопился:

— По старшинству, ваше степенство! По старшинству. Вы, стал быть, первым.

— Да ладно тебе чиниться, пей давай!

— Как принято в христианском мире, только после вас!

— Али ты отравиться боишься, Паша? — Трофим ухмыльнулся в бороду. — Ну, дак твое здоровье!

Испивши, крикнул:

— Эх, хорошо пошло!

Павел Фомич замялся. О здоровье купчины ходили притчи: он и царской водки хлебнет — не убудет с быка такого. А выдержит ли мое прохудившееся здоровье? Как знать, чего там намешал Петрушка...

Откашлявшись, Павел Фомич произнес елейно:

— Как водится в христианском мире, воля гостева — воля Господа. Сию драгоценную влагу преподношу самому сирому и несчастному здесь рабу. Прими, Петрон! От чистого сердца, можно сказать, отрываю!

Петрушка попятился, возмущенный:

— Это почему я самый сырый несчастный раб?!

— Не препинайся, — повысил голос Павел Фомич. — Пей согласно уставу предков.

Приказчик разинул рот, торопясь сообщить свое мнение об уставе предков, но пока собирал слова, Ерофей подхватил бокал и, смыв другой рукою приказчиково лицо (главным образом, верхнюю часть с ноздрями), влил в него неизвестное угощение. Процедура была проделана с фронтовой сноровкой, отточенной на взятии языков. Разница состояла в том лишь, что пленяемому врагу в рот обычно никаких жидкостей не вливалось, а вставляли кляп.

— Это что ж такое? — посмурнел купец. — Нашим же подношением нас же и угостили?!

— Всяко бывает в христианском мире! — И Павел Фомич, увидав на крыльце невесту, приветственно приподнял картуз.

Натали сделала малый книксен, повела очами. Но взятой роли не доиграла и, давясь смехом, спряталась за крутое плечо кухарки.

Ерофея обдало жаром с головы до пят. О том, что у Трофима Угарова дочь красавица, отец просверлил все уши, но вживе увидел ее лишь сию минуту. Замер с открытым ртом.

Трофим, набычась, жевал вопрос:

— Значит, пришли сватать мою Наталью?

— Истинно так, — подтвердил Павел Фомич.

— А не жирно будет?

— Ни в коем разе. Мы ноне не постуем. О! Гляньте-ка! Что это с Петрей-то?!

В самом деле, с приказчиком творилось что-то неладное, что-то из ряда вон: пучил глаза, трясся, сучил ногами, как если бы отбивал чечетку. И, наконец, заскулив жалобно, порскнул вон, за хозяйские постройки.

Трофим проводил его мрачным взглядом, взмахнул рукой.

Кухарка, дождавшаяся команды, выплеснула ушат на головы жениха и его родителя. Из амбара высыпала дворня во

главе со Спирей; девки и парни, как всадники на скаку, с визгом и гиканьем размахивали над головой кто голиком, кто веником. Сам Спиридон наступал с метлой, как пику, по-казацьи, зажав черенок под мышкой.

— Уходим! — скомандовал, отудобев, Ерофей.

Павел Фомич, успевший вооружиться колом, повиновался беспрекословно, полагаясь на сыновий военный опыт. Но кол не бросил: когда выскочили наружу, подпер за собой ворота.

Изнутри орали, торкались, лупили в заплот бессмысленно.

— Ну, батя, лапти в руки и дай нам Бог! Пока не дотумкали поверху перелезть...

Отдалившись на безопасное расстояние, Елаховы подвели итоги. Искони, по сложившемуся обычаю, если гостя провожают веником или, упаси Господи, голиком, это значит, что доступ в дом ему навсегда заказан. Если в проводах участвует и метла, то и к ограде не подходи, не оберешься стыда и срама. Пристыженные и посрамленные, отец и сын осматривали друг друга на предмет физического урона.

— Не тужи, Ероха! Важно, что невесте мы поглянулись. Как она глазками-то вела, будто рублем дарила. Аль не заметил?

Ерофей, кивнув, поделился недоумением:

— Вот ты скажи, батя, как такое может в природе быть?

— Что тебя сомусило?

— Дак ведь она и царевна младшенькая похожи, ну как две капли воды!

— Волос в волос?! — не поверил Павел Фомич.

— Насчет волоса не скажу. У Натальи эвон коса какая, а царские детки все с короткими волосами. Весной корью переболели, ну и острижены были наголо. И пока что не обросли.

— Обрастут! А по другим признакам?

— По лику не отличишь. Правда, Наталья красивой будет.

— А скроены как?

— По одной выкройке.

— Диво дивное...

Ерофей сбил щелчком прильнувший к рукаву лоскуток капусты:

— Глянь, сзади не шибко меня попортили?

— Терпимо. — Павел Фомич снял с его плеча витиеватую ленту картофельной кожуры.

— Дураки мы, батя. Додумались к кому свататься.

— Что поделашь, ежели классового понятия не хватат?

— А не летай, вороны, не в свои хоромы, вот и всё понятие, — вздохнул Ерофей.

Вздыхнул и Павел Фомич:

— Как нам с этим позором теперь жить?

— Работать надо! Гулянки побоку.

— Вот это правильное решение, — одобрил Глеб.

2

Между восьмым и девятым классами дед Ерофей устроил его на лето в кузнечный цех, в железнодорожные мастерские. Кроме них, никакого иного промысла в Юрашах не было. Сам дед давно уже получал пенсию, но по привычке ходил в кузницу каждый день. Он и Глеба мечтал увидеть кузнечным мастером. Рассуждал так: «Круглый год под крышей, в тепле, в почете». О том, что внук выберет профессию литератора, ему и в голову не могло прийти. Иногда за подписью «Г. Сергеев» Глеба печатали в областной газете. Дед гордился этими публикациями, вырезал и хранил в очешнике. Но при всем при этом наставлял внука:

— Бумага есть, пиши. А ремесло в руках, по-всякому, кусок хлеба.

... Тогда, в первый миг в кузнице Глеб оглох от грохота, летевшего с наковален. И ослеп, шагнув из белого дня в сумрак и темноту. Копоть на окнах не пропускала дневного света, лампы обросли сажей. Кузницу освещал лишь горн, — в жерле его утробно ревели пламя. Мастер, орудуемый клещами, выхватил из огня багрово-белый брусок металла, сбил окалину. Полыхнули искры, — под колпаком вытяжного короба закачался слоистый дым. Горящий кокс памхнул серой... «Получается какая-то преисподняя», — усмехнулся Глеб. И верно, чумазые, снующие у огня рабочие вполне могли бы сойти за бесов... Мастер снова вытащил заготовку. Ворочал ее одной левой. Правой постукивал молоточком — указывал, в какое место ударить молоту.

Первую половину дня Глеб отмахал без особого напряжения. Поковки сменяли одна другую, мастер с интересом поглядывал на него, удивленно хмыкал. Перекура не объявлял. После обеда Глеб почувствовал, что молот весомо потяжелел. Шла партия костылей: оправить, заострить, оглавить. Работа простая и не самая трудоемкая, но металл отчего-то упрямо не принимал форму. Не стало хватать дыхания, пот разедал глаза.

Дед все время сидел в тени, наблюдал молча, но тут вдруг встал, подошел к наковальне и, не говоря ни слова, постучал молоточком сначала по заготовке, потом по лбу мастера.

— Да ладно, — осклабился тот.

Шуточка заключалась в том, что металл был недостаточно разогрет, потому и не поддавался.

После работы Глеб не мог разогнуть пальцы, сжимающие руку. Отгибал их по одному.

Дома Ерофей Павлович истопил баню и, как ни упирался полусонный внучек, загнал его на полок, размял, распарил до последней мышцы. Если бы не парилка, вряд ли бы Глеб встал на следующий день. Кости хотя и ныли, но смену отмолотил нормально. Мастер лишь языком поцокал: «Уважаю...»

Дед научил перевязывать лоб скрученной в валик тряпкой. Вот тогда Глебу и открылся смысл этого действия: отнюдь не для форса, не для фиксирования волос (хотя и это необходимо, у кого длинные) мастера перехватывают голову ремешком, тесьмой или обручем, а для того, чтобы пот не стекал в глаза. Сам дед практически не потел, не было у него ни жиринки лишней, сплошные мускулы. Мог, например, взять топор за нижний конец топорища и держать на вытянутой руке, причем левой. Вообще левая рука у кузнецов-правшей много сильнее правой.левой рукой, отягощенной к тому же клещами или щипцами, он поворачивает поковку, подставляя ее под молот, а поковки бывают всякие, иные полпуда и больше весом.

3

Кузня Павла Фомича Елахова лепилась на краю слободки, за огородами, на большом отшибе. Кузня как кузня. Горн с мехами, с коромыслом ножного привода, с раструбом вытяжной трубы. Ларь с углем: сусек каменного, сусек древесного. Наковальня лобастая, с узким рылом. Под окошком — верстак железный, тисы на нем, инструмент... На закопченных стенах, на крючьях висит, дожидаясь починки, чужая утварь. Во дворике, под навесом, да и в самой кузне, на земляном полу, валяется разнообразный металлолом. Может быть, заготовки, может быть, просто так.

В этот раз ковали ножницы для дьякона Евдокимова.

Заказчик топтался у верстака, где его изделие отходило, теряя жар; донимал вопросами:

— Долго ли ждать еще? Ко всенощной опоздаю!

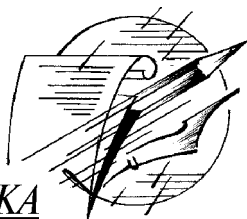
— Недолго, отче, — отвечали ему Елаховы, уже занятые другой поделкой, — потерпи маненько. Пускай поостынут...

Дьякон не дотерпел, пожелал примерить. Всунул персты и возопил благим, а тако же не благим, матом.

Продолжение следует

КОСМИЧЕСКАЯ ПУТИНОКРАТИЯ

Непонятно, за что главного создателя терроризма в России Ельцина после смерти увековечили памятником на родине, в Екатеринбурге? За то, что обеспечил Путина работой по мочению террористов? Путин и теперь «живее всех живых», а вот террористы, которых он ещё 12 лет назад обещал замочить в сортире, продолжают ежегодно мочить москвичей где придется. Я находился в московском метро, когда там 29 марта 2010 года в результате теракта погибло 40 и пострадало около сотни москвичей. По счастью, я был на другой ветке. Когда в результате теракта 24 января 2011 года в московском аэропорту погибли 35 и пострадали более сотни москвичей, я тоже был в московском аэропорту (но в Шереметьево, а не в Домодедово). Тогда я возвращался в Москву с Дальнего Востока хабаровским авиарейсом SU-894. По совпадению наш самолёт приземлился в аэропорту Шереметьево в тот момент, когда в аэропорту Домодедово произошёл теракт. Узнал об этом только часа через два в электричке «Аэроэкспресс», следующей на Белорусский вокзал. Почему? Потому что терроризм возникает на почве социаль-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ной несправедливости, а этой несправедливости по отношению к Москве и москвичам, по моему мнению, в Приамурье больше, чем в любом другом регионе России.

Об этой несправедливости говорили на совещании главы и управленцы муниципальных образований Приамурья, которых летом 2007 года собрали в городе Свободном для обсуждения проекта создания Свободненского дальневосточного космического кластера (промышленной группы, призванной обеспечить строительство и функционирование будущего космодрома). Большинство их отнеслось к этому проекту скептически. Вот что сказал по поводу очередного президентского проекта и программ приоритетного развития Дальнего Востока глава посёлка Серышево: *«Мы ничего из этих программ не имеем как люди. Свет 12 копеек стоит, а платим — рубль сорок пять. За что? Всё идёт мимо наших карманов. Грабят нас. Забирают всё к чёртовой матери в Москву, а потом распределяют по копейкам, на которые невозможно жить...»*

К 2011 году стоимость электроэнергии для жителей Приамурья удвоилась и продается им по цене втрое больше, чем для китайцев! В Мазановском районе Амурской области сократились в 11 раз посевные площади, потому что во столько же раз увеличилась стоимость горючего по отношению к стоимости зерна. Как сказала главный специалист отдела экономики Свободненского района Амурской области Драганер Ирина Николаевна, *«если раньше за килограмм зерна три литра горючего можно было приобрести, то сегодня — стакан горючки!»* А с 1 января 2011 года через Амур в Китай начались поставки нефти по 15 миллионов тонн ежегодно и по цене вдвое ниже, чем собственному населению. С Западной Сибири в Китай пошёл газ, но в городе Свободном разобрали на металлолом последние газгольдеры, так как уверены, что их город природным газом не обеспечат. Снабжаем китайцев электроэнергией и углеводородами по ценам ниже, чем собственным гражданам! Почему им такие привилегии? Почему Китаю передали свыше трёх десятков амурских островов под предлогом демаркации границы?

Эти подарки «большому китайскому брату» правители России вынуждены делать, потому что разоружили Приамурье. Выступая на совещании по обсуждению проекта кластера, мэр Углегорска, бывший в недавнем прошлом заместителем командира дивизии РВСН, сказал о том, что по значению «Амурская область не последняя пограничная область России».

Впервые я познакомился с Углегорском летом 2007 года, но о его существовании как города ракетчиков знал ещё с

60-х годов прошлого столетия. Тогда мы с нынешним главой Углегорска Токаревым Владимиром Ивановичем начинали свою офицерскую службу лейтенантами по соседству: он в дивизии ракетчиков, а я в дивизии стратегических бомбардировщиков, базировавшихся неподалёку. Ныне наших дивизий нет, и к 2007 году почти вдвое «усох» Углегорск. В советские времена этот городок был закрытым, потому что здесь базировалась 27-я дивизия Ракетных войск. Последним командиром этой дивизии был генерал Винидиктов, а его заместителем был полковник Токарев, ставший после расформирования дивизии главой этого городка. Городок имел кодовое наименование «Свободный-18». «Свободный» — потому, что находился вблизи Свободного. Дивизия имела на вооружении ракеты СС-18 с разделяющимися ядерными боеголовками. Семьи ракетчиков проживающих в городке, гордились тем, что дивизия 33 года являлась весьма существенной частью ракетно-ядерного щита страны. Не зря же ракета, состоящая на вооружении дивизии, получила за океаном прозвище «Сатана». Боялись, очевидно, этих «сатанинских» ракет американцы.

В 1992 году по приказу Ельцина 60 шахтных пусковых установок (из 66) взорвали. Производилось это следующим образом. Шахта на всю 30-метровую глубину набивалась тротилом и закрывалась 40-тонной стальной крышкой (ныне эти 40-тонные крышки «ушли» на металлолом в Китай). Затем производился подрыв. Шахта представляет собой ствол орудия, направленный строго вертикально и изготовленный с филигранной точностью, поэтому после подрыва 40-тонные крышки, взлетая высоко в воздух, не отклонялись от вертикали и падали обратно в шахту. Так уничтожалась ракетно-ядерная мощь России.

После уничтожения 27-й ракетной дивизии было решено создать на ее базе секретный космодром «Свободный». Почему секретный? Потому что предназначался он, по замыслу Ельцина, для запуска американских спутников зондирования земли (спутников-шпионов) в угоду «другу» Клинтону, что, естественно, не афишировалось. Лишь первый пробный запуск был запуском отечественного спутника «Зеня». Затем последовал запуск американского спутника «Ранняя пташка». Затем американцам наш космодром стал не нужен. Американцы и ныне больше не будут запускать в космос свои спутники с наших космодромов, потому что мы продали им по дешёвке ракетные двигатели РД-180 вместе с технологией их изготовления. Тогда мы в коммерческих целях решили запускать спутники стран НАТО. Запу-

стили шведский спутник «Один» (у скандинавов средневековья — бог войны, что говорит о военном предназначении спутника) и три израильских. О чём думало руководство Министерства обороны России, запуская спутники, предназначенные для шпионажа за её территорией? Очевидно, надеялось получить коммерческую выгоду. Но вместо выгоды получили убытки, с которыми не мог смириться бывший директор питерского универмага Сердюков, вознесённый Путиным на пост министра обороны. В войсках за своё «боевое» прошлое он получил прозвище «табуреточник». Прославился протезе Путина и своей склонностью общаться с подчинёнными на нецензурном лексиконе, облагая трёхэтажным матом даже Героев России.

В июне 2007 года Сердюков привёз на объект «Свободный-18», комиссию, возглавляемую помощником президента Виктором Ивановым, с целью закрытия убыточного космодрома. В надежде на чудо углегорцы встретили комиссию по русскому обычаю хлебом-солью. Специально испечённым в углегорской хлебопекарне караваем угостили Сердюкова детсадовские ребятишки. И чудо свершилось. Хотя космодром и прекратил своё существование как объект Министерства обороны, он будет возрождён как основной космодром России в структуре Роскосмоса. Но почему так желали углегорцы сохранения своей закрытости? Потому что как в советские, так и в постсоветские времена уровень жизни углегорцев был значительно выше уровня жизни соседних районов. В советские времена он был даже выше уровня жизни москвичей, потому как обороноспособность страны обеспечивалась компетентным руководством. А какая может быть компетентность в вопросах обороноспособности страны у бывшего директора питерского универмага? Или у его заместителя и соратника по недавнему «боевому» прошлому бывшего питерского налогового инспектора Татьяны Швецово́й? «Беда, коль пироги начнёт печи сапожник, а сапоги тачать пирожник»...

Беда эта может прийти со стороны Китая, ведь будущий главный космодром России расположен в ста километрах от границы с Китаем, а граница эта осталась без войскового прикрытия. В советские времена это прикрытие было надёжным, что показал военный конфликт с Китаем весной 1969 года. Тогда наш амурский остров Даманский безуспешно атаковали китайцы. И когда на китайском берегу Амура для захвата Даманского была сосредоточена усиленная бронетанковыми и артиллерийскими частями китайская дивизия, по готовящимся к атаке китайцам нанесла удар наша реак-

тивная артиллерия. Как показала аэрофотосъёмка, производимая на следующий день, китайской дивизии там уже не оказалось. Аэрофотосъёмка производилась с самолётов-бомбардировщиков стратегической авиации конструкции Мясищева (ныне сняты с вооружения), дивизия которых базировалась на первом классе аэродроме «Украинка», расположенном в 20 километрах от Свободного. В одном из полков этой дивизии служил и я в должности старшего техника по радиолокационному оборудованию самолётов.

Во время событий на Даманском мы находились на казарменном положении и даже рыли окопы. В самом Свободном размещались артиллерийские и танковые части, а также часть железнодорожных войск. По другую сторону от объекта «Свободный-18» в городе Шимановске базировался мотострелковый батальон. Все эти части во время событий на Даманском находились, как и мы, авиаторы, на казарменном положении. И каждый из нас мог сказать: «Мы отстояли Даманский». В память о погибших на Даманском пограничниках на амурском острове Большой Уссурийский в западной части острова была воздвигнута православная часовня. Укрепление на границе с Китаем, очевидно, стало не нужно, а часовня, после дарения Путиным западной части острова китайцам, лишь по их милости осталась российской, и новая китайско-российская граница её обогнула. Хотя русские и поминают своих погибших в боях за Даманский пограничников, но Даманский тоже стал китайским. Почему такое случилось? Как сказал глава «космического» городка Токарев, прослуживший от лейтенанта до полковника в ракетных войсках на объекте «Свободный-18», а затем на космодроме, «Амурская область — это не последняя пограничная область на рубежах страны и Дальнего Востока». Однако оборонный щит этой области практически уничтожен. Прекратили своё существование два элитных соединения ракетных войск «Свободный-18» и «Свободный-21», авиационные, танковые, мотострелковые полки. Кадровые дивизии по договору с китайцами превратили в кадрированные дивизии двухтысячного состава, в то время как китайцы держат у границы развернутые дивизии восьмитысячного состава. Затем и эти дивизии стали преобразовывать по американскому образцу в бригады. Треть пограничных застав ликвидирована. И разоружение под руководством «табуреточника» продолжается.

Нет и моей бывшей авиадивизии на аэродроме «Украинка» и множества других боеспособных частей, расположенных вблизи границы с Китаем. То есть, в конечном счёте, победили и побеждают китайцы. Ныне они, если захотят,

просто перейдут границу, и некому их будет задержать. По этому поводу академик РАЕН Вишневский сказал, что у Китая «есть кое-какие претензии на российский территории. Многие считают эту опасность чисто теоретической, но, может быть, мы просто боимся додумать неприятную мысль до конца... Демографические массы двух стран несопоставимы, да и военная сила Китая растёт... Сегодня сравнительно низкая миграция китайцев в Сибирь ограничивается во многом властями КНР. А если однажды державная рука немного ослабит узду? Если возникнут кризисные явления в экономике? Миллионы китайцев просто пересекут границу, и их, скорее всего, не удастся ни сдержать, ни ассимилировать» (интервью газете «Версты» от 19 февраля 2002 года). Но зачем тогда создавать вблизи от границы главный космодром страны, если такое может случиться. Ведь оборонять границу от вторжения нечем. В таком случае надо восстановить оборонноспособность Приамурья, сделав его главной пограничной областью страны.

Почему же всё-таки решило руководство страны перевести главный российский космодром из Байконура на границу с Китаем? Потому что казахи за использование космодрома Россией немалую плату берут и нисколько не считают с секретностью запускаемых в космос объектов. Казахские таможенники и пограничники требуют вскрытия упаковки аппаратуры, срывают пломбы для досмотра транспортируемых на космодром грузов и техники.

Теперь бывший космодром Министерства обороны «Свободный» станет космодромом «Восточный» и главным космодромом России, потому что, во-первых, его южное расположение позволяет в большей степени использовать вращение Земли при запусках космических кораблей. Во-вторых, сброс отработанных ступеней ракет-носителей производится над малонаселённой территорией. К тому же обширность этой территории обеспечивает сектор пусков ракет-носителей даже больший чем в Байконуре.

Есть люди, которые серьёзно воспринимают мечты директора Института демографии Юрия Крупнова, воплощённые им в проекте создания Свободненского дальневосточного космического кластера (СДКК). Но в Приамурье уже был промышленно-оборонный кластер, который создавался в первую очередь для укрепления оборонноспособности этого пограничного с Китаем региона. Без восстановления его оборонной части и устранения от власти тех, кто его уничтожил, реализовать мечты Крупнова невозможно. Директор института Юрий Крупнов «убеждён, что Амурская область — это

ключевой, решающий регион Дальнего Востока, а опережающее развитие Дальнего Востока — основа развития России. Отсюда и приоритетный интерес к Амурской области. Космодром «Свободный» и ЗАТО «Углегорск» играют здесь ключевую роль (из интервью независимому информационному portalу amurpolit.ru от 25.05.2007 года). На совместном совещании сотрудников этого института с представителями областной и районных администраций Амурской области в Свободном, поддержал проект Юрия Крупнова и глава «космического» городка В.И. Токарев. Он сказал, что если приоритет в экономическом развитии будет отдаваться только припортовым зонам и олимпийскому Сочи, то никакого развития Дальний Восток в целом не получит.

В июне 2007 года, когда практически прекратилось финансирование Углегорска Министерством обороны, Владимир Иванович переживал о том, что не будет подведён под крышу к зиме спортивный комплекс. «И всего-то надо каких-то 150 миллионов рублей», — жаловался он. К 2011 году крышу кое-как достроили, но внутри огромного здания спорткомплекса ничего не делали из-за отсутствия финансирования. Для достройки 150 миллионов не хватает. Но теперь Токарев оптимистичен, несмотря на то, что из 24 миллиардов, выделяемых для строительства космодрома до 2013 года на 2011 год выделяется меньше 2 миллиардов рублей. Я заметил, что по сравнению со 100-миллиардными капиталовложениями в остров «Русский», где оборудуется база для проведения саммита АТЭС, а тем более с капиталовложениями в олимпийские Сочи, 2 миллиарда, выделяемые на строительство космодрома «Восточный», капля в море. «Но ведь нас всё же не забывают, — возразил Токарев. — Путин, открывая год космонавтики, сказал, что всё пойдёт по нарастающей. Будут расти объёмы работ — будут расти и ассигнования. Цементный завод в Шимановске будут строить, Спецстрой придет и строители себе базу сделают, в которой будут размещаться и начнут весь проект осуществлять...» Меня несколько удивила его вера в Путина. Ведь на его глазах были взорваны и ушли на металллом в Китай пусковые ракетной дивизии, заместителем командира которой был он. Для оборудования пусковых шахт задействовалась, по его словам, «сольдидная строительная база города Свободного». Но строительная база города Свободного также ушла на металллом в Китай. Остались развалины завода силикатного кирпича и стеновых блоков и железобетонные костыли от завода ЖЗБИ. Такие же костыли остались от домостроительного комбината в Шимановске, еще недавно обеспечивавшего БАМ. И

всё это происходило при Путине. Вот поэтому жители этих городов не верят в то, что строительство космодрома обеспечит их рабочими местами и повысит их жизненный уровень.

Весь номер газеты «Угледорские ведомости», посвященный приезду Путина, был проникнут его обожанием. А ведь Путин не собирался общаться с угледорцами. Даже их главу к царственной ручке не допустил. Вот что сказал по этому поводу сам Токарев: «СМИ не допускались. Сработала спецслужба «Протокол». Даже я, как глава ЗАТО «Угледорск» входил в фойе зала по команде: «Войдите. Вдруг вопросы будут». Все совещания закрытые были, и нас, в том числе и министров правительства области, даже близко не подпускали». Вот как описывает угледорская газета момент убийства правителя России из Угледорска: «Владимир Владимирович сел за руль своего автомобиля «Лада Калина Спорт» и нажал на газ, машина рванула с места, но, проехав несколько метров, неожиданно затормозила. Владимир Путин вышел из машины и быстро направился к угледорцам». Ответил Путин всего на два подготовленных вопроса: «Понравился ли вам городок?» и «Будут ли рабочие места предоставлены в первую очередь жителям Угледорска». Очевидно, вспомнил о соблюдении хотя бы иллюзии демократии.

Но что даст жителям Приамурья размещение на их территории главного космодрома России, кроме несомненного ухудшения экологии? Обеспечит их высокооплачиваемой работой и, как следствие, повысит уровень жизни? Хотелось бы, конечно, дальневосточникам, чтобы сбылись фантастические мечты Юрия Крупнова сделать Амурскую область опорным регионом опережающего развития всего российского Дальнего Востока. Вот только вместо опережающего развития, которое уже давно обещают Дальнему Востоку, происходит обратный процесс. Во что превратились соседствующие с космодромом города? Город Шимановск, бывший в советские времена центром строительной индустрии БАМа, превратился в поселок, из которого разбегаются последние жители. Город Свободный, бывший вторым по величине промышленным центром Приамурья, потерял практически всю свою промышленность и четверть жителей. После решения о сворачивании космодрома, население Угледорска за два года сократилось на треть. Ныне, несмотря на сохранение за Угледорском статуса ЗАТО, уровень жизни угледорцев ничем не отличается от уровня жизни жителей Свободного и Шимановска. Возможно, их уровень жизни вновь повысится, потому они и надеются на Путина. Но повысится ли при этом уровень жизни жителей 800-тысячного Приамурья?

«Костыли» разрушенных железобетонных заводов Свободного и Шимановска заставляют сомневаться в этом. Мне вспомнилось, как бездумно, не заботясь о завтрашнем дне, крушили промышленные предприятия Приамурья «реформы» при президентстве Путина. Уже вначале «реформ» остановился, а затем был разрушен завод железобетонных изделий. После того как в мае 2004 года (за два года до возникновения национального проекта «Доступное жильё») был продан с аукциона на металлолом Свободненский завод силикатного кирпича и стеновых блоков, Совет ветеранов от имени всех жителей города направил протест полномочному представителю президента по Дальневосточному федеральному округу Пуликовскому и губернатору области Короткову. В протестном послании ветеранов говорилось: «Завод построен по передовой технологии производства силикатных стеновых материалов, и нам, свободненцам, непонятна политика развала и разрушения экономики города Свободного, в котором за последние годы уничтожено 16 тысяч рабочих мест. В том числе: на заводе «Автозапчасть» — 5500 рабочих мест, литейно-механическом — 300, швейной фабрике — 320, Зейской сплавной конторе — 800, заводе железобетонных изделий — 400, прочих — 8630» (газета «Зейские огни», 19 мая 2004 года). Точно так же была уничтожена практически вся промышленность Приамурья. Для чего? Для того чтобы ныне её восстанавливать в виде космического кластера? Да пока мы этот кластер будем создавать, китайцы уже по Луне пешком ходить будут!

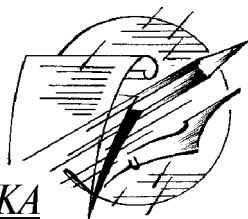
На строительство космодрома в 2011 году выделено 2 миллиарда рублей? Для сравнения, на строительство четвёртого китайского космодрома на острове Хайнань, рассчитанного только для запуска спутников, китайцы выделили почти миллиард долларов! Притом он будет использоваться. Космодром Восточный будет использоваться как для запусков спутников, так и для пилотируемых полётов. Какими же темпами будет строиться главный космодром России, который уже назвали путинским, при столь мизерном финансировании? Вполне возможно, главным мотивом строительства космодрома в Приамурье является не его целесообразность, а стремление поднять рейтинг Путина перед очередными парламентскими и президентскими выборами.

НАСЛЕДНИК ГАЙДАРА

ИНОГДА ОНИ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Бедствия, что обрушились на Россию: природные катаклизмы и техногенные аварии, огненные смерчи шахидов и яростная национальная рознь, — меркнут перед несчастьями особого рода, урон от которых превосходит любую катастрофу, любое вражеское нашествие. Речь идет о либеральных «младореформаторах», загнавших страну в каменный век, ответственных за деградацию государства и вымирание народа.

Личности главных экономических стратегов «родом из 90-х» давно превратились в аллегории, достойные пера Данте или кисти Босха. Чего стоит одна лишь фигура «ржавого кардинала» Анатолия Чубайса, который настолько свыкся с ролью «виновного во всем», что обращает в тлен всякий институт и механизм, которого коснется! А творец русского экономического краха Егор Гайдар, колом прокатившийся по городам и селам, выметая из них крохи благосостояния? А первый русский миллиардер, клятвopеступник и медведеубийца

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Черномырдин с его «товарищем Шамилем», с его хтоническими поговорками, от которых веет ужасом преисподней?

Уринсон и Лившиц, Кириенко и Ясин, Греф и Зурабов, Кох и Починок, а также целый выводок «жестоковых» олигархов — кажется, будто каждый из них явился в нашу жизнь для того только, чтобы подвергнуть нас испытаниям. Измучить страну приватизацией и монетизацией, дефолтами и «залоговыми аукционами», бесконечными «черными вторниками» и «черными четвергами». До того ненавистны они людям, что выведи каждого без охраны на площадь перед народом — и правый суд не замедлит свершиться.

Одно время казалось, что этот сонм inferнальных персонажей пресек свои непотребства, запечатан в каменные «сосуды» институтов и фондов, изгнан из общественной жизни. Но «иногда они возвращаются». То один, то другой вдруг снова возникнет на горизонте, махнет перепончатым крылом, издаст жуткий клекот, соберется на громкие похороны собрата. Подрастает и новая смена единомышленников, Юргенсов и Гонтмахеров, не стыдящихся выводить свою экономическую родословную «от Гайдара».

Среди этих типажей есть один, уникальный. Явившийся, как у них водится, из ниоткуда и пробившийся на самый верх власти. Идеальный «гайдарыш», пересидевший отставки и опалу своих сподвижников. «Человек-оркестр», один заменяющий целые министерства. Творец или соучастник наиболее одиозных реформ последних семнадцати лет — истерзавших экономику страны, ввергнувших Россию в самое пекло мирового кризиса. Чиновник, чья главная публичная роль — раз в месяц гласом Кассандры предвещать неминуемую катастрофу или же беспечным тоном вечного «мальчика-студента» озвучивать самые нелепые инициативы реформаторского лобби. Влиятельный сановник, в сравнении с которым вражеские диверсанты и чужие «агенты влияния» выглядят никчемными и смешными. Знакомьтесь: помощник президента Российской Федерации, член правительственной комиссии по экономическому развитию и интеграции Аркадий Владимирович Дворкович.

ОТКУДА ТАКИЕ БЕРУТСЯ?

Когда наблюдаешь за «птенцами гнезда Гайдарова», всякий раз задаешься вопросом: «И откуда только такие берутся?!» Применительно к Аркадию Дворковичу вопрос этот выглядит особенно оправданным. Сегодня ему 38 лет, однако в «Большой экономике» он — с 22 годков. В далеком 1994

году вчерашний студюозус Дворкович становится сначала консультантом, затем экспертом и очень быстро — гендиректором и научным руководителем Экономической экспертной группы Министерства финансов России. Серьезная контора: при своем «независимом» статусе этот «мозговой трест» фактически явился разработчиком важнейших макроэкономических реформ в стране, сложивших современную — и, как оказалось, максимально уязвимую перед лицом кризиса — систему финансов, налогов, бюджетной политики и государственного долга РФ.

Может быть, Дворкович — вундеркинд, раз в столь нежном возрасте вошел в «когорту экспертов»? Не передались ли Аркадию по наследству аналитические способности его отца, шахматного арбитра Владимира Дворковича, или организаторский талант матери, проектировщика советских заводов? Увы, его уникальное умение делать прогнозы, расходящиеся с реальностью в противоположных направлениях, опровергает версию о гениальных задатках.

Впрочем, без особых умений наверх не пробьешься — особенно когда жизненные обстоятельства складываются против тебя. Вот как, например, описывает сам Дворкович свое поступление в университет:

«Я чудом поступил в МГУ. Чудом — потому что слегка напутал на математике и поставил десяток лишних запятых в сочинении. А потом пришел на экзамен по истории без права получить ниже пяти баллов, но совершенно не зная ни культуры средневековой Европы, ни последовательности российских императоров».

Не знаешь, чему здесь больше поражаться — безграмотности абитуриента или его необъяснимой удаче. Ведь любой поступающий в вуз знает: расставив на сочинении «десяток лишних запятых», ты вряд ли получишь даже «тройку». А тут «проканал».

Неужто так к знаниям тянулся? Однако в «мемуарах» Дворковича, которые он кропает в «Русском пионере», отсутствует всякий пиетет перед «альма-матер». Чем же занимался? Безбожно прогуливал, играя на спортплощадке, мотался в Питер глядеть на Собчака и, конечно же, приобщался к либеральным ценностям:

«Где нас никогда не травили — так это в «Макдоналдсе». Первом в Москве. Первом в России. Первом в мире, где, чтобы насладиться заветным бигмаком, нужно было отстоять в огибающей в три кольца Пушкинскую площадь очереди несколько часов. Но очень скоро у нас появился блат. Товарищ устроился работать в самый красивый в мире ресторан быс-

трого питания продавцом. И выносил нам наполненные яствами пакеты прямо к входу, где мы под ненавидящими взглядами из голодной очереди ждали очередного наслаждения».

«Заветный», «самый красивый в мире», «яства», «наслаждение»... Похоже, только лишь российский либерал способен так искренне преклоняться перед забегаловкой с фастфудом.

К слову, закончил МГУ Дворкович так же, как и начинал: «Моё отсутствие в МГУ предопределило необходимость разделения рисков с друзьями при написании диплома и сдаче госэкзамена. Дипломную работу мы писали одну на двоих с другом-театралом... Претензий избежать не удалось, но свои пятерки мы получили. С госэкзаменом история была похожая, но не уверен, что прошел срок давности по поводу наших небольших студенческих шалостей». Ну просто удивительное везение!

Итак, едва поставив точку в совместном с «другом-театралом» дипломе, Дворкович тут же попадает в ведущую экспертную группу «молодой российской экономики». Как? Какими судьбами? Неужто там подбирали кадры по степени любви к «бигмаку»?

Это похоже на правду, ибо в том же 1994 году Аркадий умудрился получить диплом магистра экономики в Российской экономической школе. Организованная в 1992 году профессором Иерусалимского университета Гуром Офером негосударственная РЭШ — известная либеральная лавочка, чьей единственной функцией в те времена являлось проставление штампа «свой» на том или ином «перспективном специалисте». Дворковичу, «на дурачка» проскочившего систему МГУ, там оказались рады — проверочное «сито» было пройдено, и перспектива в будущем жрать гамбургеры до отвала, ни в чем не нуждаясь, встала перед Аркадием Владимировичем в полный рост.

И все же юная российская демократия в ту пору не могла одарить кандидата в «младореформаторы» всем богатством либерального просвещения, и свежеиспеченный эксперт отправляется на родину «Макдоналдса», чтобы учиться уморазуму в престижном университете Дьюк, пестующем элиту глобализованного мира.

Эта страница биографии президентского советника является наиболее закрытой. Нигде в прессе не найдется упоминаний, чем же занимался Дворкович в Duke University, в этих викторианских корпусах, в окружении благородных дубрав и стриженных лужаек Северной Каролины. Из его собственных воспоминаний следует, что и там он усердно гонял

в баскетбол. Это могло бы оказаться правдой, учитывая следующие «достижения» Дворковича как экономиста, однако головокружительная карьера Аркадия заставляет усомниться в безмятежности его американского этапа жизни.

В 1997 году в жизни Дворковича происходят два главных события: он получает диплом магистра экономики в Америке и переходит на должность руководителя Экономической экспертной группы при Минфине РФ.

ПЛОТЬ ОТ ПЛОТИ ЛИБЕРАЛИЗМА

В декабре 2009 года, когда закапывали в землю труп Гайдара, Дворкович не стеснялся слез. Его горестные вздохи обошли тогда все новостные каналы. «Безумно жаль, что не стало Егора Тимуровича!»... «Ушел добрый и порядочный человек. Скорблю!»... «Свои идеи мы прогоняли через его светлую голову!» — завывал Дворкович.

Он был искренен. В той страшной мессе он отдавал дань своему духовному гуру. Сгинут Чубайс или Греф, Зурабов или Кох — о каждом непотопляемый Дворкович отзовется с теплотой и восторгом. Он — плоть от либеральной плоти, и гордится этим. Связанный с самыми ненавистными в России именами, Дворкович, безусловно, разделяет и ответственность за их катастрофические реформы. Не просто как свидетель или идейный соратник, но как соучастник.

Сухие строчки его «постдьюкской» биографии свидетельствуют, как быстро «рос мальчик»:

«В 2000 году был одним из соавторов разработанной под патронатом фонда «Либеральная миссия» (основатели — Егор Гайдар и Евгений Ясин) «Экономической стратегии России в первом десятилетии XXI века». С 2000 года работал экспертом в фонде «Центр стратегических разработок» Германа Грефа, где отвечал за разработку бюджетной и налоговой политики.

С августа 2000 года занимал пост советника министра экономического развития и торговли РФ (МЭРТ) Германа Грефа. 26 марта 2001 года был назначен заместителем министра МЭРТа, курировал деятельность департаментов макроэкономического анализа, финансов и отдела банков в департаменте инвестиционной политики. Работал в составе группы по подготовке стратегии развития России на период до 2010 года.

17 апреля 2004 года был назначен руководителем Экспертного управления Администрации Президента РФ».

Если вспомнить все бесчинства и издевательства со стороны тогдашнего «экономического блока правительства», все

грефовские эксперименты над народом, каждую инициативу по либерализации экономики со стороны осененного смертью МЭРТа, слезы обездоленных стариков и гнев рабочих с разоренных заводов, то можно не сомневаться — ко всему этому так или иначе причастен и Дворкович.

Смысл экономической реформы тех лет, в которой деятельное участие принимал Аркадий Владимирович, заключался в перекалывании всех тягот «переходного периода» на плечи населения. Государство сбрасывало с себя одно за другим гарантированные Конституцией социальные обязательства и одновременно перераспределяло прибыль построенных народом производств в пользу горстки миллиардеров. Именно тогда были осуществлены если не самые грабительские (тут уж Гайдару нет равных!), то самые несправедливые переустроекства в истории постсоветской России.

Команда Грефа, еще до всякой «зурабовщины», разработала проект печальной знаменитой «монетизации льгот», тотальный провал которой привел к самым массовым, после 1993 года, народным волнениям и даже поставил под угрозу судьбу президента Путина, чей официальный рейтинг в разгар «реформы» в начале 2005 года упал до неслыханных 48%.

Вышедшие из-под крыла МЭРТа горе-экономисты до сих пор являются главными лоббистами идеи присоединения России к Всемирной торговой организации, которая окончательно уничтожит всякое производство в России, если только оно не окажется дешевле китайской шарашки. Преимущества вхождения в ВТО видят у нас, пожалуй, только сырьевики и... Аркадий Дворкович, по словам которого главная выгода тут — «это возможность играть по одинаковым правилам игры» и «возможность формирования отношений инвесторов к России как к стране с цивилизованными правовыми рамками для ведения бизнеса». И неважно, что наша экономика после вхождения в ВТО сможет сыграть разве что в ящик, — зато «правила игры» будут честными и цивилизованными.

Непосредственно причастен Дворкович и еще к одному «либеральному чуду» современной экономической жизни России — единой ставке подоходного налога в 13%. Вспоминается, с каким ошарашенным видом восприняли это нововведение даже западные финансисты, с младых ногтей впитавшие краеугольную капиталистическую истину: «Богатые платят больше».

Дворкович никогда не скрывал заветную цель подобных преобразований: «Мы стремимся к тому, чтобы его (государство) минимизировать. Пока что это не получается».

Надо сказать, что тезис «Как можно меньше государства!» — это альфа и омега российского либерала. Этим он

не только отрицает важнейшую функцию государства — справедливое перераспределение благ, отдавая ее на откуп «невидимой руке рынка». Раздербанная государство, либерал отказывает народу страны в «хребте цивилизации», который на протяжении тысячи лет обеспечивал выживание людей на суровых просторах Евразии: с его дорогами и больницами, с его ВПК и фундаментальной наукой, с его музеями и коммунальным хозяйством. Поэтому либеральный возглас «Как можно меньше государства!» следует трактовать однозначно — как призыв к народу поскорей улечься в гроб.

Сегодня наглядный пример подобного «избавления от государства» — это наполеоновские планы новой приватизации, за которыми угадывается авторство Дворковича. Количество стратегических предприятий планируется сократить с 208 до 41, а федеральных унитарных предприятий — с 230 до 159. Остальные — распродать!

Доходит до абсурда. Государство в лице его чиновника Дворковича готово избавиться не только от приносящих прибыль заводов и фабрик, но даже от своего главного инструмента в современных реалиях — от собственных СМИ! В конце ноября 2010-го, буквально за год до предстоящих выборов в Госдуму, помощник президента заявил, что газеты, теле- и радиокomпании, принадлежащие госорганам, будут выставлены на продажу: «Сейчас это бессмысленная трата денег. Они подлежат продаже, но сроки пока не установлены!» Выходит, РИА «Новости» и ИТАР-ТАСС, «Российская газета» и ВГТРК, иновещательный телеканал Russia Today, и радио «Голос России» в скором времени превратятся в частные шарашки, политику которых будут определять скупившие их «денежные мешки».

А что же останется у государства? У него останется Дворкович!

ПРОГРЕССИРУЮЩАЯ ШИЗОФРЕНИЯ

Для Аркадия Владимировича не составляет никакого труда в одном и том же интервью ратовать за уменьшение налогов и тут же, через пару строк, сетовать: «У нас не хватает денег, чтобы профинансировать все. Нужно много денег собрать». Или, скажем, сначала натравить на Лужкова Кремль из-за «ошибочной позиции» по Химкинскому лесу, а затем... провалить именно тот маршрут автострады, который и строился при московском мэре.

Подобное «шизофреническое» отношение к миру, когда одновременно поддерживаются две противоположные по

смыслу идеи, встречается у дважды магистра довольно часто. Рука об руку с этим идет уникальное умение Дворковича «припечатать словом» целые отрасли экономики, после чего следуют провал котировок и шок инвесторов, истерика директоров производств и затяжной стресс у профильных специалистов. Другой особый дар президентского помощника — стоя на пороге важного события, давать абсолютно неверные прогнозы на ближайшее будущее. Но в чем Дворкович действительно превзошел всех — так это в способности вбрасывать в общество одну за другой самые бредовые задумки либерал-реформаторского крыла власти, накаляя общественное мнение до точки кипения страстей.

Ляпы и «вбросы» Дворковича неисчерпаемы и разнообразны, как шахматная партия. Под раздачу попадают и стар и млад. Давно ли его имя на все лады костерили пожилые люди? В апреле 2010 года Аркадий Владимирович намекнул, что не худо бы с целью сокращения бюджетного дефицита увеличить в России пенсионный возраст: «Мне кажется, что время пришло, и не стоит обманывать самих себя, что люди не готовы. Они готовы». И в самом деле, безобразия: слишком многие еще в России доживают до пенсии, хотя давно готовы преставиться! Тем более, что пенсионных выплат можно и не дожидаться: в декабре 2010-го Дворкович предложил потратить деньги и без того дефицитного Пенсионного фонда на облигации «институтов развития» вроде чубайсовской корпорации «Роснано». От такой задумки выпали в осадок даже в Министерстве финансов.

А в начале этого года имя Аркадия Владимировича вновь оказалось на слуху: он предложил отменить студенческие стипендии:

«Скажу непопулярную вещь, но считаю, что это правильно: если мы все считаем, что всего нужно добиваться своим трудом, что работать должно стать модным, нужно отменить стандартные стипендии у студентов, потому что это неправильный сигнал, что ты за сам факт своей учебы получаешь компенсации. Можно работать после учебы: на кафедре, в библиотеке, в кафе, переводы делать, не денежные переводы, конечно...»

Шутник. Но главное, какой оригинальный подход у советника!

«Если талантливый математик — может работать у своего профессора на кафедре, помогать делать исследования и получать за это деньги. А если это будущий менеджер — может и в компании какой-то работать на два-три часа в день».

Этот ряд можно продолжить. Если студент учится на летчика — пусть с первого курса водит самолеты. Если на врача —

бегом в операционную и «резать, не дожидаясь перитонита». Выбрал стезю оператора АЭС? На реальной станции подзаработает! Ну а ежели он недоучившийся чиновник — добро пожаловать по пятам Аркадия Владимировича. Устал, замазлся? На лекциях отоспится! Мы же инновационную экономику строим.

«Это и правильней, и дешевле для налогоплательщиков», — подытоживает Дворкович. С такой логикой можно вообще зарплату народу не платить: дешевле выйдет.

Кстати, об инновациях. Прекрасно Аркадий Владимирович высказался о Сколково. Чем заманивать ученых будете, спросили его. «Там будут самые лучшие гольф-поля, концертные залы, рестораны, там все будут встречаться!» — на голубом глазу парировал Дворкович.

С таким отношением к реальности, стоит ли удивляться ответу Дворковича в самый разгар кризиса, летом 2009 года, на вопрос, почему российская экономика обваливается на глазах? Праздники тому виной, не моргнув, заявил президентский помощник. Слишком много выходных дней нынче в мае оказалось!

Кто-то спрашивает: почему кризис больше всего ударил по России? Спасибо скажите, что наши либеральные экономисты вообще его заметили! Помнится, непосредственно перед крахом, 28 июля 2008 года, дважды магистр экономики произнес свое знаменитое: «Акции российских компаний на фондовых биржах недооценены, поэтому РТС и ММВБ вырастут в ближайшие недели и месяцы». Со стороны Дворковича это было блестящее заявление, учитывая, что за следующие три месяца индекс РТС грохнулся с 1928 до 549 пунктов, а ММВБ — с 1492 до 513 пунктов. И еще два месяца после этого наши биржи уверенно шли к своему минимуму.

Ну а история о том, как в 2008 году Аркадий Владимирович «инфляцию за хвост ловил», вообще стала среди экономистов притчей во языцех: предскажет Дворкович инфляцию в очередном интервью — а она возьми да и убеги! И все бегаёт да бегаёт.

В ноябре того же 2008 года, когда уже все рухнуло, когда ответственный чиновник давно пустил бы себе пулю в лоб, Дворкович отметился еще раз, пообещав: «Российскому бюджету не угрожает дефицит в ближайшие месяцы, и даже в случае его появления отечественная экономика продолжит расти высокими темпами». Следует ли напоминать, что буквально через два месяца после этого Россия встретила первый свой дефицитный год за десятилетие, а ВВП России в 2009-м упал на 7,9%, составив один из худших показателей в мире?

Похоже, мы имеем дело с классическим случаем, когда плюй в глаза — все божья роса. Обязался человек в феврале 2006-го уменьшить рост цен на недвижимость — и что ж с того? Бывает. Дал слово в апреле 2009-го, что государство «сделает выводы» в отношении тех корпораций, чьи топ-менеджеры в кризис не ограничились себе бонусы? Дал, ну и подумашь. Пообещал в июне 2009-го, что рост тарифов на электроэнергию в России в 2010 году составит всего 5%? Скомпromетировал президента? Выставил Кремль злокозненным дураком? Сам сел в лужу? Пустяки, дело житейское!..

ДЯДЯ, ВЫ ШПИОН?

Впрочем, когда это бывает нужно, господин Дворкович — образцовый пессимист. Можно даже предположить, если бы мы сомневались в кристальной честности Аркадия Владимировича, специфически мотивированный пессимист. Влиятельнейший чиновник, делающий мрачные прогнозы в деле, за которое он, в принципе, отвечает, хотя бы как один из авторов президентских посланий последних семи лет, — само по себе уникальное явление. А тот же чиновник, обрушающий своими безнадежными предсказаниями котировки национальных компаний, — это уже совсем другой уровень.

Где-нибудь на Западе надзорные органы давно уже поставили бы вопрос о том, не играет ли такой чиновник, прямо или опосредованно, на бирже? Или, хуже того, — не лоббирует ли он интересы глобальных конкурентов? Но мы не Запад, у нас тут — расцвет либерализма. У нас все по-другому, и к делам мы относимся иначе.

Если, к примеру, на дворе кризис, то мы не увеличиваем налоговое бремя на банки, как на это решились Великобритания, Франция, Германия и вся Европа, кроме богом забытой Чехии, а спасаем их, руководствуясь словами помощника президента: «Введение специального налога на банки может привести к отрицательным последствиям».

В другой раз, когда требуется спасти еще более крупную рыбу, можно и либералу поручить «административным ресурсом» — как это сделал Аркадий Владимирович, поставив, по сообщению «Ведомостей», в январе 2010 года перед «Сбербанком» и ВТБ задачу купить «немножко «Русала» — и тем выручить поиздержавшегося Дерипаску. Особо пикантно это смотрелось на фоне высказываний самого Дворковича, сделанных за несколько месяцев до этого: «Сейчас не нужно бегать к государству за помощью. Государство помощь не

окажет. Никого спасать не будем. Нужно брать на себя ответственность и работать более эффективно».

Ну а ежели, являясь не последним реформатором во власти, он критикует проводимые властью реформы, то делает это честно и открыто, с шашкой наголо, и безо всякой мысли об отставке. А летят ли после этого в тартарары национальные и корпоративные рейтинги — плевать:

«Реальный рост ВВП России, очищенный от сезонных колебаний, на протяжении года не превышал величин статистической погрешности» (2001 год).

«С моей личной точки зрения, задача удвоения ВВП — это плохая задача, но хороший кнут для правительства» (2003 год).

«Большая часть российской экономики настолько неэффективна, что не переживет ближайшее десятилетие» (2009 год).

Подобное заявление было сделано Дворковичем 19 января 2011 года. В своем онлайн-интервью с читателями в редакции «Газеты.Ру» помощник президента России по экономическим вопросам, видно, расслабился и плохо следил за языком. В итоге в самом же начале беседы, отвечая на вопросы о приговоре Ходорковскому, Дворкович умудрился выдать следующий перл:

«Далеко не все процедуры еще завершены, будут апелляции, рассмотрение в других инстанциях. Исходя из этого, считать, что процесс полностью завершен, пока нет оснований. Поэтому все, кто наблюдают за ходом событий, продолжат это делать.»

Что касается имиджевых потерь и отношений инвесторов, думаю, что мы очень скоро, буквально через неделю, увидим и услышим все, что можно, в Давосе — крупнейшем инвестиционном форуме — увидим, что эти вопросы будут задаваться всем членам российской делегации, и отношение инвесторов будет понятно. Думаю, что у значительной части, по крайней мере, зарубежного сообщества серьезные вопросы будут, и оценка рисков работы в РФ повысится.»

Что мы видим? Высокопоставленный чиновник мало того, что фактически присоединяется к стройному хору озабоченных судьбой вора-олигарха и легитимностью судебного процесса, он еще и говорит открытым текстом: инвестиций в Россию из-за дела Ходорковского не будет, риски повысятся. Это называется «сигнал своим — сливайте воду».

Неудивительно, что на следующий день, 20 января, на бирже РТС случилось самое резкое за полтора месяца падение котировок — на 1,8%, а на ММВБ — на 1,73%. Таково в современной экономике слово большого начальника. Промолвил — и кто-то, сыграв на понижение, стал миллионером.

Но главное тут, конечно, не чья-то личная выгода, а риски для страны. Давать подобную «установку» в преддверии важнейшего мирового экономического саммита года, на котором как раз планировалось поставить вопрос о приватизации долей собственности крупных предприятий, значит только одно — обесценивать активы, сбавлять цену на товар.

Впрочем, и тут профессионала нашего подвело чутье. Давос ознаменовался несколькими многомиллиардными сделками, включая создание совместных предприятий между «Роснефтью» и ExxonMobil по разработке черноморского шельфа, «Роснефтью» и BP по добыче углеводородов со дна Карского моря, а также сенсационный обмен активами между последними. Сенсационный — потому что лично Дворкович, по его собственному признанию, ничего не знал об этой сделке до ее совершения. И зачем только его держат, такого умницу?

К слову, приобретение со стороны одной из семи нефтяных «сестер» акций российской корпорации, к которой в свое время перешли активы ЮКОСа, наглядно свидетельствует о том, что мировому бизнесу на Ходорковского плевать с высокой нефтяной вышки.

Кто-то из читателей давно бы уже принялся восклицать в пустоту: «На кого работаете, господин Дворкович?!» Не станем задавать риторические вопросы. Вот что было сказано в ноябрьском «Эксперте-Online» по поводу саммита «Большой Двадчатки» в Сеуле: «Российский шерпа (советник главы делегации на саммите) Аркадий Дворкович себя вел очень неправильно, — говорит в интервью «Эксперту Online» американский политолог, знакомый с закулисами G20. — Он не разговаривает с индусами, бразильцами — всех их обходит стороной и гордо презирает. Вместо этого он пожирает глазами американского представителя, повторяет слово в слово то, что говорит американец. В результате Россия оказывается никому не нужной. Американцы и так знают, что Россия будет голосовать за них. Все остальные понимают, что Россию невозможно привлечь на свою сторону».

Кстати говоря, на сеульском саммите обсуждались вопросы мировых финансов и регулирования курсов валют. И Россия на этот раз, мягко говоря, помалкивала в тряпочку. А ведь за каких-то полтора года до этого наша страна выступила с «прорывным» документом за авторством Дворковича под названием «Предложения Российской Федерации к саммиту «Группы двадцати» в Лондоне». Там было много всякой галиматии и среди прочего — предложение о «создании наднациональной резервной валюты, эмиссия которой будет осуществляться международными финансовыми институтами».

Речь тут идет, по сути, о мировых деньгах. Печатать которые, по логике вещей, призвано мировое правительство, завуалировано названное «институтами». А у правительства этого по идее должны быть силы и средства свою валюту защищать — а как же иначе? В общем, начал с «десятка лишних запятых», а закончил чуть ли не «Комитетом 300». Впрочем, очень быстро последовал окрик из Вашингтона, и Дворкович молниеносно дезавуировал свои предложения о глобальной валюте, сославшись на сложность и непроработанность вопроса. И не знаешь, печаловаться или радоваться новости о том, что в голове советника российского президента американский доллар одолел валюту мирового правительства.

«ТИХИЙ РАЙ», «ШАХМАТНЫЙ АД»

Есть у Аркадия Владимировича и «логово», где он составляет свои «чудо-комбинации». Не Кремль, нет, а «Шахматная гостиная» имени Дворковича-старшего. Этот закрытый клуб для избранных высокого «либерального градуса», расположившийся в уютном особнячке на Сухаревской площади, является своего рода интеллектуальной лабораторией по генерированию «вбросов» и стратегий, рокировок и «разводок», а также прочих «плодотворных дебютных идей» антироссийской направленности.

Как сказано на сайте Коммуникационной группы «Пресс Холл», руководимой братцем президентского помощника, Михаилом Дворковичем, в патронированной им «Шахматной гостиной» «ежегодно разрабатывается деловая программа для крупнейших российских и международных компаний». Не плохо для шарашки, которая на собственном сайте позиционирует себя всего лишь как детский шахматный клуб. Заслуживает внимания и фирменный девиз «шахсекции», указанный на том же сайте: «Лучше плохой план, чем никакого». Как говорят, особенно комфортно составлять «плохие планы» там стало после того, как в мае 2010 года, по заявлению великого Карпова, Дворкович «фактически осуществил рейдерский захват» Российской шахматной федерации.

Вот такая у человека жизнь. Советует помаленьку. Силится «минимизировать государство», аки Давид Голиафа. Разрабатывает «эндшпили» в игре против России. А еще — сочиняет стихи о «тихом рае» клерка: «Я хотел поскорее добраться домой.// Сыновья заждались, засыпая./ / Выпить чая и нежно обняться с женой —// Все, что нужно для тихого рая».

С «раем» тоже всё хорошо. Жена — топ-менеджер. Дослужившаяся до замминистра имущественных отношений, Зумруд Хандадашевна нынче замдиректорствует в «Полиметалле». А еще — заседает в советах директоров четырех ОАО (так, по мелочи: ММК, «Международный аэропорт Шереметьево», «Полус Золото» да «Ханты-Мансийский банк»). За свой непосильный труд получает — зарплата плюс бонусы — под миллион баксов в год.

Как?! У большого чиновника жена делает бизнес? Да не просто беляшами торгует, а занимает ответственные посты в крупных корпорациях? Вероятен конфликт интересов? Возможна коррупционная составляющая? Побойтесь Бога, и слова-то такие нам неведомы.

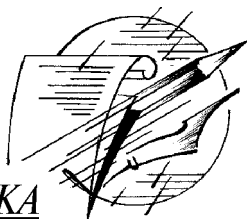
И отпрыски пока в Москве: старший, вон, пошел в 57-ю математическую. Хотя, судя по ахинее, которую пронес как-то Аркадий Владимирович про платное питание в московских школах, отечественное образование для детей Дворковича — дело временное. В самом деле, разве тут научат правильно пешками двигать?

Хороший дом, хорошая жена. Шахматный этюд за чашкой чая. Где-то за окном служебной машины — умирающая Россия. Сыновья подрастают. Столько еще нужно успеть сделать для счастья!..

О КОНЦЕ МИРА

Кто-то из наших экономистов назвал нынешний кризис «матрешкой». У него для этого были свои соображения, я буду говорить только про экономические аспекты, однако и исходя из них идею «матрешки» можно поддержать. Действительно, кризис начался как стандартный циклический, однако затем перерос в кризис «рейганомики», характерными эффектами которого является падение совокупного спроса и долговой кризис. Отметим, что в истории такое явление уже один раз было, в начале 30-х годов прошлого века (правда, тогда политика стимулирования спроса, применяющаяся в 20-е годы, не носила специального названия и была значительно меньше по масштабу), и тогда, правда, по итогам II Мировой войны, ситуация выправилась, чисто экономический кризис продолжения не получил. А что можно сказать сегодня? Мне и моим коллегам кажется, что нынешний кризис стал началом общего кризиса, даже не капитализма, а модели экономического развития, о котором бы я и хотел рассказать в этой статье.

Современная модель развития, которую сейчас называют «научно-техни-

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

ческий прогресс» оформилась в XVII—XVIII веках, в Западной Европе, после «ценностной революции» XVI—XVII веков, которая отменила господствующий до тех пор больше 1000 лет запрет на ростовщичество. Разумеется, как и всякий библейский запрет, он не соблюдался абсолютно, но, в целом, в системе экономических взаимоотношений ссудный процент не использовался. Там, где он существовал почти легально, в торговых республиках типа Венеции или Генуи, он играл, скорее, роль страхового взноса, а собственно производственные процессы были построены на цеховых принципах, при которых и объем, и технологии, и номенклатура производства были жестко ограничены.

Мы не будем сейчас обсуждать причины появления капитализма (то есть капитала как источника прибыли за счет ссудного процента), но обратим внимание на одно принципиальное обстоятельство. Как только он стал использоваться как источник инноваций, хотя бы в технологиях, например, за счет создания мануфактур, которые повышали производительность труда по сравнению с моделью городских цехов, возникла серьезная проблема: куда девать полученный продукт?

Не секрет, что позднеантичная мануфактура давала довольно высокую производительность труда, уж точно выше, чем средневековое цеховое производство, но, вопреки тезисам Маркса, она уступила свое место менее производительному феодализму. Почему? А дело в том, что у этой мануфактуры не было рынков сбыта, рабовладельческое общество просто не создавало достаточный объем потребителей. Пока Римское государство поддерживало городской плебс («хлеба и зрелищ») за счет внеэкономических источников доходов (военная добыча и серебряные рудники в Испании), мануфактуры работали достаточно успешно, затем они просто неизбежно должны были умереть.

Аналогичная проблема неминуемо должна была встать перед зарождающимися центрами капитализма. Да, у них был источник денег, на которые они могли создать, например, мануфактуры. Но избыточный (относительно нормального, стабильного, устоявшегося за много веков уровня жизни населения) объем производства (или, тем более, новые, инновационные продукты) должны были найти своего потребителя. Единственным источником их сбыта мог стать внешний, по отношению к этим центрам, рынок.

Разумеется, при этом необходимая на этих внешних рынках продукция должна была продаваться дешевле, чем местная, быть более качественной или просто новой (условно говоря, плуг вместо сохи), но такие продажи неминуемо разру-

шали собственное производство в этих внешних регионах, что пополнило армию безработных и создавало почву для развития капитализма. Мы хорошо помним и историю огораживания в Англии (когда «овцы съели людей»), поскольку получаемые мануфактурным способом ткани были дешевле, чем ткани ручной работы, помним и жуткий голод в Индии, когда, как писали очевидцы, по обочинам дорог были раскинуты кости умерших от голода сотен тысяч, если не миллионов ткачей и членов их семей, не выдержавших конкуренции с завозимыми из Англии фабричными тканями ...

Впрочем, это уже, в некотором смысле, лирическое отступление, мы же отметим главное: опережающее финансирование инноваций (что в производстве привычных продуктов и услуг, что в разработке новых) осмысленно только в том случае, если имеет место постоянное расширение рынков сбыта. Эти рынки должны обеспечивать как сбыт все время дешевеющих традиционных продуктов, так и получение «технологической метрополии» дополнительных доходов для того, чтобы окупать производство инновационных продуктов.

Соответственно, уже в XVIII веке началось развитие так называемых «технологических зон» (термин Олега Вадимовича Григорьева, который и разработал соответствующую теорию в начале 2000-х годов), которые стали такими «технологическими метрополиями» и постепенно расширяли свои рынки сбыта и, соответственно, политического влияния. Иногда «технологические метрополии» и просто метрополии совпадали: Британия категорически запрещала развитие производства в своих колониях, они должны были быть чисто сырьевыми придатками. Даже финансовая система была приспособлена под то, чтобы в колониях не могли возникнуть самостоятельные источники капитала: на территории Великобритании ходили бумажные деньги (фунты стерлингов), запрещаемые к вывозу, а в колониях — печатаемые «на местах» золотые монеты, гинеи, которые все, кто хотел приехать или вернуться на родину, должны были везти с собой.

Великобритания как раз и стала первой технологической зоной. Второй могла стать Франция, но она стала жертвой Великой французской революции и наполеоновских войн, а потому своей зоны не сформировала, более того, стала частью зоны Британской. Второй технологической зоной стала Германия, которая включила в свой состав (именно как технологической зоны, а не государства) Австро-Венгрию, часть Италии, Северной и Восточной Европы, а также Россию. Окончательно эта зона оформилась после победы во Франко-прусской войне, к концу 60-х годов XIX века.

Третьей зоной стали США, которые после освобождения от британской колониальной зависимости, смогли развивать свою промышленность, темпы роста которой особенно ускорились во время Гражданской войны 1861—1865 годов. Четвертой, в начале XX века стала Япония. Однако уже к концу XIX века начались проблемы у первых трех зон: их расширение в Атлантическом бассейне стало резко замедляться в связи с исчерпанием свободных рынков ...

Что это означало с точки зрения капитала? То, что вложения в инновации и новое производство становилось все менее и менее рентабельным. Начался кризис падения эффективности капитала. Разумеется, поскольку этот процесс был абсолютно неравномерен, и по отдельным отраслям, и по регионам, заметить и понять его было достаточно сложно, но сегодня, глядя на ситуацию из достаточно удаленного будущего, мы можем этот процесс увидеть достаточно четко. Отметим, что сама мысль о том, что для нормального развития капитализму нужны расширяющиеся рынки сбыта, мелькала уже у Адама Смита, а в начале века она стала источником спора между Лениным и Розой Люксембург, причем последняя активно критиковала тезис Ленина о том, что «капитализм сам себе создает рынки сбыта». Люксембург, как мы сегодня понимаем, была права, но из-за этого спора сама тема на многие десятилетия стала в СССР запрещена, что, как мы увидим позже, во многом и привело страну к гибели.

Итогом этого кризиса явилось резкое усиление до того обычных, но не критических, циклических кризисов, которые стали существенно больше по продолжительности (депрессию после кризиса 1907 года даже называли в США «Великой»), а, главное, стало понятно, что единственный способ продолжить развитие — это перераспределить рынки сбыта в свою пользу. В результате мир получил I Мировую войну, однако ее единственным прямым результатом стало то, что одна из технологических зон, до того имеющих не только собственное производство, но и собственную валютную систему, эту систему потеряла. Да и косвенным следствием стал приход к власти в бывшей Российской империи партии, которой удалось то, что не удалось национальной буржуазии царского времени — построить собственную технологическую зону. Пятую и последнюю.

Отметим, что базовые экономические противоречия I Мировой войной решить не удалось, а значит, для передела рынков в свою пользу была нужна война вторая. Она и случилась, и по ее итогам, из пяти технологических зон осталось только две, поскольку Германская и Японская просто исчез-

ли, а Британская еще до конца войны от претензий на собственную зону отказалась, разрешив США напрямую торговать со своими колониями, минуя Лондон. Как и полагается, первое время они отлично развивались, осваивали новые рынки, делали бомбы и рвались в космос... А вот дальше начались те же самые проблемы.

Поскольку зоны были разные, объем рынков у Советской зоны (в части совокупной возможности купить) был существенно меньше, чем у Американской, у нас кризис начался раньше, а именно в самом начале 60-х годов. Но экономика у нас была плановая, диспропорции, по возможности, компенсировались, по этой причине кризис развивался медленно, к концу 70-х мы только вышли на нулевые темпы развития экономики. А вот в США все началось хотя и позже, но быстрее и жестче: 1971 год — дефолт, отказ от обмена долларов на золото, затем поражение в войне во Вьетнаме, 1973—1974 годы — нефтяной кризис, резкий рост цен на нефть и, соответственно, издержек, затем — стагфляция. Это, как понятно, не был циклический кризис (они столько не длятся), это был натуральный кризис падения эффективности капитала, реинкарнация кризиса конца XIX — начала XX века.

В этот момент Маркс мог бы улыбнуться: капитализму грозило поражение, в полном соответствии с его теорией, но не потому, что социализм рос быстрее, а потому, что он падал медленнее. СССР не стал форсировать выигрыш, предпочтя сохранять status quo, а руководство США нашло выход из положения. Ему было необходимо запустить новую «технологическую волну», но на спаде (и без войны) это делать не получается. Значит, нужно имитировать расширение рынков, и денежные власти США начали стимулирование конечного спроса, что и составляло суть политики «рейганомики».

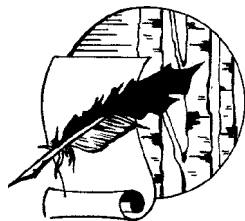
Своих целей они достигли: новая «технологическая волна» была запущена, СССР распался — и как технологическая зона, и как отдельная страна, и в этот момент, теоретически, нужно было активами (в том числе рынками) полученными на этом распаде, «закрывать» долги, сделанные за десятилетие «рейганомики». Однако у власти уже находилась администрация Клинтона, ставленники Уолл-стрита, для которых эмиссия и создание новых долгов были главными источниками доходов, и вместо того, чтобы «закрывать» краник, они использовали полученные активы как залогов под новые долги. Как следствие, мы получили «золотой век» Клинтона, который сменился перманентными кризисами 2000-х годов.

И сегодня мы уже смело можем сказать, что третья «оболочка» кризиса-матрешки, это реинкарнация кризиса 70-х годов, это очередной кризис падения эффективности капитала. Только раньше это происходило в рамках конкуренции нескольких технологических зон, а сегодня — в рамках одной. Но сути дела это не меняет.

Есть и еще одна тонкость. Предыдущие два кризиса происходили в рамках более или менее естественного накопления долгов, исключением стало начало 30-х, когда ужас «Великой» депрессии, был во многом вызван падением частного спроса после 20-х годов, когда он немножко стимулировался кредитным механизмом. Сейчас у нас заканчивается период массового стимулирования спроса за счет механизма «рейганомики», поэтому нас ждет не медленное загнивание (как это было в СССР в 80-е годы), а предварительное весьма и весьма существенное падение.

Но дело не в этом, а в главном выводе. Механизм НТП, который несколько веков определял развитие человечества, на этом закончился. Вообще. Целиком и полностью. У него нет больше ресурса, более того, и тот, который был, исчерпан даже больше, чем можно было при естественном развитии событий. Нас ждут серьезные проблемы, связанные со списанием неподъемных долгов и, соответственно, разрушением всей мировой финансовой системы. Это значит, что искать новую модель развития нам придется не в тиши кабинетов, имея впереди как минимум несколько десятилетий, а в крайне жестких социально-политических условиях. Можно сколько угодно объяснять, что проблемы Египта нам не грозят, но давайте рассуждать здраво: наше отличие только в одном: что большая часть населения Египта тратит на еду 80% своих доходов, а мы — только 40. Но при том росте цен, который сегодня наблюдается, долго ли нам ждать?

Повторю еще раз: главная проблема современности — исчерпание механизма, который обеспечивал экономическое развитие несколько сот лет. К нему можно предъявлять массу претензий, но он работал и работал весьма и весьма эффективно. Если новый будет значительно хуже, может оказаться, что рассказы бабушек и дедушек об их нормальной жизни станут казаться их внукам сказками и фантазиями. Этого бы не хотелось, но пока элиты разных стран нашего мира демонстрируют поразительную беспечность в этом вопросе.

*СТИХИ ЛАУРЕАТОВ
ВСЕРОССИЙСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО КОНКУРСА
имени СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА*

Павел КОСЯКОВ, г. Москва

ВДАЛИ ОТ СТОЛИЧНЫХ УТЕХ...

* * *

Оставлю заумные книжки.
Забуду про все и про всех.
Уеду, где дремлют домишки
Вдали от столичных утех.

Сторонка моя, ты поныне
Бесхитростно так же живешь;
В деревне Раздоры — унынье,
В деревне Беседы — галдеж.

Родная моя, избяная,
Согретая сонмом веков,
Всего в полушаге от края
Баюкаешь сон стариков.

Гремит Кольцевая дорога.
Разъяты, распяты пути.
Сторонка моя, недотрога,
Ты в сторону ту не ходи.

Она запылит твои очи,
Вручит тебе волчий билет,
Окутает смрадом обочин,
Швырнет, как окурочок, в кювет.

Беги, хоронись за ограды,
Сажай свою статью под замки.
Тебе и сегодня не рады,
А завтра возьмут за грудки!

Не ряженой в царских палатах,
Не падшей, чей стыд по рублю, —
В шеломе, с божницей на латах
Тебя полюбил и люблю.

* * *

О, этот сумасбродный век!
Куда он тащит нас, ей-богу,
Как тот с ребенком человек,
Перебегающий дорогу?

В руке безвольная рука.
Под каблуками брызжет лужица.
И за спиной его — века,
Оцепеневшие от ужаса.

РОССОШЬ

На привокзальном апрельском ветру
Млеют железные кони.
Россошь в черешневом тает цвету,
В медных чешуйках чехони.

Непримиримый к засилью невзгод
И милицейским заслонам,
К пиву несет продающий народ
Рыбьи хвосты по вагонам.

Люд мимоезжий, не стой за ценой!
Вскормленный в южных лиманах,
Вяленый дух наплывает волной
И оседает в карманах.

Тронется поезд на желтый флажок
У проводницы в ладони,
Россошь протянет мне на посошок
Рюмку в чешуйках чехони.

Тронется поезд. Пустынный уже
Вздогнет перрон и растает...
Так хорошо и спокойно душе,
Как только в детстве бывает.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Ну вот и нагрянула. Долго
Коней запрягала. И все ж
По взмыленным, трепетным холкам
Гуляет дорожная дрожь.

Явилась. С возов домовито
Снесла дорогие дары:
Рассветную негу — на жито,
Закатную песнь — на дворы.

Озерам и рекам — прибаву,
Лесам — щебетанье пичуг,
Ручьи — детворе на забаву,
Румяна — к щекам молодух.

Окинула взором угодя,
Не надо ль еще что-нибудь.
Степенно тряхнула поводья
И дальше отправилась в путь.

* * *

Гляжу со всеми смыслами,
Пропаренный, босой,
На ту, что щами кислыми
Врачует мой постой.

То по воду кидается,
То веником шуршит.
Вздывается, качается
Ее укромный быт.

А ночка под калиткою
Все шепчет про свое.
Ажурной шито ниткою
Постельное белье.

Пусть тает полуношная
На тумбочке свеча.
Мольба твоя истошная
Сгорает у плеча...

Усадит утром потчевать:
И водку, и рассол,
И всякого, и прочего
Навалит полный стол.

Почти женой законною,
Отряхивая сон,
За шторкою оконною
Пошепчет у икон.

Все понимая, грешная,
Проводит вдоль села,
Где вволю безутешная
Рябина зацвела.

САЯНЫ

Стелется, стелется облака кружево
На одинокий утес.
Речка, скалистой тесниной заужена,
Пенится в струях волос.

Кедры таежные мшистыми латами
Грозно застыли в строю,
И косилапый мохнатыми лапами
Льдистую ловит струю.

Убыль закатная хмурится, полнится.
С белых макушек гольцов
Липких туманов незрячая вольница
Гонит к жилью храбрецов.

Утлые заимки светят кострищами,
Скрытые мхами по грудь.
Бородачи, скрежеща голенищами,
Правят по отблескам путь.

Мгла все стремительней, гуще, напористей
Двигается плотной стеной.
Тетеревов с глухарями на поясе
Не разглядеть под рукой.

Скрипнет за путником дверь настороженно.
Вспыхнет лучина сквозь мрак.
Будет за чаркою все подытожено
Под перебрехи собак.

Скорая ночь лес укутает мороком.
А за окошком вдали
Месяц таинственный сказочным отроком
Лодку причалит к мели.

Виталий СЕРКОВ, г. Сочи

ПАМЯТЬЮ И ВЕТРОМ

* * *

На посошок налейте мне вина,
И я вас больше не побеспокою.
Мне сквозь бокал вселенная видна
И то, что открывается изгою.

Из города скорее убежать
Замыслил я к нетронутым сугробам,
Но не затем, чтоб зайцев обижать
Иль до погоста следовать за гробом.

Предназначенье видится в ином —
Ходить-бродить в обнимку с тишиною
И опьяняться вовсе не вином,
А памятью и ветром за спиною.

* * *

Посеяв мрак и неуют,
Агенты платные снуют —
Их радует беда.

Народ же учат водку пить,
В надежде память оскопить.
Не выйдет, господа!

На порубежье двух эпох
Мы возродимся, видит Бог,
Поднимемся с колен.
У нас есть Пушкин и Рубцов,
За дедов гордость и отцов.
Всё остальное — тлен.

Пьяна Россия и гола,
Но зазвонят колокола —
Сомкнётся цепь веков.
И, как бывало много раз,
По свету вновь развеет вас
Обрывками оков.

Россия — странная страна.
Хоть долго ладит стремяна,
Но пустится в намёт —
«У ней особенная статья»,
Посторонись с дороги, тать —
Нечаянно помнёт.

* * *

Поверьте мне, я чист душою.
Н. Рубцов

Я такое сказать о себе и в бреду не смогу..
Отогревшись душой под багряными зорями, каюсь
И за мелкую месть, и за долгую смуту в мозгу,
И неправедным быть до последней черты зарекаюсь.

Ах, как хочется мне отбелить бытия черновик,
Да не зря говорят, что из песни не выкинешь слова!
И несдержан я был оттого, что юлить не привык,
И глаза отводить не пытался от взгляда косого.

Хоть обиды простил я давно и друзьям, и врагам,
И грядущие дни пустотою уже не пугают,
Но бывлые грехи тяжким грузом прилипли к ногам
И в небесную рать записаться меня не пускают.

То ли лодку Харон до сих пор не успел осмолить,
То ли, хуже того, и его обуяла усталость...
Значит, можно грехи, суету одолев, отмолить,
И не важно уже: сколько дней мне на это осталось...

* * *

Я выйду к откосу, где ветер качает деревья.
От мыслей тяжёлых меня пробирает озноб.
Ах, в чём виновата глубинной России деревня
И люди, что нынче не видят доверчивых снов?

Как прежде, река под обрывом бурливые воды
Несёт, подмывая свои берега и кусты.
Здесь праздники помнят, войну и другие невзгоды
И помыслы все до сих пор сохранили чисты.

Не в том ли вина, что Россия раскрыла объятия
И всех приняла под высокой Полярной звездой,
Неся на груди сквозь столетия образ распятыя,
Не требуя плату с пришельцев за долгий постой?

Простить не могли ей открытость её постояльцы
И, в ней ненавидя вселенскую волю Христа,
Ломали народу хребет и рабочие пальцы —
Всё с рук им сходило, и снова их совесть чиста...

«Доколе так будет?!» — себя вопрошаю под кедром,
А между полями, где ветер колышет овёс,
От мыслей тяжёлых согнувшись, как травы под ветром,
Мужик молоко после дойки вечерней повёз.

* * *

— Реки крови прольются, заплачут сироты и вдовы,
Если бабы, как прежде, не станут помногу рожать.
Ох, пора мужикам воротиться в палаты Христовы,
Перестав от обиды и страха за шкуру дрожать!

Видишь: в Спас-на-Крови отворяются сызнава двери?
Да тебя сотрясают и страх, и похмельная дрожь.
Чуют слабость твою иноверцы нутром, словно звери,
Потому за тебя не поставят и ломаный грош.

— Эх, гори всё огнём, коль досталась судьба горевая!
Да тебе ли, старуха, пропащую душу понять?

— Полно врать! От вина да безверия рожа кривая,
А на зеркало, милый, и лёгкого легче пенять.

Не твоим ли сынам уготована доля лихая,
Не твоей ли женой иноверец начнёт помыкать
И не дочь ли твою увезёт, от забот отдыхая?
Не пора ли на трезвую голову это смекать?

— Ох, пора! Да скажи-ка: не поздно ли думать об этом?
— Двух небитых за битого — слышал поди-ка? — дают.
А от пьянства навек заручись перед Богом обетом
Да покаяйся. Пора мне, с утра хорошо подают.

ПРЕДЗИМЬЕ

Вот и снова листву обрывает порывистый ветер,
И предзимье опять мне готовит и слякоть, и снег,
Хоть казалось вчера: ничего уж не будет на свете,
Что я так ожидал, неразумный седой человек.

Пусть тревожно кричит над морскою волною поморник,
Добавляя тревог и былые надежды круша,
Собирает листву недовольный, как водится, дворник,
Я же осени рад: наконец-то очнулась душа.

Отдохнув от жары, как всегда, обрела равновесье,
Отдохнув от людей, начала по друзьям тосковать
И готова опять получать с почтальоном известье,
И готова строфу то рассыпать, то рифмой сковать.

Загрущу лишь о том, что грибная пора миновала,
Но спасибо и ей: наносил и опят, и груздей.
И спасибо душе: круг молчания разом разъяла,
Только ветер шепнул: «И листвою, и словами владей...»

* * *

Путь мой долог, да посох короток —
Поистёрся, дороги торя —
Потому-то и грустен, и кроток
Я бываю в конце ноября.

Осень жизни — суровое время,
Но печаль не случайно светла:

Откровения брошено семя,
И душа не сгорела дотла.

Крепок посох пока что — и ладно,
Не прогнулся, в дорогу маня.
Я творил и любил безоглядно,
И за это любили меня.

Пусть не раз обречённо покаюсь
И тревожно в ночи запою,
Но от прошлого не отрекаюсь —
Не коверкаю душу свою.

Пусть дожди будут нудные литься,
Пусть листву обрывают ветра,
А в душе будет длиться и длиться
Всё, что светлым казалось вчера.

Эмма МЕНЬШИКОВА, г. Липецк

СВЕТ В ДУШЕ

Ни краски за окном: уныло, хмуро.
Всё передашь простым карандашом —
Унылый фон, деревьев строй понурый,
Прохожих крючковатые фигуры
Под семенящим вкрадчивым дождём...

Таким пейзажем трудно умилиться —
Дороги вдрызг и пасмурные лица,
А всё стою у тусклого окна —
И свет в душе...
И хочется молиться
За всё, за всё, чем жизнь озарена...

А что ноябрь... Уже и в нём
Свою изыскиваешь прелесть.
Не краски сочные приелись,
А жизнь короче с каждым днём,

И с упоением глядишь
В её холодное бесстрастье...
А на душе такая тишь,
Как перед таинством причастья.

* * *

Молила: только позови!
А нынче — голос не узнала.
Всю жизнь лечилась от любви,
А оказалось, жизни — мало.

Уже и голос позабыт,
Лицо и жесты — как в тумане,
Но память сердце — не обманет
И вспять не повернёт судьбы...

Вот, как положено, твердишь
Ты что-то про семью и дачу,
А сердце слушает и плачет
О том, что ты не говоришь...

* * *

В полях, куда ни глянешь, — птичьи стаи.
Они в края чужие улетают,

Где солнце круглый год сияет жарко,
Где сытно и тепло под сенью парков,

Где легкокрылые парят стрекозы
И не грозят метели и морозы...

Что ж, птицы, вы и зёрна не клюёте?
Уже и день осенний на излёте,

Уже и ветер подвывает стылый,
А вы ещё и с полем не простились,

А вы ещё не нагляделись вволю
На русское туманное раздолье,

На тополя и на родные гнёзда,
Куда вернётесь вы весной промозглой...

Что ж вы к земле приникли, словно к маме?
Летите, птицы, там, за облаками

Вас лето ждёт, не буйствуют стихии
И снятся сны о доме и России...

* * *

Досталось мне — и боли, и трудов...
Хватила лиха — так что, слава Богу.
И возвращаюсь к Отчему порогу
Согбенная под тяжестью грехов.

Не сетую на скудное житьё,
На то, что платье — из суровой пряжи,
И не взываю в исступлённом раже
К иконам о спасении своём,

А в стороне от вражых голосов
Молюсь в тиши за светлый день России,
Чтоб дал Господь ей крепости и силы
Стоять за веру дедов и отцов.

И вижу, как сама старуха-Русь
Крестом широким осеняет поле...
Но даже коршун здесь не кружит боле,
Лишь сиротливо пламенеет куст.

* * *

Когда-нибудь к тебе я не приду.
Не лягу рядом, не коснусь рукою.
И будет ночь холодной и глухою —
И в ней к тебе дорогу не найду.

Когда-нибудь ты сможешь только ждать,
Прислушиваясь к шорохам за дверью,
Мучительно к последнему безверью
Сквозь боль и время душу приучать.

Когда-нибудь другая, а не я
Печаль твою развеет, обнимая.
Но я уже об этом не узнаю,
Оцепенев в плену небытия...
Когда-нибудь...

* * *

Бездомною была...
 Но не безродной.
Скиталась по земле,
 ища покой,
Всегда с мольбой
 о милости Господней,
Но никогда
 с протянутой рукой...

КАЗАЧЬЕ

Глухие стылые места,
А трогают до боли...
Часовня с образом Христа,
Стога у старого скита
И — воля! воля! воля!

Снега — и взглядом не объять,
Вдали берёзки строим...
И как такую благодать
В чужие руки отдавать?!
Чего тогда и стоим...

Кто мы — без этого села,
Без этих круч над Доном?
Здесь русских с русскими свела
И примирила как могла
Земля, с тяжёлым стоном

Укрывшая своих детей
Одним на всех покровом...
И нет для нас земли святей.
И обойдёмся без гостей
С горячим жадным взором,

И обойдёмся без родни,
С которой общей болью
И верой не породнены...
И пусть не зарятся они
На нашу волю...

ЧТО ОН НЕ УСПЕЛ СКАЗАТЬ?..

РАССКАЗ

Прошлой зимой я был на похоронах писателя Н., зверски убитого накануне у дверей своего крошечного домика в подмосковном поселке.

Шел снег. На сельском кладбище я обратил внимание на кучку крепких людей, неожиданно присоединившихся к нашей похоронной процессии. Все они были чем-то похожи, хотя и одеты в разное, — насупленные, настороженные.

— Что за типы? — спросил я вдову. — На читателей и почитателей не тянут.

— Не знаю. Думаю, среди них есть и убийцы, которых никогда не найдут... Они следят за нами, как следили и в доме.

— Что им нужно?

— Что-то ищут... Украли рукописи и компьютерные диски...

Вдова, как бы потеряв равновесие, оперлась о мою руку, и я почувствовал, что она передает мне какой-то небольшой сверток. Ее глаза в тот момент ответили на мой вопрос.

ПРОЗА

— *Вас очень ценил мой муж...*

Позднее в свертке я обнаружил флэшку с текстом последней исповеди моего друга. Вот эта исповедь.

Как во всяком неосуществившемся человеке, во мне порой пробуждается надежда, что еще возможно что-то изменить к лучшему, но все реже, все глуше и все тоскливей.

В сумрачном поселке, где я осел после всех бурь и где, вероятно, останусь до конца дней, ничто не изменилось за ушедшее десятилетие, разве что власти заасфальтировали часть дороги, ведущей к почте и рынку, где отчаянно и обреченно продают всякое барахло, — от старых велосипедов до латунных самоваров, из которых когда-то пили чай степенные деды и прадеды населенцев поселка.

Дорогу сделали скверную, говорят, деньги разокрали, кто-то вроде получил какие-то откаты и премии, — в дожди летом или при оттепелях зимой дорога уходит под воду, а в морозы детвора, что ходит в школу, раскатывает «каточки», на которых грузные и неуклюжие граждане падают и разбиваются, как наш участковый, — грохнулся с перепоя после смены и поломал ногу.

Я искренне проклиная свою долю поэта. За долгую жизнь я отдал этому странному и опьяняющему ремеслу столько душевных сил, сколько — мне кажется — не отдал ни единый другой даже и на прибыльное дело.

И что же? Я по-прежнему не издан, не читаем, не отмечен современниками. Никого не виню, но совершенно точно знаю, что настоящее творчество различается прежде всего по масштабам вложений психической энергии высшего порядка. А что это такое, не каждому растолкуешь.

Может, я рассчитывал на судьбу не одного поэта, а сразу десятка? Может быть... Просчет тщеславия или случайный избыток сил?..

Но закавыка даже не в том. Все это мелочи по сравнению с промелькнувшим «успехом», который вдруг свалился на мою голову, да так, что я теперь сам себе напоминаю водолаза: тяжело двигаться, трудно думать и мучительно представлять себе завтрашний день...

Лет пять назад я написал для московского неприметного в общем журнальчика статейку об истории цивилизации, о том, что наша планета уже пережила несколько катаклизмов, когда погибали практически все народы. Я высказал свои гипотезы, что было тому виной, и посетовал на то, что прежнее человечество так и не озаботилось сбережением знаний, дававших опору для сельского хозяйства, промышленности, бытовой жизни и коллективных замыслов.

Как и все прежние мои работы, и эта ушла в мир, не вызвав, как мне казалось, ни единого отклика. Что ж, люди заняты на грядках повседневно, посадить картошку и горох для них важнее, чем провести дискуссию о сохранившихся отголосках событий далеких уже эпох. И о том, что эти эпохи могут повториться, они не задумываются, видимо, полагая, что это забота правительств. А у тех свои грядки, своя картошка и свой горох...

Но вот несколько дней назад зазвонил мой домашний телефон. В трубке незнакомый голос, глухой, старческий, так что мне пришлось переспрашивать и уточнять, и не один раз.

— Это квартира такого-то (называет мою фамилию и имя)?.. Вы автор такой-то статьи (называет журнал)?.. Видите ли, я имею непосредственное отношение к описанным вами событиям... Если вы заинтересованы увидеться, приезжайте, не откладывая, потому что я занедужил и не исключено, что дни мои сочтены (называет адрес, деревня возле Можайска)... Можете приехать один, можете с друзьями...

Зима, туманы, слякоть. Машины у меня нет. К тому же человек болен. Что за хвороба? А если заразная? А если вообще какой-то псих?..

Короче, какое-то время я провел в колебаниях, глядя из-за шторы на редких прохожих и нюхая кислый запах герани, сохраненной мною от прежних хозяев, давно укативших на заработки в какую-то африканскую страну и там пропавших бесследно.

Однако долг перед читателем для меня оказался все-таки важнее личных опасений — так воспитала меня поэзия, которой я занимался более 50 лет.

Сунув в карман складной нож (для самозащиты, хотя это крайне наивно), взял записную книжку и, оставив жене адрес, добрался до Можайска и выехал на автобусе к той самой деревне.

Вышел на нужной остановке, сориентировался и довольно быстро отыскал старенький домик, ничем не отличавшийся от остальных.

Сомнения, конечно, оставались. «Зачем ты поперся и на что рассчитываешь? Да если это даже потомок Чингисхана с картой захоронения завоевателя, зачем тебе эти лишние хлопоты?..»

Мимо проходила женщина средних лет. Розовощекая, зоркая, как ворона. Сама первой поздоровалась.

— Здравствуйте, голубушка, — радостно отозвался я на забытый уже обычай. — Мне нужен такой-то (прочел по бумажке фамилию, имя, отчество), в этом ли доме он живет?

— В этом самом.

— И что за человек? Я впервые к нему приехал.

— Уж не родственник ли?

— Нет.

— А то у него беда большая: недавно погиб сын, тут в кооперативе работал, а с ним погибли и сноха и внучок пяти лет. Вот эти нынешние лихачи. Озверели: о других не думают, как бы самим быстрее проскочить. Горе, горе людское!

— А кем работал сын?

— Слесарил на водокачке, потом по ремонту техники. Тоже замечательный человек... Вроде из этих, югославов, что к нам приехали после американской бойни...

С этим запасом сведений я и подошел к калитке, снял цепь со штыря. Впереди расстилалась снежная целина. У крыльца я нашел лопату и, чтобы не опозорить себя перед недужным стариком, быстренько прокопал дорожку.

Толкнул дверь. Точно — не заперта.

Поразил запах в сенях. То ли церковный, то ли больничный, в общем, какая-то дезинфекция.

В прибранной хате на два окна оказалось довольно прохладно. На кровати — приятного вида седой старичок, не мелкий и не крупный, под стеганым одеялом.

— А я, извините, уже кое-какие сведения о вас собрал. Печальные сведения. Очень сочувствую горю... А вы чем хвораете?

— Не заразно, — не сразу отозвался старик. — Старость. Время, против которого бессильны все построения разума... Сядьте поближе, я больше часа у вас не отниму. Слушайте и не задавайте вопросов.

Я пододвинул стул и сел так, чтобы хорошо видеть лицо старика, да и лучше слышать, так как говорил он тихо, то и дело подмешивая непонятные мне слова к своей русской речи.

— Сегодня в мире всего лишь около сотни авторов, которые всерьез затрагивают проблемы погибших цивилизаций. Из них я остановил свой выбор на вас. Вы наиболее нравственны и ответственны. Совежливы, что ли...

Я поискал глазами мощную компьютерную технику, но следов ее нигде не обнаружил. Старик, конечно, правильно истолковал мой порыв, но никаких объяснений давать не стал.

— Вы поймете, что означает мой выбор, если узнаете, что разговариваете с потомком древнейшего славянского рода сербов — их называли этры. Они исчезли почти полностью более 3 тысяч лет тому назад. Все эти годы мы несли эстафету предания о нашей родовой и общей мировой беде. Почти триста последних лет это делал я... Не удивляйтесь, наше племя открыло

секрет и по желанию впадало в спячку, которая длилась по два-три года. Мы научились потреблять в несколько раз меньше калорий без потерь для здоровья и жизненной активности. Но было уже поздно... Главное ведь — не то, что необходимо делать, тем более, что реальность здесь подсказывает, а то, чего делать никак нельзя... Нельзя терять веру в мудрость, нельзя красть чужое, нельзя обижать старика и ребенка, нельзя сноситься с женщиной без любви и без желания растить с ней сына или дочь, это стремительно истощает и старит организм, и разум уже не способен подниматься к своим высотам.

— И что же вы не делали еще?

— Программа пустых дел в несколько раз превышает программу необходимых. Мы никогда не пили вина и не проводили время в зряшных беседах. Мы никогда не чистили свои города от снега.

— И как же вы поступали?

— Укатывали дороги санями и посыпали их опилками. Но при строительстве городов учитывали необходимость аварийных стоков.

— Любопытно.

— Любопытно не это. Любопытно, что человечество не может передавать потомкам то, чем оно не пользуется постоянно. Это, в самом деле, потрясает... Человечество оставляет после себя только мораль или ничего не оставляет.

— Но мораль и есть высшее знание.

— Чтобы сохранить мораль, необходимо и низшее знание: огонь, пища, жилище, одежда, умение избавляться от хворей или умирать, когда это необходимо.

Я не хотел показать себя полным профаном:

— Последнее предполагает совершенное знание организма.

Старик по-своему истолковал мои слова:

— Человечество не может достичь совершенства, пока хотя бы один из здоровых людей не знает всей доступной нам правды о мире, — он с вызовом повторил это дважды.

— Прекрасная мысль.

— Урок истории. Запрещено оценивать изреченную мудрость, мы должны ей повиноваться, потому что не знаем того, что знали наши погибшие предки... Представьте себе, как тяжело, отрекаясь от всего постороннего, нести предание о духовном совершенстве... Предвосхитить мысль и желание человека — это возможно в семье и в общине. В мире это считалось и считается уже неприличным, как поздороваться с вовсе незнакомым человеком. Но это внушенный нам грех...

Было интересно слушать старика, кое-какие его слова я успевал вписать в блокнот, надеясь потом восстановить ска-

занное. Но я совсем не представлял себе, куда он клонит, и это всё сильнее беспокоило меня. Беспокоило, поскольку я не сомневался в правдивости его слов.

Между тем он умолк, и в эту минуту какой-то клочок неба прочистился, и одно из окон осветилось прощальной лимонной зарей.

— Время — убийца, — сказал я, кажется, лишь повторяя старика.

— Время — не только убийца. Время — еще свидетель нашей трусости или нашего мужества. Жизнь ведь — не в теле потребляющем, а в духе, истекающем подобно лучам солнца. Прикоснувшийся к вершинам духа безгрешен и тем уже вечен, жизнь его завершена, ибо долг исполнен... Но вы меня хотели спросить не об этом. Увидев лучи вечернего светила, вы захотели узнать, отчего в доме нет никакого иного существа. Каждый, кто изрекает истину, даже немощный, как я, должен быть связан с жизнью тысячами нитей, иначе грош цена всем его сказкам...

И я поразился, признав, что именно об этом и хотел спросить, но постеснялся.

— Не стесняйтесь. В справедливом и добром нет ничего предосудительного... Есть у меня и кошка, и куры есть, и петушка держу, и козочку, для которой сам накопил два стожка сена. А собака извелась. Побежала проведать кого-то из своих, да встретила двух волков, тут лес с этого боку как раз подступает к деревне. Волки-то не наши, не местные, а пришлые, от пожаров убежали. Ну, и порвали старого пса.

И внезапно мне показалось, что вот он, старик, — старый пес. А я из пришлых волков. И с какою-то новой миссией... «Помогу ему или не сумею?..»

И я прямо спросил:

— Какое сказание я должен донести до людей?

— Не торопитесь, сударь. Ваша доля — славная и почтенная, даже героическая. Но крайне тяжелая. И для меня, после смерти сына и внука, необозримая. Они знали то, чего не знаете вы. А узнаете ли, не известно. И если узнаете, что сможете сделать в этом мире?.. Беда — не в смерти, беда — в безобразной жизни, где всегда противостояла и противостоит правде ложь. Мое племя, этры, достигло великого могущества, поскольку сумело создать общество, в котором все принадлежало людям, — леса, пашни, реки, стада коров и табуны лошадей, прекрасные дома, великолепные мастерские, где изготовлялись все необходимые вещи. Но князь пользовался тем же, чем пользовался пастух или башмачник. Мы не знали воровства и имущественных споров, а серебряные деньги считали

видом заразных вшей, несущих тиф и смерть. Люди, не умеющие обходиться без денег, это или увечные, или жулики, использующие труд других людей... Мы могли завалить товарами все близлежащие княжества, умея изготавливать и посуду, и оружие, и корабли, и украшения из драгоценных камней, но мы не делали этого, чтобы не породить алчности у себя и не возбудить зависти соседей... Да, нам не раз приходилось дарить голодающим хлеб и племенной скот, но это только содействовало славе наших мудрых вождей.

Но было еще племя чуров, наших соседей, выродившихся от жадности, похоти и склонности к бесовским мерзостям. По преданию их извратили потомки завоевателей, прилетевших на Землю из созвездия Гончих Псов. Они потерпели катастрофу при посадке. Оставшиеся размножились, внедрились в чужое племя и тайно повелевают им вот уже тысячи лет. Они усвоили другой язык, заимствованный у народа, который покорили обманом и хитростью, полагая, что обеспечат свое счастье, понимаемое как безделье, самоволие и порок.

Чоры воспалились завистью к нашим полям, к нашим стадам и к нашим женам, здоровым, плодовитым, жизнерадостным и трудолюбивым. Но особенно их привлекали наши мудрецы, достигшие больших познаний в управлении духом, секретах погружения в спячку, которые не выдал ни один мужчина нашего рода.

Чоры пытались поселиться на наших землях, предлагая груды серебра, но наши князья отказали им, говоря, что честные труженики не могут ужиться с ворами и обманщиками.

Они приходили с посольствами десятки раз то под видом проповедников, то под видом искусных фокусников и магов, обещая нашим князьям величайшие сокровища, но те были непреклонны, ведь основная власть у нас всегда принадлежала трем самым мудрым старцам, согласную волю которых выполняли тридцать три опытных полководца и управителя.

Знайте, что племя чоров выжило и сохранилось, забравшись во время потопа в горные пещеры и пожирая там вместо скота людей из иных племен, чем окончательно превратило себя в толпу кровожадных разбойников и гнусных негодяев.

Представьте себе, они до сих пор не утратили враждебности к нашему племени и настойчиво ищут выживших, чтобы пытать их и выведать секреты наших достоинств. Эти достоинства им, конечно, недоступны, но они не в состоянии осознать своих заблуждений и продолжают интриги.

В высоких горах они тайно построили свои убежища, пряча там серебро, запасы воды и продовольствия и уже намечая племена, которые должны послужить им главной пищей.

Они растеклись по всему земному шару, всюду имея своих соглядатаев и агентов. Они представляются то итальянцами, то греками, то армянами, но поскольку они мошенники и людоеды, их выдают высокомерие, праздность, разврат и невыносимый запах падали. Они обильно смачивают себя благовониями, но я, например, нахожу их в любой толпе, — зная, что они воняют, они постоянно принюхиваются, и по этому признаку я безошибочно отличаю их.

Обирая народы в свою пользу, они дожидаются очередного потопа или обледенения, или удара цунами, считая, что после катастрофы весь мир достанется им и все случайно уцелевшие будут у них на посылках.

Вы не поверите, но этих самых чоров я встречал и за океаном, и в Европе, и в азиатских странах. Лет сто тому назад они активно готовили мировую войну. Представьте себе, я в Швейцарии встречался с Лениным. Тогда я был еще довольно крепок, но Ленин не проявил никакого интереса к моим предостережениям и ответил: «Чему быть, того не миновать. Для нас эти люди — только подмога, дёготь для колёс!..»

В тот же год я пытался встретиться и с русским царем Николаем. Это было в окрестностях Женевского озера. Но среди офицеров его охраны я обнаружил одного из этих чоров, который, узнав, что я серб, пригрозил мне арестом.

А когда грянула война и полилась кровь неповинных, когда революция сокрушила Россию, единственную защитницу Сербии, я продолжал, непозволительно рискуя, искать доказательства интриг чоров и раздобыл сведения об их громадных убежищах в Альпах, на Среднем Востоке и в США.

С этими бумагами я появился у генерала Деникина, командовавшего Белой армией. Но оказалось, что штаб его кишит от чоров. Я был настолько поражен, что утратил осторожность. Меня пытали и потащили на расстрел. Вы же понимаете, человек не в состоянии сделать что-либо сверхъестественное. И великая мудрость совершенно бессильна против петли и пули.

Смерти я не боялся, но я мог сорвать важнейшее дело своей судьбы, которое заключалось совсем в другом.

Бывают периоды в истории, когда смыкаются в одно негодия самых разных мастей. Это был именно тот случай.

На мое счастье вблизи появился сам генерал Деникин. Я окликнул его по имени, и он смело приблизился. Я сказал ему про убежища в горах и про то, что чоры у Ленина и чоры в его штабе никогда не позволят одержать должной победы.

Он спросил офицера, который меня пытал, где доставленные бумаги. Тот стал запирается, утверждая, что никаких бумаг не видел.

— Да вы лжец, любезный, — с тихой печалью сказал Де-никин. — Вы арестованы для дознания. А этот божий человек свободен...

Все-таки главное, что мы приобретаем в жизни, — это характер. В нем нужно искать все удачи и все несчастья нашей жизни.

Со своим неугомонным характером я ввязался еще в одну авантюру. В конце 1942 года я побывал в Германии под личной турецкого мага. Мне удалось встретиться с людьми, оказывавшими большое влияние на фюрера. Это были странные люди. Пока я предсказывал победу Германии за счет мобилизации всех сил Европы, они хвалили меня и даже обещали представить для беседы кому-либо из ближайших сподвижников вождя. Когда же я заключил, что если война будет продолжаться весь 1943 год, то в 1944 году последует покушение, от которого Гитлер погибнет, меня выставили за дверь.

Творилось что-то странное, чего я никогда не переживал в своей жизни. Видно, новые времена несут какие-то новые законы взаимодействия активных элементов судьбы. Знания, пришедшие из глубины тысячелетий, лишаются чего-то существенного. Наше племя открыло секрет счастливой жизни общины, но оно промешкало с устранением угрозы своему благополучию, и со временем мы стали бессильны повлиять на события... Что-то подобное творилось в стане Гитлера. Нет, это не была игра, но вместе с тем я не мог избавиться от ощущения театра и скрытого режиссера. Явление при рождении и явление, способное уже давать свои особые плоды, — это совершенно разные явления, и у них совершенно разные законы. Враги Гитлера могли легко устранить его с политической арены, но они не делали этого, более того, кажется, именно они более всего содействовали росту его авторитета, ведь в 39—41 годы фюрер считался самым ярким и удачливым политиком Европы.

Не утверждаю, что всякий враг должен быть непременно уничтожен, поскольку следом за ним непременно вырастает враг еще более мощный и непримиримый, но я спрашиваю себя и всех нас: если он родился, есть ли способ уберечь мир?

— Тяжелая жизнь прожита вами, — искренне сказал я.

Он вздохнул.

— Не то слово... Я встречал людей, и достойных, которые и в 50 лет жаловались на крайнюю усталость от жизни. А мне не 50, а под 300. И чтобы выполнить свою миссию, я четырежды фиктивно умирал, трижды впадал в глубокую спячку, при которой омолаживал свой организм. Но чувствую, что новой спячки мне уже не выдержать. Пора на покой. И если принято такое решение, его уже ничем не отсрочить. Это воля моего сознания.

У меня было пять жен, семь сыновей и двенадцать дочерей. Да, это были люди моего племени. Но все равно, никто из них не смог бы нести моего креста. Все были подвижниками — кланяюсь их добрым душам — но каждый, обтесанный грубостями времени, жаждал реальной судьбы. С ними было непросто. А ведь нужны были еще средства на жизнь, на разъезды, на разные другие дела, о которых я не говорю, чтобы не утяжелять ваш груз, который вы теперь приняли на свою душу... Подумайте, как спасти наше племя и вместе с тем все человечество.

— Так, может, и я — из вашего племени?

— По духу — из нашего. По крови — из сородичей... Впрочем, я устал ворошить корни, у каждого из которых своя земля... Приезжайте через неделю. Ровно через неделю, потому что на восьмой день я уйду к предкам, как и положено всем нам. Когда решение принято, его уже ничем не отсрочить.

Он подтянул одеяло и закрыл глаза.

Мне показалось, что он потерял сознание и, возможно, умирает.

Я наклонился над ним. Мне самому было сложно разобраться в той лихорадке чувств, которая меня охватила.

— И что же главное было в вашей жизни? — спросил я, когда он открыл глаза и перевел взгляд на меня.

— Главное?... Знаете, мне очень жаль людей. Всех людей. И юных, наивных девушек, не представляющих, как сложатся их судьбы. И взрослых женщин, вконец измотанных заботами. И подростков, за бравадой и показной смелостью скрывающих растерянность перед этой преподлой жизнью, которой они, по сути, теперь уже как бы и не нужны. Жаль и стариков, столько трудившихся, а теперь беспомощно вззирающих на свои пустые и загаженные гнезда. Они постоянно недоедают, для них уже нет ни тепла, ни света... Вы можете представить себе всю невыразимую тоску моей души?

Он вновь вздохнул.

— Ничего не говорите, прошу вас. Понять то, что понял я, прочувствовать то, что я прочувствовал, это в сто раз горше, если бы меня четвертовали... Чем я могу помочь людям?... Только борьба каждого за свою нравственность обещает просвет и надежду, а больше ничего не обещает... Но что значит сказать об этой великой тайне и отдушине всего мироздания? Это значит позвать людей на подвиг, на самопожертвование, на муки от негодяев, которые сплочены иной философией, иной правдой. Сколько жертв понесет народ, чтобы преодолеть проклятую ношу своей судьбы? Сколько судеб сорвется с орбиты на камни равнодушия и подлости?..

Он все это проговорил с такой болью, что неизъяснимое рыдание стало подбираться к моему горлу. Побежали слезы. Но что они значили или могли значить?

Между тем старик сделал попытку подняться. Но не смог и вновь в бессилии опустился на подушку.

— Судьбы людей планеты стали такими же, как судьбы народов России, — прошептал он. — Ее так измордовали за последнее столетие, так наиздевались над ней, столько погубили невинных и возвышенных душ, что опустившийся мрак уже, пожалуй, и не развеять. Страна — гнусным усердием своих палачей — может быть, уже утратила способность выдвигать великих людей. А это — самое важное. Это важнее всего.

Сказывается ублюдоочная философия тотальной борьбы, фактически террора, примером которой может служить эпидемия оспы, разоженная в Италии во II веке сразу во многих местах и унесшая более 5 миллионов жизней, половину активного населения. Мог ли после этого устоять Рим?.. Но ведь те же последствия вызывают десятилетия полоскания мозгов нации в водке и ядовитых напоях, а теперь уже и в наркотическом зелье. Подрыв генетического потенциала, вызывающий слабоумие и уродство, разрушение традиционной семьи, в недрах которой только и зарождаются великие характеры. Они невозможны без любви родителей, их мастерского труда и беззаветного служения долгу... Смотрю на молодежь — нет радости в сердце: что ее ожидает сегодня? Появятся ли великие и славные сыны Отечества среди нее? Неодолимые препятствия встанут на пути подвижников. Каждый великий и славный — это гигантский сгусток энергии. Не будет этой энергии или не хватит ее, результата не будет... Но как возникнет энергия, если одаренная душа окажется в трущобе, где будут царить удушающая нищета и душевная убогость, если родители мальчика или девочки будут пьяницами и развратниками, если в школе не найдется учителя, который зажжет свечу возвышенной мечты, а не жажду торжествующего злорадства при случайной удаче, если молодые люди не поступят в вуз, а, поступив, будут заниматься не познанием мира и человека, а тусоваться в примитивных компаниях, склонных к криминалу, если таланты будут не поддерживаться, а губиться, если молодых окружают покупники-педерасты или покупники мозгов для обслуживания глобального механизма окончательного удушения в мире воли и справедливости, если слабовольному проще будет повиснуть в петле, нежели изо дня в день противостоять среде и умело бороться с опытными погубителями дарований?..

А когда придет время вить собственное гнездо, начинающий гений скорее всего наткнется на иную культуру и иную философию жизни — супруга будет считать его шизиком, а приятелю будут ненавидеть за то, что он демонстративно не хочет никому подражать. В финале его толкнут на новые муки — устоит ли он? Не прогнет ли его железный кулак быта?..

Скопище идиотов не может не идиотизировать весь мир. Беспочвенная фантазия и химера — единственное, что вносят в наш день пораженные манией величия. Как и больные зубы, больные мозги не могут укреплять человека.

Грядет тотальная роботизация. Это тотальная рабизация, и всё будет еще страшнее, еще невыносимей. Прежде чем вводить повсюду механизмы вместо живых людей, нас всех придется опустить до уровня скованных страхом животных. Но не думайте, что цель злодеев — убрать вовсе живого человека. Их главная цель — захват космоса, Луны и планет, откуда можно будет безопасно управлять остатками землян, в плановом порядке убивая их при помощи роботов, которые будут отслеживать все параметры бытия отвыкающих от мысли рабов. Чуть в каком-то из них шевельнется мысль о свободе, это станет тотчас известно какому-то подразделению механизмов, поскольку все живые существа будут носить на себе особые датчики. Он будет сразу уничтожен плевком лазерной энергии из космической станции, висящей над данной местностью. И никто не будет даже разбираться...

Я похолодел, представив себе весь кошмар «продвинутой цивилизации», всю горечь существ, утративших уже всякую возможность освобождения, хотя их и их родителей соблазняли именно свободой от всех человеческих обязанностей и они согласились на это, во всяком случае, не выступили с единым протестом.

Я поведаю вам и о завершающей фазе трагедии, потом, вскоре, при следующей и финальной уже встрече, когда вы поклянетесь продолжить святое дело борьбы со вселенским злом. Теперь же скажу одно: ублюдочный эгоизм возникает не только тогда, когда хотят обратить всех в безропотное стадо, но еще и тогда, когда здоровые, благополучные и вполне свободные для протеста люди трусливо отказываются от своих верховных прав не уступать несправедливости и насилию. Разве не таковы нынешние народы? В их личности похищено главное — осознание ответственности не только перед людьми, но и перед тем высшим, что их соединяет...

Так называемая «борьба с экстремизмом и терроризмом» — это борьба против остатков мудрости, чести и свободылюбия в человечестве. Но всем, кто участвует в этом, вну-

шены совсем другие понятия... Нас возмущает шахид, но во имя чего он идет на свой отчаянный шаг?..

Все фантасты ошиблись. Восстанут не роботы, в которые вложат самый примитивный «интеллект», восстанут несчастные полулюди, которые будут вынуждены обслуживать роботы. В них проснется древний инстинкт, когда уже все начнет рушиться и надежд на спасение не будет...

Народы обезглавливают, лишая каждого человека святого права идти к самому себе. Природа шлет спасителей наций, а банда заговорщиков находит способ нагло препятствовать Природе, т.е. нарушать Волю Мироздания. Так кто же террорист? Разве не те, которые тайно рвутся высшие законы обратить в свою пользу?..

— Неужели нет выхода? — Я был ошеломлен и подавлен такой перспективой.

— Приходите ровно через неделю. В это же время. Я отдохну и сумею более определенно назвать вам выход... Только не опоздайте!.. Дни мои сочтены, и с этим нужно считаться... Торжество негодяев должно быть временным, а поступь мужества и воли постоянной. Надо помнить всегда главное. Это — право людей определять свое будущее...

Нынешние хозяева и кровопийцы, конечно, сделали свои выводы. Претендуя на власть на всей земле, они лишают всех прочих собственности, национальной культуры, традиционных прав и обычаев. Я вижу, поскольку уже долго живу на свете, как все ожесточилось и приобрело крайние формы: и демагогия, и обман, и захват власти, и разнузданность нравов... В самоослеплении патологического эгоизма негодяи и преступники атомизировали общества, разъединили людей, пробуждая у них животные инстинкты. Они посягают и на детей, с юного возраста проповедуя среди них своеволие, капризы и жажду безделья. Только в полуразрушенных семьях появляются уроды, убивающие своих матерей и отцов, насилюющие сестер и братьев.

По всему миру скрывают, кто организует караваны наркотиков, кто управляет отрядами «террористов», запугивающих обывателя, превращающих его в слепого прислужника власти, кто фактически владеет всем так называемым «игорным бизнесом». Ежегодно обращают в рабство до трех миллионов несчастных, и более миллиона детей разбираются на «запчасти» для состоятельных ублюдков.

Все это противно велениям Природы. Дома, в котором все выполняют свои обязанности, уже не существует. А если нет дома, нет и общества, нет и государства...

Старик умолк и отвернулся. Кажется, он заснул.

Господи, да я готов был день и ночь ожидать здесь, в хате, все семь дней и ночей подряд, без питья и пищи, чтобы только вновь услышать проникновенный голос человека, обещавшего мне открыть тайну, на которую так и не смогли указать мои современники! А я искал эту тайну, искал. Уверен, как и многие другие, которые чувствуют, что божий мир становится застенком...

Я не сомневался, что не упущу возможности, не опоздаю, любой ценой прибуду в точно назначенное время.

Увы, увы, я не смог преодолеть гнусных обстоятельств нашей теперешней жизни, о которых говорил старик: опоздал на сутки, и это перечеркнуло все мои ожидания. Перечеркнуло всю мою жизнь. Я оказался ничтожеством, червем, слизняком, потому что не исполнил простейшего, о чем меня просила Судьба...

Да, я смертельно устал за неделю, вновь и вновь обдумывая всю ситуацию. Я догадывался, с чем все сопряжено. Но об отказе, разумеется, не могло быть и речи.

В день встречи, постояв еще с минуту в полной растерянности, я потихоньку вышел из хаты, тщательно прикрыв дверь, стараясь не спугнуть сна или забытья этого необыкновенного человека, распахнувшего дверь в мою подлинную сущность.

Всю неделю я провел как в ознобе. Все думал и думал о сказанном мне стариком. Что-то записал из нашего разговора, что-то посчитал опасным обнародовать и утаил.

Я не знал, как подступиться к решению задачи, казавшейся по началу такой простой и не задевающей ничьих интересов.

Кажется, в эти дни я почти ничего не ел. Но энергия в теле была, и думалось легко, хотя думы постоянно упирались в нечто незримое и неодолимое. Какой-то страшный огонь полыхал во мне.

В таком состоянии я и отъехал в деревню, уверенный, что прибуду к сроку — как положено.

Но мы предполагаем, а творцы событий располагают: на дороге грузовик, выскочил на полосу встречного движения, смял наш автобус и раскурочил еще две машины.

Я очнулся в больнице. Однако в деревню добрался с опозданием, не обращая внимание на ранение. Фактически я сбежал от врачей, страшаясь, что не увижу человека, подаренного мне судьбой.

Войдя в дом, я не увидел уже ни кровати, ни старика. Посредине комнаты стоял стол, а вокруг него сидело несколько возбужденных мужчин, каждый из которых что-то говорил.

Краснели их лица, пахло водкой, чесноком и вареной картошкой. Раздражала невнятица речей.

Один из мужчин тотчас поднялся мне навстречу.

— Я узнал вас, вы были здесь неделю назад! Я отсюда, из деревни, прислуживал старику, когда он слег — после гибели сына и внука... Знаете, его больше нет, час тому назад похоронили. Как велел, так и сделали... Это всё соседи, они и могилу копали, и гроб везли. Вот, поминаем... Он-то никогда не пил. А мы люди пропащие, нам все можно.

— Я и сам в аварию попал, — сказал я, словно оправдываясь, не узнавая собственного голоса и чувствуя, как земля уходит из-под ног «Всё, всё потеряно!..»

— Может, с нами? Помянете?

— Не пью, дорогой. Принципиально.

— Совсем новый русский.

— Да, совсем новый. Пора уже трезвость не терять, чтоб не потерять головы.

— Да мы вроде не теряем.

— Вроде... А он мне ничего не оставил?

— Нет, ничего. Сказал, что мужик, видимо, пугливый попался. Сожалел.

«Как нелепо, как всё нелепо!..»

Я пожал руки всей компании поминальщиков и молча вышел из дому.

Такой тоски я не ощущал еще ни разу в жизни. Это было полное крушение моего собственного мира.

Начиналась метель. Снег больно хлестал по лицу, слепил глаза. Но я шел, уже зная, что ни за что не отступлю, каким-то образом дам ход завещанию человека, пожертвовавшего своими тремя или четырьмя жизнями ради нашей одной...

«Да, всё уже было на планете, — думалось мне. — Может, и не раз племя ушлецов, искавших прибыли и неограниченной власти лишь для себя и использовавших серебро, посулы своеволия и разврат лишь для закабаления других племен, для внесения смуты в людские души и разрушения обычаев старины, торжествовало. Но пора остановить безумие. Но как, как?..»

Пока я не знаю, как это сделать. Но уверен, что кто-нибудь из тех, кому я смогу передать мою тревогу, тоску и боль, даст мне и всем нам нужную подсказку...

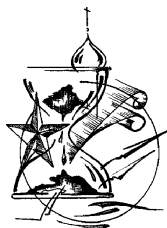
Борис ВИНОГРАДОВ,
Андрей САВЕЛЬЕВ

МУЛЬТИКУЛЬТУРАЛИЗМ НЕ ПРОЙДЕТ

Открытый и честный разговор о проблеме формирования в России политической нации до сих пор не может состояться в силу иллюзий формирования некоей выдуманной общности, о которой мечтают в Кремле, надеясь как-то обойти тот факт, что Россия создана русским народом и населена преимущественно русскими людьми.

Русская сущность России представляется чем-то оскорбительным для других народов, проживающих в нашей стране. Поэтому под «национальной политикой» понимают не формирование общенациональной политической культуры, а признание этнических групп, которым создаются разнообразные преимущества и к которым демонстрируется забота. Чего никогда не видят по отношению к себе русские. Власть готова выслушивать непрерывные жалобы представителей национально-культурных объединений любых народов, но не признает за русскими какого-либо права на представительство своих интересов.

Лишь после массового стихийного выступления молодежи на Манежной площади руководители государства сказали несколько

РУССКИЙ ВОПРОС

слов о русском народе и русской культуре. Но при этом их понимание русской культуры ограничивается представлением о том, что русская культура — лишь строительный материал для некоей «синтетической» культуры, которую еще предстоит создать. В сознании государственных руководителей причудливо сочетается понимание того, что нации и культуры не создаются на бумаге, и наивная мечта о том, что каким-то образом именно им удастся создать мультикультурную сверхнацию и утереть нос европейским политикам, которые расписались в бессилии сотворить подобное.

С нашей точки зрения, в России уже сформировалась нация, и она существует как явление русской политической культуры. Никакой иной нации, кроме русской, в России нет и не может быть. При этом русская политическая культура предусматривает возможность существования на территории России различных этнических культур и различных народов. Сами эти народы существуют только благодаря тому, что русскому народу удалось создать государство и отстоять его во множестве войн и революций. Русская культура обогащает культуры народов России. Этот процесс несравненно важнее и масштабнее, чем любые влияния этнических культур на русскую культуру. Подобное влияние несравнимо и с влиянием культур европейских, в первую очередь православных народов, которые помогли русским понять свое место в европейской истории и взять на себя историческую ответственность за «византийское наследие».

Сложившееся исторически положение никого не унижает. Унижает русский народ отсутствие у правящих «верхов» понимания его роли и миссии. Унижают другие народы те соблазны, которыми их соvrащает бюрократия, предпочитающая игнорировать русские интересы и даже саму русскую сущность России. Именно от этих унижений и возникает вражда между народами, которую возбуждают вовсе не какие-то маргинальные группы или «нацистское подполье», а вполне реальные действия российских властей на всех уровнях. Этими действиями продолжается советская национальная политика, которая пыталась сфабриковать «новую историческую сущность» — советский народ. Ничего не вышло из этой затеи, но прежняя схема бюрократического подхода к национальному строительству вновь предполагает образование усилиями чиновников некую синтетическую «российскую нацию».

Одной частью своего сознания правящие круги понимают необходимость защиты национально-государственных интересов от этносепаратизма, а граждан от этнобандитиз-

ма. Но другой частью сознания ставится задача опереться именно на эти силы, чтобы не дать русскому народу сформировать такую власть, которая отражала бы его интересы и продолжала бы Россию как русское государство. Бюрократия и этнократия образуют альянс против русских, а значит — против России.

С подачи «кремлевских мечтателей» вновь начинается бесплодная дискуссия о «россиянстве». Давно дискредитированная идея сделать из русских *россиян* берется на вооружение. Для чего? Неужели не ясно, что русские никогда не превратятся в «россиян». Просто потому, что «россиян» в России никогда не было. Нет такого самоопределения, и не предвидится. Но кому-то вновь надо развязать кампанию против русских. В этих намерениях угадывается одно — намерение вновь узурпировать власть, подавляя общественную активность русского большинства. Ранее этим занималась коммунистическая власть со своей концепцией интернационализма и мировой революции, теперь — либеральная власть со своей концепцией «открытого общества», космополитизмом и стремлением вписаться в мировую олигархию.

Мультикультурализм — это политика, направленная на сохранение в отдельно взятой стране относительно автономных культур, признание прав за коллективными этническими образованиями, обеспечение им возможности сосуществования с другими без какой-либо интеграции в общую политическую культуру. Срок жизни этой политики в Европе — чуть более полувека. Ее разрушительные последствия очевидны. Но для России этот залежалый идеологический товар пытаются превратить в некое «откровение» — точно так же, как внедряли в Россию марксизм.

Толерантность — продолжение концепции мультикультурализма. Это ориентация власти и общества на безразличное отношение к разнообразным стилям жизни, вплоть до самой откровенной бесовщины. Считается, что мы должны «с пониманием» относиться к любой индивидуальности, чего бы она ни касалась. В том числе и стремления жить «по законам гор» или иным обычаям, которые наша, русская культура давно изжила или вытеснила на обочину. Именно поэтому криминальные нравы выплескиваются на улицы российских городов — с вооруженными этническими бандами и провокационной лезгинкой.

Обработка сознания людей «толерантностью» назначена бюрократией преимущественно русским людям, которых принуждают участвовать в бесплодных совещаниях и конференциях — подобно тому, как загоняли в былые времена на профсоюзные собрания и партийную учебу. Ясно одно: не-

приятие «толерантности» носит тотальный характер. Этого никак не могут уразуметь высшие и не самые высшие должностные лица.

Намерение приучить русский народ к тому, что рядом с русскими живут нерусские, выглядит как оскорбление. Мы и без всяких пропагандистов «толерантности» знаем это, и умеем жить в мире и согласии с представителями других народов. Но только в том случае, если они тоже готовы жить с нами в мире и согласии и уважать наши обычаи и законы. А этого как раз и не наблюдается. Неверный ориентир власти, делающей из русских виноватых в межнациональной розни, порождает у нерусских людей иллюзию того, что на русской земле они теперь будут хозяевами. Отсюда — ощущение безнаказанности, попытка утвердить «законы гор» на улицах русских городов, разделить Россию на сферы влияния этнических банд и коррумпированных кланов с внутренней этнической солидарностью.

Все это — прямой путь к ликвидации России. На этом пути невозможно воссоздать нацию и утвердить гражданский мир и патриотические взгляды. Подобная политика — это провоцирование гражданской войны в России, всполохи которой уже проявляются: между властью и русским большинством, между правоохранителями и законопослушными общественными объединениями, между русскими гражданами и этническими бандами.

В западных странах, говоря о мультикультурности, прежде всего, имели в виду признание всеми гражданами некоего пантеона ценностей, общих для всех граждан страны — как коренных, так и недавних иммигрантов. Предполагалось, что демократические ценности, положенные в основу законов, умиротворят противоречия между западным христианством и исламом. Но мировые религии знают свой собственный догмат и не могут признать, что некие правила могут быть выше этих догматов. Идея была изначально обречена на провал! И в этом западные политики теперь находят мужество признаться: европейские ценности должны быть главенствующими, а кто не может с этим смириться, того не пустят в Европу с помощью миграционных законов или принудят к исполнению общих правил с помощью полиции и судов.

Культура — это система ценностей и образ мысли, укорененные в исторически сложившейся общности. Все остальные элементы культуры — производные ценностей и менталитета или незначительные вариации того и другого. Поэтому либо традиция непререкаемо доминирует над любыми проектами примирения культур, либо общество разрушается, а государство распадается.

Присутствие в государстве различных культур возможно только в том случае, если из них одна — главенствующая, а остальные принимают это главенство, а если не принимают, то подавляются. Невозможно жить одновременно по законам, поддерживающим жизнь современного города как культурного, научного и образовательного центра, и законам традиционных сообществ, живущих за счет разбойных набегов.

Попытка выдумать какой-то надкультурный принцип чревата уничтожением традиции как таковой и упадком государства, утратившего почву под ногами. В Советском Союзе была утверждена коммунистическая система ценностей, а традиционные ценности России (в том числе и русская народная культура) были низведены до уровня фольклора и использовались как декоративные украшения. Но стабильного государства не получилось, по трем основным причинам. Во-первых, новая система ценностей была умозрительной, пригодной больше для плакатов и ораторий, но не для жизни. Ей было невыгодно или просто невозможно следовать. Естественно, всегда возникали сомнения в правильности коммунистических ценностей, и режим должен был все время что-то искать в прошлом, чтобы оправдать настоящее: переложенные в «моральный кодекс строителей коммунизма» христианские ценности, прославление имен русских полководцев, государственная поддержка высокой культуры в образцах имперского периода.

Во-вторых, все сколько-нибудь значимые религии вели с новой культурой тихую «партизанскую войну». Русские тайно, а потом все более открыто крестили детей, носили нателенные крестики, справляли Пасху. В КПСС постоянно возрождались «русская партия», а спецслужбы постоянно корчевали крамолу русского национализма. Менее масштабно, но не менее упорно коммунизму сопротивлялся и ислам. Пока партийный диктат не исчерпал свою роль не только в борьбе за души людей, но и в элементарной организации хозяйственной жизни страны.

В-третьих, богатые страны мира получили обоснование своему милитаризму и вели с коммунистическими ценностями непрерывную войну по всему миру, войну разведок и провокаторов, войну пропагандистскую и соревнование в эффективности экономик и гонке вооружений. Либеральная демократия с ядерной дубинкой в руках оправдывала себя противостоянием коммунистическому режиму с такой же дубинкой. Реальная политика требовала не теоретических изысков марксизма, а прагматического управления, а с ним — адаптации

заявленных ценностей к сложившейся ситуации. Но адаптация так и не состоялась, догматизм победил, а страна рухнула, развалившись на части.

Говоря о мультикультурности, Запад тихой сапой пытался проводить ту же политику: либерально-демократические ценности ставились во главу угла, а ценности христианские и исламские — дозволялись, как якобы им не противоречащие. Но именно что «якобы». Ведь ни христианство, ни ислам с демократическими ценностями не имеют ничего общего. Западное христианство, ослабленное в Европе Реформацией, не могло оказать серьезного сопротивления идеям Просвещения, внешне вынуждено было с ними смириться, но втайне все еще мечтает зажечь костры инквизиции. Ислам, отступив из Европы, оказался упорнее и агрессивнее. Програв в столкновении государств, он открыл эпоху реванша в столкновении культур. Причем, это столкновение происходит уже в ключевых культурных центрах Запада. И вопрос выживания европейских наций стоит как никогда остро.

В противовес мультикультурализму, который нигде и никогда не был успешным, мы видим иной политический проект, который продемонстрировал эффективность — «плавильный котел» США. Из разрозненных этнических общин и даже из различных расовых групп сформировалась политическая нация. В настоящее время «котел» остыл, внутренние распри нарастают, но в прежние времена американская нация была сплоченной, и ее политическая культура формировалась вокруг лидеров — WASP, белых протестантов англосаксов. При этом основа нации складывалась из разнородных и часто конфликтующих элементов, привнесенных из Европы.

Аналогичный «плавильный котел» всегда действовал в России, но в условиях более однородного национального ядра. Русская культура и русский народ, безальтернативно доминируя в России, «расплавляли» и растворяли в себе множество других культур и малочисленных народов. А тем, кто хотел жить своим обычаем, русские предоставляли такие возможности без какой-либо дискриминации. При этом Российская Империя демонстрировала удивительную устойчивость к любым вызовам, адресованным национальным основам общества, проявляла высочайший уровень патриотизма.

Формирование гражданской нации можно сравнить с закономерностями формирования структуры металлических сплавов, когда после кристаллизации качественный сплав оказывается более прочным и твердым, чем исходные чистые материалы. В этом смысле мультикультурализм — это сохранение и развитие дефектов структуры сплава, снижающих его проч-

ность и определяющих места разрыва материалы при избыточных нагрузках. Такой сплав заведомо проигрывает чистому материалу, а тем более материалу, легированному примесями.

Формирование государств всегда сопровождается испытаниями национального единства на прочность. Сталкиваются различные модели культурного строительства, каждая из моделей стремится к доминированию или ассоциации с конкурентной моделью.

Существует три возможных сценария такой конкуренции: ассимиляция, оккупация и аннигиляция.

Ассимиляция — это результат работы «плавильного котла» этносов, которая завершающаяся формированием «сплава» — гражданской нации (и государства). В России при этом русский народ, доминируя численно и культурно, составляет несущую матрицу. Он же является источником суверенной власти и носителем цивилизации, позволяющей нашему государству играть в мировых делах роль великой державы, а населению страны в целом — роль исторического народа, определяющего ход исторического процесса.

Второй сценарий — оккупация. Сейчас он частично реализуется во многих странах Европы в виде локальных конфликтов мигрантов с автохтонным населением. В этом случае мигранты — люди иной культуры, веры и традиций принципиально не ассимилируются, а живут в диаспорах, не разделяя духовно-нравственные ценности автохтонного населения, а зачастую и законы государства. Очевидно, перехода к катастрофическому развитию, как раз и опасаются европейские лидеры, осознавшие опасность «дефектов структуры сплава» — инокультурных включений, разрушающих гражданскую нацию.

Наконец, третий сценарий — аннигиляция, катастрофическое развитие конфликтов, сопровождающееся взаимным уничтожением автохтонного населения и мигрантов или инородцев (иноверцев). Итог аннигиляции — крупные потери субъектов столкновения и летальный геополитический исход для государства. Последний пример аннигиляции — Судан. Недавний пример — Советский Союз, власти которого проводили политику создания советского народа путем подъема национальных окраин и подавления русской «матрицы». Эта политика оказала роковое разрушающее воздействие, хотя в развале страны была велика роль и агентов влияния и предателей.

Трагичный советский опыт заставляет задуматься о возможных последствиях опыта по развитию мультикультуризма в современной России: можно потерять государство и обрушить на народ неисчислимые бедствия, которые несет безвластие и беззаконие.

У нас нет другого пути, кроме последовательной и ненавязчивой национальной унификации жизни всех народов России на основе русского суперэтнуса — гражданской нации. Да, Россия — наша Родина и земля наших предков, детей и внуков состоит не только из этнических русских. У нас общее, нередко трагическое прошлое. У нас сложное настоящее, которое порой проявляется в столкновениях и конфликтах. Но то, что мы имеем — великая история и культура, потенциально мощное государство, огромные богатства и огромные пространства — мы можем сохранить только вместе. Либо народности России сплотятся вокруг русского народа в гражданскую нацию, либо ожидает нас непрерывная междоусобица на радость нашим врагам, которым всегда будет чем поживиться.

Мы уверены — у России великое будущее. Но оно не состоится, если некоторые народности, в которых до сих пор доминируют кланы, феодальные обычаи и сословные привилегии, а законы шариата выше законов России, не поймут, что так дальше жить нельзя. Либо они должны ассимилироваться в русскую гражданскую нацию, сохраняя свои этнографические особенности и веру, либо они превратятся в «дефекты структуры», которые погубят страну.

Любые вопросы национальности (этничности) и религиозной принадлежности должны быть оставлены на частное усмотрение гражданина, а государство должно придерживаться строгой унифицирующей роли. Должны быть выработаны мощные политические инструменты «унификации», и тогда господствующий русский суперэтнос создаст прочный «сплав» народов и культур.

Владимир СМЫК

ВЕТЕР ВРЕМЕНИ

Николай Яковлевич Данилевский, создавший теорию культурно-исторических типов, где особое место отводил России и славянству как особой цивилизации, писал, что у

русского народа есть способность «претворять в свою плоть и кровь инородцев, с которыми приходит в соприкосновение или столкновение». Эта, по выражению автора «России и Европы», «уподобительная сила» объясняет нам появление таких деятелей, как Петр Багратион и Михаил Барклай де Толли, Леонид Эйлер и Борис Якоби, Денис Фонвизин и Владимир Даль, Осип Бове и Марк Антокольский. Перечисленные, а также многие другие наши соотечественники с нерусскими фамилиями, сыгравшие значительную роль в отечественной истории, принадлежат России и воспринимаются нами как органическая часть русского мира, его «плоть и кровь». И они, в свою очередь, не отделяли себя от родины и любили ее. «Нет лучшей страны, чем Россия», — слова Исаака Левитана. Таким образом, принадлежность к культурно-историческому типу определяется не только родовыми корнями.

Верно и обратное. Можно быть этническим русским, как, скажем, Борис Ельцин, но его печально знаменитая пляска «Калинки» перед немецким оркестром, под которую выводились из Германии советские войска, анекдотическая фраза о том, как он читал Пушкина, позволяют говорить о типичном случае деградации личности, ставшей в итоге непричастной к русскому культурно-историческому типу. Весьма характерна также эволюция «лучшего немца» Михаила Горбачева — от генерального секретаря ЦК КПСС до героя рекламных роликов ресторанов Pizza Hut. Этот человек, собственно, и начал процесс окончательного разрыва нашей власти с русской цивилизацией. «Процесс пошел», и в результате у руля встала денационализированная космополитическая элита с иным, чуждым русскому народу цивилизационно-культурным кодом.

В сущности, повторилась ситуация, в которой наша страна оказалась после революции 1917 года, когда ею стали управлять силы, имевшие мало общего с исторической Россией. Тогда понадобились огромные усилия Сталина, для того чтобы в новых социально-политических условиях она вернулась в свою колею и продолжила движение вперед как национальное государство.

Сталину пришлось для этого не только разгромить троцкизм, провести жестокую чистку в рядах старой ленинской гвардии, но и бороться с нигилистическим отношением к нашей стране коммунистов-интернационалистов, вернуть их, а точнее, направить, в том числе и насильно, в лоно русской культуры, остановив ее разрушение.

Достаточно известен сюжет о спасении храма Василия Блаженного, рассказанный архитектором Иваном Владис-

лавовичем Жолтовским: на заседании Политбюро решался вопрос о реконструкции Москвы. Вошел Сталин, и Каганович, демонстрируя, как будет удобно танкам на парадах, если убрать с Красной площади храм Василия Блаженного, снял его с макета. Но прозвучал голос вождя: «Поставь на место». Храм не тронули, передвинули к нему памятник Минину и Пожарскому, что вызвало протест Демьяна Бедного, бывшего в числе тех, кто ратовал за снос монумента. В ответ Сталин назвал поэта «Иваном, не помнящим родства». На деле, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) призвал большевиков вспомнить свое родство с Россией, научиться уважать историю страны, которую они вслед за Лениным называли «тюрьмой народов», а всякое упоминание отечества считали белогвардейщиной и за слово «патриотизм» ставили к стенке.

Показательна резкая критика, которой Сталин подверг того же Демьяна Бедного за фельетон «Слезай с печки»: «Вы, — писал он поэту, — стали возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что «лень» и стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских вообще, а значит и русских рабочих, которые, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими. И это называется у Вас большевистской критикой! Нет, высокочтимый т. Демьян, это не большевистская критика, а клевета на наш народ» (выделено мной. — В.С.).

Под влиянием Сталина в 1936 году была запрещена сатирическая опера «Богатыри», в которой осмеивалось крещение Руси. Вождь возмутился постановкой, и Комитет по делам искусств осудил спектакль как антипатриотический.

Восстановление в правах патриотизма и «прижизненная реабилитация» русского народа были вызваны вполне определенными социально-политическими причинами. Доктор исторических наук Дмитрий Олегович Чураков в замечательной работе «Сталинская национальная политика и решение «русского вопроса» в СССР в 1920—1930 гг.», отметил, что в период, когда страна перешла к форсированной модернизации и увеличилась внешняя угроза, «без пробуждения творческой энергии самой крупной нации СССР дальнейшее развитие, само существование государства становилось невыносимым».

В 30-е годы предпринимается ряд мер, отразивших новый курс национальной политики советского руководства. В их числе решение ограничить гонения на беспартийных специалистов, частичная амнистия и возвращение прав бывшим «кулакам», упразднение социальных ограничений в области

образования для выходцев из бывших господствовавших классов, постановление ЦИК о снятии с казачества ограничений по службе в Красной Армии и приказ наркома обороны о комплектовании территориальных и кадровых казачьих частей (на праздновании очередной годовщины ОГПУ чекисты с изумлением увидели в ложе Большого театра группу казачьих старшин в форме царских времен). В РККА были восстановлены прежние воинские звания. В учебные программы вернули изучение отечественной истории. Постановление ЦИК и СНК запретило аборты, в Уголовном кодексе ввели нормы, предусматривавшие наказание за гомосексуализм. Пропагандировался культ семьи и материнства, утверждался моральный кодекс, основанный на соблюдении норм общественного поведения. Был ликвидирован РАПП, открыт первый музей Достоевского, в Советскую Россию вернулись Горький, Толстой, Куприн, Прокофьев. С государственным размахом было отмечено столетие со дня смерти Пушкина, это делалось, чтобы вернуть страну к художественно-эстетической максиме, на которую раньше были ориентированы не только русский, но и все народы Российского государства, и которую олицетворял собой Пушкин.

За всеми этими мерами стояли ум, воля и решимость Сталина. Было бы крайне поверхностно объяснять их исключительно политическим расчетом вождя. Его соратники по партии исходили из совсем других представлений о национальной политике и о том, как поступать с русскими рабочими и крестьянами. Вспомним идеолога ВКП(б) Бухарина: «Пролетарское принуждение во всех формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является методом выработки коммунистического человека из человеческого материала капиталистической эпохи». В 1936 году в статье, посвященной Ленину, опубликованной в «Известиях» он высказал то же презрение к «обломовской России», что и Демьян Бедный пятью годами раньше. И получил резкую отповедь. «Вряд ли тов. Бухарин сумеет объяснить, — писал Сталин в «Правде», как это «нация Обломовых» могла исторически развиваться в рамках огромнейшего государства... Как русский народ создал таких гигантов художественного творчества и научной мысли, как Пушкин и Лермонтов, Ломоносов и Менделеев, Белинский и Чернышевский, Герцен и Добролюбов, Толстой и Горький, Сеченов и Павлов».

Как видим, Сталин в полемике с марксистами-ленинцами защищал русский народ с позиций национального лидера. Встать на эти позиции было не просто. «Рабочие не имеют отечества», — сказал автор «Коммунистического манифес-

та», а Россию он видел страной «славянских варваров». Говорить в марксизме не об интернациональном, а национальном, и уж тем более об особой роли, которую призвано в социалистическом движении сыграть наше, якобы отсталое, отечество, было прямой ересью. Неверно думать, что Сталин занял национальную позицию после смерти Ленина, борясь с Троцким на XV партконференции, противопоставив его доктрине перманентной революции свою теорию возможности построения социализма в одной стране. Еще в июле 1917 года (Ленин скрывался тогда от преследований в Финляндии) Сталин, выступая с отчетным докладом ЦК о текущем моменте, отвечал тем, кто увязывал вопрос о победе революции в России с успехом революции на Западе: «Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму... Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь».

Глава Советского государства стал национальным лидером не только благодаря своей гениальной политической интуиции и силе стратегического мышления. Он сумел стать им в силу органичной причастности русскому миру. Сталин глубоко знал русскую культуру. Он перечитал еще в молодости всю классическую литературу. В семинарии и в ссылках его всегда видели с книгой. «Любил читать и любил говорить о прочитанном с полным знанием предмета, — писал о вожде Константин Симонов. — Он помнил книги в подробностях. Где-то у него была — для меня это несомненно — некая собственная художественная жилка, может быть, шедшая от юношеского занятия поэзией».

О том, как Сталин читал, можно судить по пометкам на полях им прочитанных книг. Например, напротив слов Толстого в «Воскресенье» о Нагорной проповеди, благодаря которой «само собой» уничтожатся насилие и установится «высшее доступное человечеству благо — царство Божие на земле», Сталин написал коротенькое: «ха-ха». Читая «Братьев Карамазовых», выделял в поучениях старца Зосимы: «Убегайте лжи, брезгливости убегайте», «...любовь деятельная сравнительно с мечтательною есть дело жестокое и устрашающее. Любовь же деятельная — это работа и выдержка». В том же романе Сталин отмечает слова старца Паисия: «Государство обращается в церковь... От Востока звезда сия воссияет». Не свидетельствует ли эта помета, что мысль о Москве как о Третьем Риме, мировом центре православия, которую он попытается осуществить на практике, была продиктована главе Советского государства не только соображениями геополитики? «Два Рима пали, третий — Москва — сто-

ит, а четвертому не быть! И тому Риму третьему — державе Московской — единым хозяином отныне буду я один», — говорит Иван Грозный в фильме Эйзенштейна, и проекция на современность здесь была вполне очевидна.

Известна роль Сталина в создании фильмов «Чапаев» и «Александр Невский», в создании крупнейшего произведения мировой литературы XX века романа «Тихий Дон». Расцвет советской музыкальной культуры, национальной оперы и балета также связаны с именем Сталина. Николай Семенович Голованов, главный дирижер Большого театра, вспоминал, что в годы гражданской войны «Сталин приезжал к нам в своей неизменно скромной шинели и будёновке, часто прямо с фронта. Он глубоко чувствовал, понимал и ценил истинно реалистическое искусство, радовался успехам Большого театра. Горячо любил он русскую оперную классику, особенно «Ивана Сусанина», «Пиковую даму», «Князя Игоря». Тихон Хренников заметил: «Сталин разбирался в музыке лучше нас».

Вождь СССР мыслил и действовал в рамках русской цивилизации как ее достойный представитель. «Уподобительная сила русских», о которой писал Данилевский, мощь русской культуры не могла не повлиять коренным образом на его сознание. Если оперировать представлениями этого мыслителя о славянском и, значит, русском культурно-историческом типе, мы обнаружим, что личность руководителя Советского Союза вполне им соответствует. В самом деле, по Данилевскому, основу славянского культурно-исторического типа составляют четыре черты: деятельность религиозная, культурная (наука, искусство, промышленность), политическая и социально-экономическая. Нетрудно видеть, что все эти черты присущи Сталину: последние три — в высшей степени, но и первой черте он отнюдь не был чужд, достаточно вспомнить роль вождя в восстановлении патриаршества на Руси. То есть по духу вождь Советской России был русским. В высшей степени характерно в этом отношении воспоминание Светланы Аллилуевой: «Брат мой Василий как-то сказал мне: «А знаешь, наш отец раньше был грузином».

Приверженность Сталина русским цивилизационным и культурным ценностям имела значение не только для его личности, но сыграла огромную роль в истории СССР. В условиях кровавого хаоса, в которую вверг страну 1917 год, при почти абсолютном доминировании антирусских сил, поднятых на поверхность волнами революций, вернуть страну в национальное бытие и тем самым обеспечить продолжение ее роли как самостоятельного и мощного политического, экономи-

ческого и культурного субъекта, оказалось под силу именно Сталину, и он принял на себя бремя власти русской государственности. Этот путь возврата России в свою историю невозможно было пройти без ошибок, порой очень тяжелых. Корабль Советского государства трепали сильнейшие бури, но маяк русской цивилизации, на который ориентировался капитан, не давал сбиться с цели. В этой связи думается, что причина роковых неудач тех, кто так долго и разрушительно мучает страну своими реформами, заключается, прежде всего, в цивилизационной несовместимости народа России и ее нынешней элиты. Притом, чем очевидней провал либеральных реформаторов, тем с большей злобой набрасываются они на Сталина, объявив теперь своей задачей десталинизацию нации. Задача эта, скажем прямо, невыполнима, потому Сталина не оторвать от страны и от русского народа. Впрочем, вождь СССР предвидел то, что будет происходить с его именем: «Когда я умру, на мою могилу нанесут много мусора, но ветер времени безжалостно сметет его».

Владимир ПЕТРОВ

СМЕРДЯКОВЩИНА: ОТ ЛЮБВИ — К ТОЛЕРАНТНОСТИ

Взяться за эти заметки меня подвигла одна любопытная статья в хлевенской районной газете Липецкой области «Донские вести». С названием весьма претенциозным: «Кто мы, откуда наши корни?». «Мы» — это, конечно, русские, в праве на национальную самобытность которым давно и настойчиво отказывают не только наши заморские враги, но и «россиянские» либералы всех мастей. Не сегодня выведена глупейшая формула «Поскреби русского, обнаружишь татарин-

на». И эта глупость, трансформируясь в формулировках, живет, упорно насаждается в умы всей мощью либеральных СМИ. И, как ни грустно, бездумно повторяется теми, кого именуют «иванами, не помнящими родства».

О чем в статье речь? Об археологических раскопках у села Ксизово Задонского района. Водные артерии с обилием лугов во все времена являлись «местом кормления» кочевых племен, веками бродивших по территории Евразии. Дон здесь не исключение, а потому археологические находки, зачастую уникальные, на его берегах — явление закономерное, культурный слой огромен, и складывался он в течение многих эпох. Естественно, что материальные свидетельства, обнаруженные при раскопках у Ксизово (и не только), принадлежат различным племенам, в потоке исторического времени обитавшим на донских берегах.

Сенсации здесь никакой нет: великое «брожение» народов шло всегда. И сегодняшние границы между, допустим, странами СНГ — весьма условны. Но вот что любопытно. Перечисляя, какие реликтовые (то есть исчезнувшие из исторического бытия) племена гостили на территории Верхнего Подонья, автор неожиданно задается вопросом, обращенным к современникам, своим землякам, веками обживавшим и украшавшим эти благодатные земли: «Так кто же мы?».

Какой же вывод делает автор на основе археологических находок у Ксизово? Вполне смердяковский. Цитирую: «Так кто же мы — потомки гуннов, скифов, арийцев или славян? Историкам еще долго (?) придется с этим разбираться. Важно другое: в наших с вами жилах перемешана (!) кровь десятков (!) народов. И едва ли мы имеем право (!) говорить о чистоте славянской расы, разделяя россиян на «своих» и «чужих». Об этом прежде всего должны знать те, кто вскидывает руку в арийском приветствии и озлобленно орет «Россия для русских!»...

Все здесь сказанное — глупость, перемешанная с невежеством. Историки давно разобрались с тем, кто же населял и населяет территорию Русской равнины, Россию в целом и донские берега в частности. Просто автор не знает и не читал трудов, посвященных этой проблеме. Ну хотя бы «Историю Рязанского княжества» нашего великого земляка, историка Дмитрия Иловайского, где подробно описаны главные пути славянской колонизации территорий Центральной России и расселения славян там, где и живем посейчас.

Никаких реликтовых скифов, гуннов и прочих «афророссиянцев» в то время уже не было — они исчезли. Жили угрофинские племена, мордва. Никакого всесмешения племен и

народов не происходило, да и быть не могло: каждое, даже крохотное племя, пыталось хранить свою самобытность, молилось своим богам, а главное, имело свой языковой образ мира, его восприятие. Что не подавлялось силой.

Отказ русским в праве «говорить о чистоте славянской расы» — это уже сегрегация, ставящая русских в ряды «неполноценных» народов. Причем тут же используется искусственное, абстрактное понятие (плод лукавого творчества русофобов) «россиянин», которых почему-то именно русские делят на «своих» и «чужих». Тут двойная глупость: национальности «россиянин» в природе не существует — это, скорее политический термин, используемый с целью, пусть словесно, объединить народы России в единый конгломерат, как это уже было в СССР. Только где она, новая общность? Почему ни у какого другого народа (по численности просто не сопоставимого с русским, славянским этносом) это право не отнимается: ни у чеченцев, ни у татар, ни у мордвы, ни у осетин, коми, якутов, евреев и так далее? Как эти малые народы (племена) сумели, в отличие от русских, сохранить свою генетическую чистоту? И даже сегодня, в эпоху искусственного всесмешения народов, они числят себя вовсе не «россиянцами», а теми, кем были все время — чеченцами, евреями, татарами и прочее...

Справедлив и такой вопрос к автору статьи: где это он видел «тех, кто вскидывает руку в арийском приветствии и озлобленно орет «Россия для русских!»? Этот пропагандистский провокационный трюк либеральных средств массовой информации, похоже, всерьез, воспринят им как обыденное явление нашей жизни. Тогда он должен вспомнить и о танцах «лезгинки», оскорбительных для русских выкриках «Аллах акбар!», то и дело повторяющихся в русских городах.

Но главное в другом: националистическая карта сегодня — опасное и страшное оружие в руках тех, кто не расстается с планами расчленения России на десятки «небольших, демократических республик». Именно в этом заключается цель — подогреть сепаратизм малых народов (который подпитывается чудовищной коррупцией местных элит), чтобы этим молотом раздробить Россию, а русским — отказать в праве оставаться государствообразующим великим народом. Отсюда и бесконтрольная миграция, заселение русских территорий чуждыми этносами, продажа земель.

Задумывался ли автор, кто и зачем настаивал на отмене графы «национальность» в паспорте? Не потому ли проводится вот уже второй раз за последнее десятилетие перепись населения страны, чтобы убедиться, что территорию нашей

страны населяют не столько русские, сколько гунны, половцы и прочие космические пришельцы. Вот результат отмены крамольной графы. А цель и слепцу видна — русских-то совсем «мало», а значит, «праву наций на самоопределение» — зеленый свет!

Нам долгое время «впаривают» в мозги росказни об успешном эксперименте смешения рас и племен в Америке, эдаком «плавильном» котле, где нет никаких национально-этнических различий. Но это искусственно созданное общество держится лишь на высоком экономическом уровне жизни обитателей «котла». Под ним же — неотмщенная трагедия коренных народов континента, индейцев, буквально вбитых завоевателями в родную землю. Трагедия ограбленных стран третьего мира. Американское сообщество есть конгломерат этнических анклавов, национальных общин ирландцев, англосаксов, евреев, португальцев и так далее. Малейшее снижение жизненного уровня (допустим, обвал доллара) — и это мифическое единство разрушится, словно картонный домик. Как это произошло в экономически ослабленном СССР — «советский народ» разбежался по своим углам, надеясь достичь благоденствия без русских, «народа-колонизатора».

Но в угаре «свобод» не учитывалось (не замечалось), что все окраинные народы жили за счет именно русского народа. При царях все нацменьшинства имели множество льгот, не призывались на защиту рубежей империи, в СССР экономика республик дотировалась из бюджета РСФСР, Украины и Белоруссии. Сейчас эта помощь обрела едва ли не форму контрибуций. Да, русские «колонизировали» Кавказ, республики Средней Азии, Сибири. Но как? Строя дороги, города, заводы, готовя национальные кадры в университетах, консерваториях, НИИ. Хорошо знаю, что продукция липецких масло- и сыроделов эшелонами, по разнарядке, годами отгружалась в среднеазиатские «угнетенные» республики.

Российская империя строилась не на костях «угнетенных» народов, а на объединении и совместном проживании — как добрые соседи — на единой территории, но исключая все смешение. Россия была империей, ею она и остается. Когда я слышу заявления президента страны, что «россиянам» пора отказаться от имперских, великодержавных традиций и амбиций, то здесь очевидно непонимание, что без этой исторической доминанты России не будет. Русский народ, даже в его сегодняшнем, далеко не лучшем состоянии, не загнать в прихожую (или предбанник) Европы — тесно будет.

Россия может продолжать историческое бытие только как государство-империя, но никак не республика. Причем ос-

нованная на мощном этническом фундаменте — на русских, которые и создали великое государство, братски вобрав в ее состав другие народы. Русский православный историк Владимир Ларионов вполне определенно утверждает: «Государства рождаются как результат исключительных усилий конкретного этноса, и они неминуемо гибнут, когда державный этнос растворяется в море покоренных народов... Утрата национальных черт всегда и везде вела к гибели империи. Властной элите никогда нельзя забывать, что сила государства — в его национальности».

И когда другой журналист, уже «Липецкой газеты», умиляется, что на территории района проживают в идиллическом единстве представители 38 национальностей, то нелишне напомнить, что все малые народы, поселившиеся среди русского народа, объединяются в диаспоры, кланы (не обязательно криминальные, но и в том числе), жестко отвоёвывающие жизненное пространство русских. Так что в отсутствие крепкой национальной политики, обуздывающей националистические (не национальные) инстинкты малых народов, понемногу заселяющих территории русских областей, это прекраснотушние опасно. Вопрос только времени! А возможный результат назван выше — гибель России как целостного государства.

И вновь обратимся к опусу журналиста «Донских известий», утверждающего, что русского народа не существует, а в физиологических особях, населяющих нашу территорию, течет коктейль из крови реликтовых народов! Добавил бы еще — мамонтов, динозавров и прочих рептилий...

Древность и единообразие нашего славянского этноса антропологи проследили со времен неолитической эпохи. И лучшим свидетельством этого являются антропологические особенности русского народа. Многие ученые (и не только отечественные) сходятся в выводе: Русская равнина — колыбель древнего единого индоевропейского племени, о чем было известно еще в XIX веке.

И далее, пишет Ларионов, «наше антропологическое разнообразие — показатель удивительной сохранности древних антропологических подтипов индоевропейцев у русского народа, обитающего на исконной территории».

В середине 90-х годов прошлого века, когда была отменена графа «национальность», Институтом молекулярной генетики РАН проведены исследования среди различных групп русского населения. Исследования проводились на краснодарской (южной) и пермской (северной) популяциях. Оказалось, что между русскими сходства больше, чем ожида-

лось. Башкиры, соседи пермяков, имели намного больше генетических различий, нежели русские, проживающие за тысячи километров друг от друга.

Антрополог с мировым именем В. Бунак в середине прошлого века изучил в экспедиции свыше ста групп русского (великорусского) населения. При этом он установил наибольшие и наименьшие пределы значений антропологических признаков. И оказалось, что русские имеют преобладающую однородность в своей антропологической составляющей по сравнению с другими европейскими народами. То есть среди европейцев русские по расовым особенностям занимают центральное место. Мы, великороссы, — типичные и наиболее ярко выраженные европейцы, расовое ядро их. Таков вывод ученого.

И еще одна цитата: «Объективные данные антропологической науки свидетельствуют — русский народ (великороссы, белоруссы, малороссы) является самым однородным в расовом плане народом Европы, что можно объяснить древностью и автохтонностью (то есть коренным обитанием) русского этноса, издревле проживающего на одной и той же территории».

История русского народа полна трагизма, но и героизма. Разве не чудо, что при всех исторических катаклизмах мы, русские, сумели сохранить свой язык, свой облик, свое генетическое первородство. Свой дух, наконец, который так усердно «перекодируют» новоявленные властители мира.

Кстати, о влиянии татаро-монгольского нашествия в средневековье. Не надо скрести русского — татарина или монгола не обнаружится! Вот что пишет В. Ларионов: «Известно, что монголоидность устанавливается по наличию эпикантуса, особого устройства век, их складки. У монголоидов он встречается в 70—95 случаях из ста, но из числа 8,5 тысяч русских мужского пола, обследованных учеными РАН, эпикантус обнаружили только у 12 (!) человек и то в зачаточном состоянии». Не случайно Д. Иловыйский заметил однажды, что по своей красоте русский тип не уступает германскому, если не превосходит его статью.

А ведь мы, русские, к тому же носители великой мировой культуры, в притяжении которой живут и развиваются столетиями другие народы страны. Зачем же в смердяковском самоуничижении отвергать наше богатство, наше достоинство — этническую чистоту, великую культуру, певучий, богатейший русский язык, удивительный мелос? Ради чего? Чтобы однажды малые народы почувствовали себя «свободными», передрались и превратились затем в те же самые ре-

ликтовые народы, в прах истории, о чем красноречиво рассказывают археологические находки на донских берегах?

Никто из русских не «орет злобно «Россия для русских!» Но никто из мыслящих русских и других народов страны, в ком еще не выхолощена историческая память, не поддержит провокационный тезис покойного Гайдара «Россия — без русских!»

Россия без русских — это неизбежная геополитическая катастрофа территории, которая превратится в великую могилу народов, веками живших в согласии друг с другом. Других вариантов Творец нам не дал. Но вовсе не случайно наша вера — православная, исходящая из святого Евангелия Иисуса Христа. Вера света, любви и братства. Эти лучшие качества лукавые данайцы пытаются подменить для нас, русских, абстрактным и бессмысленным словесным монстром — «толерантностью», то есть «терпимостью» ко всем, кто стремится со своим уставом в чужой монастырь.

Россия никогда не была «тюрьмой народов», не должна она превратиться и в дом терпимости, простите, толерантности...

УМЕЛЕЦ

РАССКАЗ

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них не уедешь! — рубил воздух ладонью в такт хлестким «воспитательным» фразам командир учебного батальона подполковник Ушаков, распекая вытянувшегося перед ним в струнку подчиненного — командира учебной роты майора Ишова. — Лучшая рота! — брезгливо поморщившись, зло продолжил разнос комбат. — И лучшие сержанты, организовавшие лучшую ночную пьянку! Самоустроились от личного состава! Не живете жизнью подразделения!

— Да я, товарищ подполковник, с них семь шкур... — вклинился было в критический монолог Ишов. Но — напрасно...

— Молчать! Молчать, пока я вас спрашиваю! — едва не подпрыгнул в кресле Ушаков от неуместного оправдания. — Меня пустые словеса не интересуют! С людьми работать надо! Кропотливо! Методично! Тогда и пьянок в роте не будет, и вообще ЧП! А сейчас — засучайте рукава и шагом марш немедленно наводить порядок в подразделении!

И комбат довольно расслабился в кресле после ухода подчиненного, промаршировавшего строевым шагом до дверей кабинета.

ПРОЗА

Из дверей ротный вылетел пулей, через строевой плац пронесся снарядом, в казарму вломился гранатой с выдернутой чекой. «Взрыв» последовал незамедлительно.

...Выходец из младших командиров, майор Ишов являл собой хрестоматийный типаж холерика, тяготеющего к психопату истероидного типа. По простоте душевной он сам однажды сознался комбату, что если не поорет в казарме хотя бы раз за полдня, то «зримо чувствует», как бразды правления уплывают у него из рук. Стоило же ротному самому попасть «на ковер» к начальству — пусть даже не за чьи-то, а за личные прегрешения, — как офицер немедленно спешил передать испорченное настроение своим подчиненным (обходное защитное поведение), восполняя энергетические запасы особенно громкими криками и порой доходя до рукоприкладства. К тому же — изначально низкая культура. Ишов воспитывался в семье хронического алкоголика — и почти полное отсутствие сдерживающих центров никогда не позволяли майору признать собственную неправоту перед подчиненными, и даже самая невыгодная для него ситуация в таких случаях неизбежно и грубо выворачивалась им наизнанку.

Скажем, после «строгача» за опоздание на «тревогу» — а именно под ее прикрытием Ишов и ночевал у любовницы — ротный моментально вывернулся на комзводов и сержантов, их заместителей, обвинив всех скопом в нарушении порядка заправки солдатских постелей.

— Верхняя простыня должна складываться вдоль, а не поперек, как это, оказывается, уже месяц вытворяется в роте! И я только сегодня узнаю! — никого не слушая, на повышенных тонах упрямо долдонил он.

Наконец удалось напомнить ротному про устное распоряжение командира части об изменении порядка заправки, однако Ишов растерялся лишь на секунду, а в следующую завопил:

— Да что вы все ко мне с этими простынями поприцеплялись? Я спрашиваю: когда в прикроватных тумбочках будет наведен должный уставной порядок?

Его-то, по «рекомендации» комбата, Ишов и собирался сейчас наводить. Причем во всей казарме единовременно. И так...

«Взрыв» последовал незамедлительно. На головы наряда по роте обрушилась лавина ругательств: лексикон у ротного был небогат, но ярок.

— Почему дневальный на тумбочке не рапортует, а шепчет? Почему свободный дневальный, как сволочь, не стрижен, на ушах висит? Почему все опухли ото сна, к такой-то матери, заняться нечем? В казарме сплошная грязь, а они хреном груши околачивают! Почему пол не намастичен? Бездельники! Скоты! Всех после наряда на «губу» засажу!

И по мере выплескивания бранных слов на солдат ротный вновь начинал ощущать себя великим руководителем, проникаясь осознанием собственной значимости: а как же — сто восемьдесят девять подчиненных, включая офицеров, и все обязаны беспрекословно ему повиноваться!

Тр-рах! — Слетел Ишов с этого пьедестала, поскользнувшись хромовыми сапогами на беспощадно намастиченном полу.

— Идиот! — чуть не с кулаками набросился майор на дежурного по роте, неловко поднявшись с желтоватых пахучих досок. — Чокнулись, столько мастики в пол вгонять? Где экономия, мать вашу так? А по тревоге побегут — друг друга покалечат?!

Наученный горьким опытом, ефрейтор молчал, с трудом сохраняя серьезный вид, поскольку изнутри его распирала и смех, и желание напомнить начальнику более раннее его высказывание относительно мастики и пола. Майора же, снедаемого злостью, переполняло острое желание немедленно излить ее на кого-то еще, помимо наряда по роте, и он прорычал:

— А ну, кто еще из бездельников в наличии?

— Так все ж в учебном корпусе, на занятиях, — осторожно ответил дежурный. — А старшина с каптерщиком на вещсклад ушел. Один Рязанцев в подвале паяет.

— Вот я сейчас проверю, какого хрена там этот умелец наработал, — с угрозой не по делу пообещал Ишов.

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал...

...Рядовой Рязанцев в роте, да и во всей части, был единственным детдомовцем. Именно поэтому беседовали с ним, по прибытии в подразделение, не только взводный, но и сам Ишов в паре с замполитом роты. Худощавый горбоносый солдат с асимметричным лицом и уныло опущенными уголками губ отвечал тоже уныло, односложно.

Найденыш. Младенцем на задворках вокзала подобрали. Отправили в детдом. Там фамилии воспитанникам иногда давали по названиям городов страны: Москвин, Калужцев. Так и он свою получил. Окончил восьмилетку, направили в строительное ПТУ. Выучился на маляра-штукатур, но ос-

воил и другое: класть стены, плитку, плотнищкое дело, электрику. Полгода работал на заводе, жил в общежитии. Потом призвали на срочную.

И лишь услышав от замполита глупейший вопрос — из серии обязательных на первой беседе с солдатом: чем собираешься заниматься после армии (это когда отслужил всего неделю!), рядовой неожиданно оживился и стал рассказывать, что очень хотел бы иметь с в о й д о м — то есть какой-то жилой угол, жену, детей и, естественно, работу.

— Это ты про квартиру, что ли? — решил уточнить замполит.

— Не-е... Про частный угол, — разъяснил солдат. — Квартиру мне не дадут.

— Почему ты так думаешь? — удивился ротный идеолог.

— Я не думаю, — поскущел Рязанцев, и уголки его губ опустились еще сильнее. — Знаю. Мужики на заводе все так говорили. Мол, тебе, из детдома, да одиночке, ни в жисть не дадут. Женатому только и с блатом. А женишься — куда идти? К чужому на постой? Там дети пойдут... Не-е, свой угол заработать надо. Хоть комнатешку..

— Ну и много детей-то, в своем углу, по «дембелю», настрого распланировал? — с подковыркой поинтересовался Ишов, которому рядовой по неясным причинам, но сразу не поглянулся, а замполит от такого вопроса недовольно поджал губы, однако смолчал: начальнику, да еще армейскому, замечания делать чревато последствиями.

— Не меньше как трех, — серьезно, не почувствовав подковырки, заявил Рязанцев.

— Дурное дело нехитрое, — язвительно усмехнулся ротный, некстати вспомнив свое собственное детство, щедро сдобренное колотушками, коими отец-алкоголик от души оделял будущего офицера и двух его сестер, сроду не принося домой ни копейки. — Только потом-то чем рты прокормишь?

— Руки прокормят. А они — вот они, — протянул вперед ладони рядовой. Уже загрубелые, в мелких шрамах и неожиданно крупные. — Не-е... Прокормлю. Говорю — по-всякому работать могу.

— Это мы еще проверим, — с долей скептицизма заявил Ишов. — Шагом марш к старшине — в туалете плитка поотваливалась, пусть инструмент и фронт работы обеспечит. И смотри у меня... Умелец!

Но Умелец, как быстро и окрестили Рязанцева в роте, свои слова о «всякой работе» с блеском оправдал, и с тех пор старшина постоянно выдергивал бывшего детдомовца с учебных занятий, будто морковку из грядки: всякого текущего ремон-

та в подразделении круглый год хватало и перехватало. К наукам же военным, а в особенности к политподготовке, Умелец относился с завидным равнодушием. Зато лучше всех заправлял «кирпичиком» постель, даже быстрее и ловчее сержантов наматывал портянки, умело стирал и гладил «хэбэ», без малейшей тени отвращения убирался в свою очередь в туалет. И никогда за время службы на ее тяготы и лишения никому не жаловался, как и вообще ни на что.

Был случай в первые дни службы: наглый здоровенный сослуживец из того же взвода стал отбирать у Рязанцева на обеде кусок хлеба — я, мол, не наедаюсь, а ты тощий, обойдешься. Так здесь детдомовец на открытый конфликт не пошел, а часть пайки компенсировал своеобразно: стал подходить к хлебобрезочной уже после еды и просить вроде как добавку — горбушку. На третий день женщина-хлебобрезка показала постоянного попрошайку дежурному по части, и тот вычислил, из какой роты рядовой, передав информацию замполиту подразделения. Будучи искушенным в солдатских взаимоотношениях, офицер отследил неуставную ситуацию и жестко пресек ее раз и навсегда.

После разборки в канцелярии роты солдат-здоровяк сунулся было в курилку к Рязанцеву со своей разборкой: мол, настучал, гад, значит! На что Умелец резонно возразил:

— Не-е... Я в жизни никого не закладывал! А вот ты — тормоз. Пайку-то мою при всех, наглядом, отнимал. А шакалы (офицеры) — они ж тоже не слепые.

Но при крайних обстоятельствах детдомовец готов был принять бой.

Как-то его окликнул старослужащий из музвзвода:

— Эй, сюда! Я не понял, солдат! Бегом! Ты туго всасываешь? — И несильно, больше для порядка, одной рукой ударил Умельца в грудь, а другой протянул ему свои грязные портянки: — Вечером прихожу в казарму и удивляюсь: они уже чистые и выглажены!

— Не-е... — не взял портянок молодой солдат. — Я тебе не чмырь!

— Ты че, салага, совсем... — ухватил Рязанцева за ворот музыкант. — Че, службу понял?

Но детдомовец, накрыв его ладонь своей, неожиданно ловко вывернул кисть старослужащему, и оторвал ее от кителя. После чего только и ответил:

— А че ж тут непонятного? «Деды», как ты, и в ПТУ были. Навалом. Тоже слабых по-всякому доводили.

— Так ты сильный, да? Тогда готовься — ночью подыдем; за базар, душара, ответишь! — пригрозил разозленный му-

зыконт и собрался было уйти, отложив расправу над взбунтовавшимся наглецом до поры до времени, но тут Рязанцев его остановил:

— Не-е... Ты не убегай... Толпой-то вы мне по бороде быстро наступите — и разговора нет. Только я с тебя одного потом спрошу.

— Это как, салага? — даже развеселился музыкант. — Ну-ка, не понял...

— А просто, — пояснил Умелец. — Половинкой силикатного кирпича по «чердаку». У меня в ПТУ один «крутой» раз стипендию отнял, ну я ему назавтра полбашки и снес. Три месяца в «травме» отдыхал. А бил сзади — оно таким макаром вернее. И учти: я свое слово всегда держу!

— Ты че, опупел, что ли? — пошел на попятную «дед». — Тебя ж тогда посадят...

— Не-е... Замнут для ясности. Как в ПТУ. В случае же чего — тюрьма ли, армия, детдом — мне все едино. Везде своя камера, казарма или там спальня на десятерых. Подъем-отбой, невкусная жратва по распорядку. И без зарплаты... Не-е, мне терять нечего. А вот тебе...

Обескураженный музыкант молча убрался восвояси, и больше детдомовца никто под себя подмять не пытался.

С тех пор Умелец довольно счастливо и легко (на его взгляд) продолжал тянуть лямку солдатской службы — то подштукатуривая казарму, то беля ее изнутри, то ремонтируя нехитрую мебель. В последние же дни переквалифицировался в электрика, изобретая пульт для дневального, где мыслилось свести воедино тумблеры тревожной сирены, вечернего и дежурного освещения, различных световых табло — формы одежды, уличной температуры, плюс туда же подключить телефон.

С паяльником в руке Рязанцев маравал над замысловатым пультом в подвальной комнате-мастерской роты, а в это время в казарме, наверху...

Секунду помедлив, ротный быстрым шагом направился к лестнице, ведущей в подвал. Перейдя через порог примитивной мастерской, из потолка которой там и сям торчали водопроводные и канализационные трубы, а меж ними, посредине помещения, чужеродно нависала лампа дневного освещения, Ишов сразу углядел на самодельном столике, перед увлечшимся работой рядовым, початую водочную бутылку. Из горлышка поллитровки вился какой-то слабый дымок, но на эту деталь офицер внимания не обратил: вся его злость за ночную сержантскую пьянку и «разбор полетов» в кабинете

комбата, затем дурацкое падение в казарме мгновенно выплеснулась в не контролируемый разумом поступок.

Ишов рванулся к бутылке с водочной этикеткой, словно взбешенный бык к красной тряпке, ухватил поллитровку ближе к дну и со словами: «Ага, сука, и ты такой же!» — резко плеснул содержимым стеклотары поперек лица удивленно поднявшего голову рядового. Плеснул и тут же доплеснул еще раз.

— А-а-а-а! — дико закричал Рязанцев, обхватив ладонями лицо. — А-а-а-а!

— Э-э, ты чего? — опешил Ишов и тут же испугался, замер, поняв, что и м е н н о он натворил.

В бутылке из-под водки была концентрированная соляная кислота. Ротный сам же ее и принес именно в этой стеклотаре, выпросив несколько дней назад в лаборатории горючесмазочных материалов учебного полка. Из ядовитой техжидкости, растворяя в кислоте цинковые стружки, готовили необходимый для пайки хлористый цинк.

— Ну, ну, — засуетился вышедший из ступора Ишов, безуспешно пытаясь успокоить не переставшего голосить, и все старался оторвать его плотно прижатые к лицу ладони от обожженных мест и выяснить, не попала ли кислота в глаза.

Химический ожог быстро дал серый, плотный на ощупь обширный струп, широкой полосой проходящий под глазами нишами, через переносицу. Брызги кислоты разлетелись и по лбу, и по щекам рядового. Облегченно вздохнув наконец — глаза у него вроде не пострадали, — ротный потянул Рязанцева наверх, в казарму, к умывальнику.

— Ну, ты чего? Сейчас промоем, и все будет нормально, — уговаривал Ишов. — Ну, ведь не больно уже, правда?

— Не-е... — наконец отозвался солдат. — Жжет. Сильно...

— Сейчас, сейчас, — и майор приказал дежурному по роте звонить в санитарную часть, старшему врачу полка.

Минут через двадцать медицинский «уазик» увез пострадавшего в гарнизонный военный госпиталь, в кожное отделение. Там обожженное кислотой место быстро обработали слабым щелочным раствором и обильно смазали жидкой мазью с антибиотиками.

— И как же тебя угораздило? — поинтересовался потом у Рязанцева хирург.

— Не-е... Это не я, это ротный. Из бутылки плеснул. Ни с того ни с сего. А там — кислота, — пояснил детдомовец.

— Он что, с ума сошел? — возмутился военврач.

— Да ладно, — примирительно махнул рукой Рязанцев и полуутвердительно спросил: — До свадьбы-то ведь заживет? — И тут же поморщился: — Жжет все-таки еще.

— Иди в палату, ляг на спину и постарайся заснуть, — посоветовал хирург, обходя вопрос о свадьбе. И взялся за телефонную трубку — сообщить руководству госпиталя о неординарных обстоятельствах травмы вновь поступившего больного.

Рядовой же, внутренне почувствовав неладное, впился в глаза врачу вопрошающим взглядом:

— Так у меня лицо заживет? Следы несильные останутся?

Но хирург, ничего не ответив по сути, заторопил медсестру:

— Уводите, уводите больного...

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты...

— Проходите, присаживайтесь, — пасмурно-официально произнес командир полка и указал Ишову на стул в торце длинного стола в своем кабинете. Его заместители и старший врач части, присутствовавшие тут же, старались с прощтрафившимся офицером взглядами не встречаться.

— Я давно замечал, товарищ майор, — ровным, бесцветным голосом заговорил комполка, — что ваши методы укрепления воинской дисциплины порой выходят за рамки устава. Заметьте: учитывая личное рвение к службе и стабильно высокие показатели подразделения, вам многое прощалось. Да и защитник всегда был — ну, прямо отец родной, — кивнул полковник в сторону потупившего взор комбата, — он же и учитель. Зря, что ли, во время оно в его взводе сержантом и начинали? Только чем закончили? Горькими плодами рукоприкладства, которые пожинать теперь всей части придется? Да вы хоть соображаете, товарищ майор, что совершили уголовное преступление, и скоро будете беседовать со следователем военной прокуратуры?

— Да не знал я, клянусь, правда не знал, что там не водка! — мрачно пробурчал Ишов, и сам прекрасно понимая шаткость этого аргумента.

— А следовало бы поинтересоваться... — произнес комполка, сделав ударение на глаголе. — Кстати, пусть даже в бутылке действительно оказалось бы спиртное, а солдат пьян, и это еще не повод и не право выплескивать алкоголь в физиономию нарушителю воинской дисциплины: дисциплинарный устав предусматривает достаточный перечень законных мер-взысканий. Так что отвечать будете по всей строгости закона — я уже и военному прокурору суть ЧП доложил.

— Так сразу? — произнес комбат, тяжело оторвав взгляд от полированной столешницы. — А может, можно было... как-

то... — и изобразил недвусмысленный жест, перекрестив над столом руки и быстро их разведя.

— Нет, нельзя, — спокойно возразил полковник и кивнул старшему врачу части: — Объясните.

— При средних и тяжелых телесных повреждениях — скажем, когда у военнослужащего сломана челюсть, пробита голова или, как сегодня, серьезный химический ожог, руководство госпиталя обязано поставить в известность военную прокуратуру, — буднично сообщил тот. — Ее сотрудники проводят соответствующую проверку, и далее, по результатам последней, не исключается возбуждение уголовного дела. Наше шило в мешке никак не утаишь — оно налицо и на лице, так что товарищ полковник абсолютно прав в своем решении превентивно поставить в известность прокурора о...хм... ну, в общем, понятно. И еще. По наружным химическим ожогам я, конечно, специалист небольшой — наши пациенты чаще всякой дрянью внутренне травятся, — но ныне разговор особый. От обширного попадания на кожу концентрированных неорганических кислот лечатся месяцами, и тем не менее на теле навсегда остаются заметные рубцы. По науке и уголовному кодексу — неизгладимое обезображивание лица...

Минуту молчания нарушило шумное астматическое дыхание заместителя командира полка по МТО, и он быстро достал карманный ингалятор, жадно вдохнул порцию аэрозольной смеси. До Иова наконец-то дошла вся серьезность его положения с перспективой попадания на скамью подсудимых, и майор-холерик, набычившись, вдруг вскочил со стула и с отчаянной жестикуляцией зачастил на повышенных тонах:

— Это что же мне теперь, из-за какого-то, значит, подкидыша... — и на секунду запнулся... — в тюрьму идти? В благодарность за все пятнадцать лет, что из сапог да из роты не вылезал? По-русски ж говорю: почему я знал!

— Молчать! — слегка приподнялся в кресле комполка. — Вам слова никто пока не давал! Что за хамство, товарищ майор?! Вот они, сержантские замашки в действии! Подкидыш! Да для суда — какая разница! Ладно, сядьте пока да помолчите...

— Офицеру в руках себя держать уметь надобно, — басом прогудел зам-астматик, наконец отдышавшись. — А ты бутылкой махал — не думал, а теперь как паршивый кот: нагадил и в кусты сбежать захотелось? Не по-мужски, не по-мужски...

— Анатолий, прекращай истерику! — сказал начальник штаба полка, пристукнув ладонью по столу. — Знал, не знал — не о том сейчас речь.

— О чем же? — вступил в разговор замполит полка, меж тем как Ишов медленно, горбясь, опустился на неудобный стул.

— О том, как из создавшегося положения достойно выйти, — пояснил начштаба. — Закон законом, но он ведь, по поговорке, что дышло... Да и с прокурором... Он, я в курсе, заядлый охотник. Вот выезд ему с обеспечением по полной программе и организовать. Когда у нас там сезон-то открывается?

— Сомнительно... — качнул головой комполка. — Впрочем, вы его лучше меня знаете, так что вам и карты в руки: честь мундира в любом случае попытаться спасти надо.

— А солдата? — вспомнил о пострадавшем замполит.

— А что солдата? — отозвался начштаба. — Подлечат его в госпитале — специалисты-кожники там хорошие...

Старший врач части беспокожно побарабанил пальцами по столу.

— Товарищи офицеры, вы, видимо, не до конца меня поняли...

— Отставить, — голосом и жестом остановил его комполка. — Напротив, все понятно, и солдату можно только посочувствовать. В отличие от другого нашего «героя». Эх-х! Моя бы воля — в порошок растер... — И полковник леденяще утавился на виновника экстренного совещания.

Вот так, впервые за свою недолгую жизнь, Умелец оказался в достаточно комфортных условиях небольшой госпитальной палаты. Если бы только быть уверенным в благополучном исходе лечения! И тогда — беспокоиться больше не о чем: кормят нормально, спать дают вволю, в домино и шашки играть можно, а телевизор — в соседней палате. Чего еще желать? Лишь бы лицо...

Лицо добросовестно обрабатывали жидкой серой мазью. Детдомовец было любопытствовал, из чего она делается, но, услышав незнакомые слова — «ферменты» и «гормональная терапия», — махнул рукой: мол, ладно, вы свое дело знаете...

Однако через несколько дней лечения внимание к Румянцеву стало ослабевать (оно, впрочем, и понятно: появились новые пациенты), хотя в перевязочную солдата вызывали регулярно. Сам Умелец теперь подолгу простаивал перед зеркалом, рассматривая ставший багрово-сизым струп, на ощупь остающийся твердым. Нет, зеркало отражением не радовало.

Дважды к детдомовцу наведывался следователь военной прокуратуры, дотошно расспрашивал о происшедшем. Даже

задал идиотский, на взгляд рядового, вопрос: а не возводит ли Рязанцев напраслину на начальника, не опрокинул ли нечаянно на себя ядовитую техжидкость сам?

— Не-е... Что ж я — дурной, себе лицо травить? — яростно запротестовал солдат и даже головой несколько раз отрицательно мотнул. — Это товарищ майор. Бутылку с кислотой сам принес, а потом забыл. И вообще: упала бутылка — ну, руку бы обжег. Не-е... — И без всякого перехода сменил тему: — А товарищу майору что будет? Ведь он же это... как его... рукоприкладство, ага?

— Разберемся, — туманно пообещал следователь-капитан.

...Рядовой Рязанцев и не догадывался, что вокруг него плетется заговор...

На двадцатый день явно незавершенного лечения, несмотря на протесты начальника кожного отделения, Умельца из госпиталя выписали — по личному распоряжению его начальника.

— Будешь долечиваться у нас в санчасти, а потом амбулаторно, — неохотно пояснил старший врач части, приехавший за рядовым.

— Это как? — не понял тот.

— В санчасть из роты ходить, — допояснил офицер. Помолчал и еще добавил: — Ну, это потом, а пока еще в палате полежать придется...

Обширный химический ожог заживал плохо, гноился, мок. В санчасти вечно не оказывалось на месте дежурной сестры, а новую порцию мази забывали приготовить. К тому же вокруг лечебного учреждения кругами ходил старшина роты, вымаливая Умельца «ну хоть на часок», потому как «в подразделении сплошной завал», и диалоги старшего прапорщика и старшего врача учебного полка порой доходили до выражений, которым мог позавидовать даже майор Ишов.

Словом, прошло дней десять — и Рязанцев стал ощущать, как кожа под глазами стягивается, а сами глазные щели начинают деформироваться.

Именно тогда детдомовец впервые серьезно обеспокоился за будущее собственного лица. Правая глазная щель расширилась, почти округлилась... Левая, напротив, сузилась до щелевидной формы, словно у наций Востока. Переносицу в центре горбинки пересекал глубокий и толстый рубец. Рубцы поменьше и многочисленные точечные поднимались высоко на лоб и пятнали щеки.

Какое счастье, что Рязанцев хотя бы успел, когда Ишов плеснул в него кислотой, инстинктивно зажмуриться и сохранил глаза!

И тем не менее Умелец хотел и продолжал верить, усиленно убеждая себя, что со временем следы химического ожога в большей мере сотрутся, заглаются. Верил — пока не произошел инцидент в курилке...

Как и многие его сослуживцы, детдомовец страдал известной пагубной привычкой, отравлявшей легкие: приучался к сигарете еще в ПТУ, а позднее, работая на заводе (деньжата там появились поболее стипендии), уже дымил весьма основательно. В армии, на солдатском семирублевом денежном довольствии, которое к тому же постоянно реквизировал на корню старшина — на приобретение утюгов, спортпринадлежностей, ткани для подворотничков и много иного — с куревом у Рязанцева дела обстояли куда хуже. Так что на первых месяцах службы, в редкие минуты отдыха, Умелец чаще всего скромно подсаживался в уголок курилки, где остальные солдаты делились новостями из писем и разглагольствовали о райской жизни после «дембеля», при сем щедро изничтожая табачные изделия, и молча ждал.

Ждать он умел. И порой его угощали целой сигаретой или оставляли солидный «бычок» — окурков Рязанцев не подбирал и из чувства своеобразной гордости сам сигарету никогда не просил. Но не всякий раз фартило — порой безденежному солдату приходилось «натошак» слушать разговоры о доме, которого в роте, да и во всей части, не было только у него одного.

Взращенный без семейного очага и ласки порой всю жизнь потом чувствует себя ущербным...

В госпитале Умельцу с куревом было проще: многие офицеры, узнав о его несчастье, отмеченном на лице, охотно оделяли рядового сигаретой-другой, а вот в санчасти пришлось бы совсем худо, если бы только старшина роты не выдал Рязанцеву его «кровные» рубли — дендовольствие за прошедший месяц, освободив от какой-то очередной дани. Впрочем, эти невеликие деньги закончились как раз перед выпиской и возвращением в подразделение.

А накануне, на одном из построений роты, Ишов сам предупредил весь личный состав: «Если только кто на Рязанцева пальцем покажет, или обзовет, или вообще — лично, вот этими руками придушу!» Увы, «отеческий» совет дошел не до всех: четверо самых крепких солдат в тот день втихую были засланы на мясокомбинат, зарабатывать колбасу для дня рождения комбата и в казарму возвратились только к вечерней поверке.

Через сутки же один из этих крепких — тот самый здоровяк, который в начале призыва какое-то время отбирал у детдомовца хлеб, — похвальнолся в курилке:

— Перед самой армией я отцу как следует рожу наквасил, когда он в очередной раз домой «на рогах» приполз. За все сквитался! И приду домой — с порога опять сразу неслабо в пятак получит! Пусть, гад, привыкает, кто теперь в доме будет хозяин!

— Не-е... Какой ты хозяин, — неожиданно для всех вдруг прервал угрожающий монолог здоровяка Рязанцев. — Тут родителя-то отдубасить маловато... Ты вот сначала свой дом займай... — И мечтательно добавил: — Эх, если бы у меня отец был... Любой, какой-никакой, я б его никогда и пальцем не тронул.

— Ну, ты, подкидыш! — неожиданно взорвался в ответ на укор здоровяк. — Ты гля, как он хайло разинул! Твое дело сиротское: получил в рожу кислотой — и сиди, помалкивай!

— Ты че, офонарел? — ткнул его в бок сосед-ефрейтор.

— Он и так ни за что пострадал, — заступился за Рязанцева еще один солдат. — И вообще, разве не слышал, что ротный сказал...

— Да плевал я, кто там чего сказал! — не дослушав, перебил защитников Умельца вконец разозленный здоровяк. — Ни за что, говоришь? А вот не хрена было по подвалам отсиживаться! В учебке — учишь, а то ишь, пригрелся под боком у старшины! И туда же: отец! Пальцем не тронул! Зато мой предок чуть что — за ремень и годами не просыхал! Да я б такого родителя... — И окончательно добил детдомовца внезапной фразой: — А ты и сам-то теперь отцом навряд ли будешь!

— Это еще почему? — тихо спросил Умелец.

— Это еще потому, как суродовали тебя — пусть и зазря, но до гроба, а за такого ни одна дура зрячая не пойдет! — выплеснул всю злобу здоровяк и замолчал, поняв, что явно хватил лишку.

Молчали и остальные солдаты, перекрестив взгляды на Рязанцева. Детдомовец медленно поднялся с лавочки и, сутулясь, тоже не сказав ни слова, с безвольно повисшими руками, побрел из курилки.

Через день после того, как детдомовца впервые обозвали уродом, его вызвали в военную прокуратуру гарнизона.

В кабинете следователя-капитана, который некогда беседовал с рядовым в госпитале, над рабочим столом висели рядышком портреты двух Ильичей. Под ними важно восседал хозяин помещения, для солидности густо обложившийся всякими бумагами. Рязанцев осторожно примостился на полумягком стуле по правую руку военного юриста. Слева от него, напротив Умельца, рядом уселись майор Ишов, комбат и заместитель командира полка по политической части.

— Товарищи офицеры, товарищ рядовой! — начал отрепетированную речь следователь. — Напоминаю вам, что восьмого августа сего года, по телефонному сообщению из гарнизонного военного госпиталя о факте причинения военнослужащему телесного повреждения, была назначена прокурорская проверка и возбуждено уголовное дело. В результате проведенного мною расследования было установлено, что в тот день, около десяти ноль-ноль, командир учебной роты майор Ишов А.Н., находясь в подвальном помещении подразделения, выплеснул в лицо своему прямому подчиненному, рядовому Рязанцеву С.И., около ста пятидесяти миллилитров концентрированной соляной кислоты, открыто содержащейся, в нарушение установленного порядка хранения ядовитых технических жидкостей, в стеклянной бутылке с водочной этикеткой. Тем самым рядовому Рязанцеву был причинен обширный химический ожог верхней части лица, без ущерба для зрения. Впоследствии пострадавшего госпитализировали, и он находился на излечении в кожном отделении гарнизонного госпиталя в течение двадцати суток, после чего был признан годным к дальнейшей строевой службе без ограничений. Учитывая, что действия майора Ишова, виновного в причинении рядовому Рязанцеву химического ожога, вызвавшего впоследствии временную потерю трудоспособности, были совершены по неосторожности, то есть без прямого умысла, поскольку офицер не предполагал наличия в бутылке ядовитой технической жидкости, а стало быть, не преследовал цели унижения достоинства подчиненного и причинения ему увечья, упомянутые действия подпадают под статью 114 Уголовного кодекса РСФСР: «Неосторожное тяжкое или менее тяжкое телесное повреждение», а так как период временной нетрудоспособности составил двадцать суток, то есть по продолжительности длился менее трех недель, химический ожог в данном случае следует отнести к категории менее тяжких телесных повреждений, за которые пункт второй вышеназванной статьи УК РСФСР предусматривает наказание исправработами на срок до одного года или общественное порицание...

Следователь выдержал паузу — опять-таки для солидности — и закончил речь:

— Однако, учитывая положительные характеристики командира учебной роты и хозяйство командования части, военный прокурор гарнизона счел возможным не привлекать майора Ишова к уголовной ответственности, но применить в отношении его меры общественного воздействия, направив постановление о прекращении уголовного дела в войсковую

часть, где проходит службу офицер, для принятия решения по этому делу коллективом офицеров на суде офицерской чести.

Еще следователь пояснил, теперь уже обращаясь к Рязанцеву лично, что если тот не согласен с постановлением о прекращении уголовного дела, то вправе подать жалобу по инстанции.

Нет, не в характере детдомовца было кому-то и куда-то плакаться, хотя главное он уловил: за его изуродованное лицо ротный никакой ответственности, по сути, не понесет. Однако неоднократное рассматривание не заживших еще до конца шрамов и отгалкивающе-безобразных глазных ниш настроило Умельца отнюдь не на лирический лад, и он решительно обратился к капитану:

— Не-е... Это, выходит, мне тоже можно в любого кислотой брызгать — и ничего? Ага?

На что следователь поморщился и нехотя ответил:

— Ну, я же уже объяснил: все решит суд офицерской чести.

Суд офицерской чести ходатайствовал перед командиром полка об объявлении майору Ишову неполного служебного соответствия занимаемой должности. Выписка из приказа была официально вручена рядовому Рязанцеву в кабинете комбата.

Через две недели новым приказом командира полка «за высокие показатели в воспитании личного состава и большой вклад в наращивание материальной базы подразделения» проштрафившегося командира роты поощрили, сняв ранее наложенное взыскание.

В тот же вечер Ишов в канцелярии громко орал, по-всякому костеря Умельца, напрочь отказавшегося от очередной ремонтной работы и заявившего, что намерен в дальнейшем посещать все учебные занятия. В конечном итоге ротный объявил строптивому подчиненному два наряда вне очереди: «за пререкания и нетактичное поведение со старшим по званию». Через сутки в подразделение зашел комбат и, узрев детдомовца на месте очередного дневального, тут же устроил Ишову страшный разнос за то, что «дневальный на тумбочке — лицо подразделения, а ты, мать твою растак, уroda на нее додумался засунуть!»

При этом подполковник не обращал внимания на открытую дверь из канцелярии в холл, где стоял сам «урод», и вовсе не старался снизить тон.

Дальше Умелец был обречен «летать» по нарядам, посыпавшимся на него как из рога изобилия: найти повод для наказания Ишову не составляло проблем — и на долю детдомовца, как правило, доставалась самая тяжелая и грязная работа.

Попытки майора Ишова сплавить куда-нибудь подальше рядового, один вид которого вызывал у ротного душевный дискомфорт, неожиданно натолкнулись на жесткий запрет командира учебного полка.

— Даже и не мечтайте, — прищутив на секунду глаза, заявил он, когда Ишов и комбат сунулись было к полковнику с просьбой перевести детдомовца в другую часть. — Он у вас так до увольнения в запас и будет дослуживать — каптенармусом или еще кем, найдем. Лицезрейте, товарищ майор, ежедневно творение рук своих и не забывайте, что по вас три статьи Уголовного кодекса плачут: за ненадежное хранение ЯТЖ, за оскорбление насильственным действием подчиненного и за умышленное тяжкое телесное повреждение, выразившееся в неизгладимом обезображивании лица. Или что — ребенок, не понимаете, что следовательно, по указанию военного прокурора, комедию ломал? А уговорить начальника госпиталя выписать пациента с не долеченными тяжелейшими химическими ожогами? А то, что старший врач части на подлог пошел: документально лечения в санчасти не оформлял? Идите, и не дай Бог я когда-нибудь услышу, что вы вашего «крестника» в чем-то ущемили! Вы ему жизнь сломали, так я сломаю вам! И чтобы по этому вопросу больше никаких разговоров! Все ясно? Свободны!

После эдакой командирской тирады Ишов стал значительно осторожнее цепляться к Умельцу, зато расправившую его злобу частично перенес на весь личный состав роты, еще более нещадно придираясь ко всему и всем. И солдаты это быстро почувствовали.

Вокруг детдомовца постепенно образовался вакуум общения. Никто не обращался к нему больше, кроме как по неотложной служебной необходимости. Никто не хотел делиться сигаретой. Никто не желал поддержать беседу о доме — единственную мечту обделенного жизнью о послеармейском будущем. Даже командир взвода почти не опрашивал Умельца на занятиях. Даже старшина роты перестал, без острой нужды, пускать его в кладовую, ранее облагороженную мастеровитыми руками рядового.

— Товарищ майор, переведите меня куда-нибудь от этого уroda, — попросил солдат. — Ну каждый день, при подъеме, да и вообще, невмоготу эту страшную рожу видеть...

И сначала заочно, а затем и в глаза, Умельца перекрестили в Урода, совершенно искренне уверовав, что все беды в подразделении именно и только от него...

Изменение внешности и перемена отношения к нему сослуживцев и ротного начальства вызвала у Урода законо-

мерную перемену в отношении себя. Первым признаком этого болезненного процесса стал первый, воровато поднятый с одной из асфальтированных аллей части окурков. Теперь Урод собирал их, сначала стесняясь, а потом и открыто. Выкуривал же в одиночестве, облюбовав себе место в дальнему углу военного городка, под кустами за мусорной кучей.

Бог знает о чем размышлял детдомовец, уединяясь ото всех в вечерние часы. Он уже не стремился следить за образцовой заправкой койки и чистотой одежды, по два дня не подшивал новый подворотничок, за что неоднократно принимал в свой адрес ругань старшины роты и командира взвода, Ишова и — солдат-сослуживцев. Урода все они постепенно привыкали ненавидеть...

Выпускные экзамены в учебном полку по времени совпали с серединой осени. Однообразная монотонная жизнь в казармах заметно оживилась: уже известны были «хорошие» и «плохие» места, куда будут отправлять выпускников «учеб-ки» для дальнейшего прохождения службы. И теперь солдаты вели бесконечные беседы на темы: «вот бы хорошо было попасть поближе к дому» или «здорово бы к родителям хоть на сутки по пути заскочить».

Урод слушал эти разглагольствования отрешенно: свою дальнейшую армейскую судьбу — каптерщика в роте Ишова, до самого дня «дембеля», он давно знал. Да и какой там из него был бы младший специалист, если половину времени обучения он ремонтировал казарму и лежал в госпитале и санчасти, а всю вторую половину «пролетал» из наряда в наряд.

Восьмигранное зеркальце детдомовец давно выбросил, а в бытовую комнату, где кругом висели большие настенные зеркала, старался заходить как можно реже, и если уж заходил — погладиться там или подшиться, то на лицо свое старался совсем не глядеть и радовался, что изуродованные щеки пока не знают бритвы. Но если подобным образом Урод и обманывал себя, то скрыться от взглядов сослуживцев он никак не мог.

...В тот вечер накануне последнего солдатского экзамена Ишов вновь заткнул Рязанцева в наряд по роте. Сам же допоздна засиделся в канцелярии: зашился с бумагами. И перед вечерней поверкой вышел в холл казармы, лелея тайную мысль: «оторваться» на ком-то из подчиненных, чтобы вновь поднакопить растраченную за день энергию. Скажи кто майору, что он — «грязный» энергетический вампир, тот бы очень удивился. Сарказм судьбы: на глаза ротному первым попался именно рядовой Рязанцев, убравшийся в бытовой комнате. Урод и в зеркало-то вовсе не смотрел, но протирал по-

лировку его рамы. Протирал-протирал да и остановился на минутку передохнуть, и как раз в эту минутку в бытовую заглянул Ишов. Гневу ротного не было предела.

— Ты! Урод хренов! — завопил майор. — Ты долго еще будешь морду свою по зеркалам изучать? Что, служба медом кажется, от безделья истрадался? Иль, может, жениться в роте вздумал — дом, дети, в казарме угол отдельный отгородить? Живо, скотина ленивая, тряпку в руки!

Помолчал, разглядывая, как детдомовец трудится, протирая полировку, и добавил, со вкусом выговорив слово:

— Урод!

— Не-е... Это вы сами меня им и сделали, — звеняще тихо произнес Рязанцев, застыв с тряпкой в руке, и Ишов вдруг разглядел, с какой лютой, неугасимой ненавистью через зеркало смотрят на него из изуродованных глазных ниш блестящие глаза солдата. Безобразное лицо его побагровело, а глубокий, идущий через переносицу шрам побелел. От двери майор даже усмотрел, с какой страшной силой сжала влажную тряпку большая ладонь рядового: на пол часто закапала вода.

— Ладно-ладно, — пошел ротный на попятную, попутно вспомнив обещание комполка в отношении «крестника» — кто его разберет, полковника, а вдруг перерешит, да и отдаст прокуратуре на растерзание, — тебе же по-русски разъяснили: без умысла все получилось, нечаянно... — и осторожно притворил дверь в бытовую комнату.

Офицер-холерик не мог знать, что именно в тот момент, когда Рязанцев услышал из уст виновника его трагедии смачное оскорбление, в сознании солдата мелькнула мысль о суициде. Но как только детдомовец на мгновение представил себя висящим, с высунутым языком, в петле под потолком туалета, солдата передернуло, и он подумал: «Не-е... Почему я?»

... Через полчаса, сразу после окончания вечерней поверки, Урод постучался в дверь канцелярии роты.

— Какого еще? — недовольно отозвался уже было собиравшийся домой Ишов.

Обезображенный солдат вошел и молча прикрыл за собой дверь.

— В чем дело? — нахмурился ротный: визит Урода его подспудно обеспокоил. — Не видишь, я занят!

— У нас в детдоме говорили, — разлепил губы Рязанцев, не спеша приближаясь к Ишову, — говорили, товарищ майор... — И вдруг выхватил из ножен на поясном ремне штык-нож, обязательный атрибут дневального по роте, и резко уда-

рил офицера в грудь, метаясь в сердце. Под треск разрываемых тканей Урод закончил фразу: — За нечаянно бьют отчаянно!

— Да, я хотел убить ротного, — сразу сознался детдомовец на допросе у уже знакомого следователя военной прокуратуры. — Не-е, не раскаиваюсь. Наоборот, жаль, что не убил. А за что — сами знаете...

...Когда Урод замахнулся штык-ножом, Ишов стоял возле своего рабочего стола и частично сумел среагировать, начав уход от удара. Холодное оружие вначале скользнуло по кости, но затем глубоко воткнулось наискосок и вниз, посреди груди. Офицер упал на колени и истерично завизжал. Нет, в канцелярию не сунулась ни одна живая душа: мало ли что взбрело в голову полоумному начальнику! Собственные нервные клетки дороже.

Урод отпустил рукоятку штык-ножа, за которую тут же ухватился коленопреклоненный майор, силящийся вытащить клинок из собственного тела. Солдат помолчал, наблюдая за офицером, и повторил, со вкусом выговорив слово:

— Отчаянно!

...И судил рядового Рязанцева военный суд, за попытку умышленного убийства через подготовку к нему. И получил детдомовец от щедрот военных юристов семь лет лишения свободы.

— За нечаянно бьют отчаянно! Семь лет! Ну и дурак! — усмехался выписавшийся из госпиталя майор Ишов в кабинете комбата. Но тот радости лучшего ученика и подчиненного отнюдь не разделял.

— Считаешь, дешево отделался, да? Все ранением свои решил? Рано в литавры бьешь: ты еще этого фрукта увидишь. Мыслью, он и через семь лет тебя достанет. Хотя...

— Да ну, ерунда, — отмахнулся Ишов. — Тоже мне, Монте-Кристо из него делаете.

— Это ты ситуацию сам до пиковой довел, — возразил комбат. — А мы еще и помогли. Думать надо было...

— Ладно, чего уж теперь, — вздохнул ротный, — раз оно случилось. Но я так рассчитываю, что уродская проблема ныне окончательно закрыта...

Но... Прошли-пролетели семь лет, и вот, в день рождения, ставший к тому времени комбатом подполковник Ишов получил на свое имя толстый почтовый конверт без обратного адреса и с надписью по краю, сбоку: «Осторожно, фото!»

Разодрав конверт, офицер вынул из него прекрасного качества цветной портретный снимок, наклеенный на толстый картон. Перед Ишовым предстало изуродованное лицо бывшего подчиненного. Минувшие годы сделали свое, и шрамы уже не столь явно выделялись на зажившей коже. Впрочем, глазные ниши так и остались деформированными.

Подполковник долго вглядывался в безобразно-отталкивающие черты. Рядовой из прошлого отвечал немым укором.

Внезапно Ишов яростно вскочил с кресла и, матерясь, стал рвать фотопортрет в клочья; плотный картон отчаянно сопротивлялся. Остатки снимка комбат истерично растоптал.

С тех пор каждый год в день своего рождения Ишов вновь и вновь получает толстый почтовый конверт без обратного адреса. Старший офицер точно знает, что и м е н н о окажется внутри, и ему до звериной злобы хочется порвать почтовое отправление, не вскрывая, но болезненное любопытство всегда берет свое. И вот уже бывший ротный долго всматривается в заученные черты, обезображенные химическим ожогом. Затем фотопортрет традиционно уничтожается.

Что ж, и в нынешнем году на личный праздник подполковник опять получил все тот же «подарок». Мрачно поглядев на толстый конверт, Ишов приказал вызванному для «отеческой» беседы ротному выйти из кабинета и извлек из упаковки очередной фотопортрет. Показалось или нет, что глазные ниши изуродованного лица стали менее деформированными?.. А-а, какая, по большому счету, разница?!

И комбат методично изодрал снимок в клочья, смахнув их в мусорное ведро. Потом вновь потребовал подчиненного в кабинет, и через несколько секунд из-за его дверей послышались знакомые «воспитательные» крики:

— Службу обозначаете! Былыми заслугами кичитесь! На них далеко не уедешь!

ДЕТСТВО В РАЗВАЛИНАХ

РАССКАЗ

Командиру вдруг показалось, что он, как в фантастическом фильме, провалился в другое измерение. Звуки стихли. Все вокруг потускнело и стало каким-то черно-серым. Это было похоже на кадры кинохроники Великой Отечественной: группа детишек, столпившихся вокруг полевой кухни, с бидончиками и кастрюльками в руках.

Дети были одеты в какое-то рваньё и производили гнетущее впечатление: некоторые босиком, руки в цыпках, замурзанные лица и голодный блеск глаз. И по поведению на своих сверстников из других городов огромной страны они походили мало: не толкались, не гомонили, вели себя очень тихо, ожидая, когда дежурный повар от души плюхнет в кастрюльку или в бидончик несколько черпаков наваристой каши с тушенкой. Получив свою порцию, молча отходили в сторону к воротам, ожидая своих товарищей.

Командир помотал головой. Повара отвлекать не стал. Подозвал дежурного офицера.

— Что за самодеятельность? — кивнул он в сторону кухни.

— Так это... Тут такое дело, — замялся офицер, — жратва остается

ПРОЗА

все равно. А это дети, русские, они тут поблизости, в развалинах живут. У родителей работы нет, хорошо — хоть живы остались. Приходят, есть просят. Вот и решили им отдавать.

— Ладно. Дежурный наряд проинструктируйте дополнительно. Пускать детей разрешаю. Только повнимательней, чтобы «сюрприз» какой-нибудь на заставу нам не принесли. Мало ли что.

Командир развернулся и пошел в «казарму», думая о том, что офицер, в принципе, прав. Еда действительно оставалась после каждого завтрака-обеда-ужина. Бойцы готовили сами, по очереди, зампотылу был свой, «налево» ничего не уходило. А нормы вполне всех устраивали, никто в подразделении не голодал, и если подкормят бойцы десяток детишек — ущерба не будет.

Однако увиденная картинка привела его в тягостное недоумение. Мать вашу гуманистическую, демократическую и правозащитную! Двадцать первый век вот-вот наступит, а тут — дети с бидончиками у солдатской кухни. Точно как в Берлине 45-го. Не хватает кинооператора с камерой. И всем — всё по барабану. Хотя... Всё они прекрасно знают и видят, только не замечают в упор. Вот если бы это были чеченские дети — тогда да, визгу бы было...

Западники пропагандистски-показательно оказывали гуманитарную помощь чеченскому населению. О бедах и страданиях чеченцев надрывались с экранов телевизоров доморощенные правозащитники, отработывая зарубежные гранты. Русским приходилось намного тяжелее. Об их проблемах все скромно умалчивали. Никому не было известно, сколько беспризорных детей в городе. Сиротами не занимался никто. Командир прекрасно знал, что у мусульман практически никто не остается сиротой. В классическом понимании этого слова. Что есть, то есть — этого у них не отнять. Если у ребенка погибли родители, его заберет к себе в семью кто-нибудь из родственников. Близких, дальних — значения не имеет. Если совсем нет родственников — все равно заберут соседи, знакомые. У них даже детских домов практически никогда не было. Ну а русские дети — понятно. В этих руинах они были никому не нужны. Выживай сам, как хочешь, если кто из немногих оставшихся русских не поможет.

Больше он подчиненным по поводу детей вопросов не задавал. Суточные наряды все равно практически каждый день инструктаж проходят. А там — и сами не маленькие, опыта хватит, чтобы на заставу никаких «подарков» не занесли. В памяти еще был свежим эпизод с сумкой, которую подбросили к посту из проходящего ежедневно поезда. Что было в

матерчатой сумке — непонятно. Поэтому решили не заморачиваться, а расстреляли сумку с безопасного расстояния. Когда «презент» взорвался, это особо никого не удивило. Единственное, что он сделал — предупредил кашеваров, чтобы еду детям давали только в дневное время. Вечером чехи обычно начинали обстрел пункта временной дислокации. Еще не хватало, чтобы кто-то из детворы под пули попал.

Время шло. Картина детишек, обступивших кухню, стала уже привычной. Да и задачи возникали каждый день новые. На скуку жаловаться не приходилось. Потом командир стал замечать, что среди всех детей бойцы привечают одного и того же парнишку. То банку консервов ему сунут, то покормят прямо на заставе, а с собой еще еды дадут.

— Что за пацан-то? — поинтересовался он при случае у одного из бойцов.

— Да он сирота. Зовут Ромкой. Отца-матери нет. Живет недалеко, в доме полуразвалившемся. Там еще бабка и дед парализованный. Они его приютили. Вот он у них — один кормилец и есть.

Жизнь в разрушенном городе текла своим чередом. Неподалеку от заставы перед началом учебного года чеченцы отремонтировали школу. Приходил важный чеченец, представился директором, просил при обстрелах — в сторону школы не стрелять, пообещав, что с той стороны стрельбы тоже не будет. И не обманул. Действительно, при самых ожесточенных обстрелах, со стороны школы не раздалось ни одного выстрела. Что, в общем-то, никого не расслабляло. Служба шла по накатанной колее.

А в начале сентября командир опять встретил возле кухни Ромку. Ответил на его приветствие. И, памятуя о начале учебного года, поинтересовался:

— Тебе сколько лет?

— Одиннадцать, — был ответ.

— А ты в школу-то ходишь?

Ромка поставил бидончик на землю, опустил глаза, помолчал, потом нехотя произнес:

— Да мне не в чем.

И только тут командир, занятый своими заботами, обратил внимание, что парнишка одет, мягко говоря, непрезентабельно. Застиранный до дыр маечка с короткими рукавами, потрепанные спортивные трико. И резиновые галоши на босу ногу, явно не соответствующие жаркой ранней осени.

— Ладно, иди.

Парнишка подхватил бидончик и пошел к воротам. Командир не отличался особой сентиментальностью, но тут у

него защемило сердце. «Необходимо ребенку помочь», — решил он про себя. А когда есть цель — надо только определить этапы пути к ее достижению. Ну а претворять свои планы в жизнь он умел. Недолго подумав, командир включил «армейскую смекалку» и раздобыл-таки хорошую одежду для Ромки. Все, что надо мальчику его возраста, было привезено из мирных краев, вплоть до кроссовок, носков и носовых платков. Затем — следующий этап. Взяв с собой пару бойцов, он направился в новенькую школу.

Безусловно, директор прекрасно его помнил и сразу изобразил уважительное внимание к пришедшему офицеру. Общий язык они нашли быстро, директор очень хотел жить в мире с подразделением, находившимся всего в трехстах метрах от его школы. Он искренне заверил командира, что у парня не будет никаких проблем, лишь бы он сам хотел учиться. А такая мелочь, как отсутствие у ребенка документов, явно не смущала обоих собеседников.

Ромку одели-обули, он при этом очень смутился и даже пытался отнекиваться, а потом отправили в школу. Камень вроде упал с души командира, но он невольно старался узнавать, как у парня идут дела. Ведь тот все равно появлялся на заставе с бидончиком во второй половине дня, когда в школе заканчивались занятия. Постепенно он узнал, что родители Ромкины пропали еще в первую войну. Больше ребенок их никогда не видел, в шесть лет оставшись сиротой. Родственников, видимо, тоже разбросало войной, они, возможно, считали Ромку погибшим. Да и что мог сделать маленький человек в пылающем городе? Хорошо, что его пригрели малознакомые русские старики. Пенсию им, само собой, никто не платил. Жили, чем придется.

Бабка летом сажала огород, дед подрабатывал на каких-нибудь подсобных работах, Ромка собирал в окрестностях куски цветмета и сдавал их. Совсем плохо им стало, когда парализовало деда. Бабушка уже не могла работать, все время находясь рядом с ним.

А тут неподалеку от их полуразвалившегося дома, в старом железнодорожном здании, поселились какие-то военные. Вот и пришел Ромка однажды к ним, когда стало уже совсем невмоготу, надеялся, что люди в камуфляже ему чем-нибудь помогут.

Своим поведением он иногда удивлял командира. Раньше, в советские времена, тот, видевший беспризорников только в кино, типа «Армия Трясогузки» или «Республика ШКИД», составил определенное мнение о них. Однако своей сдержанностью и внутренним чувством собственного до-

стоинства Ромка мог дать фору многим взрослым. Его все чаще приглашали к себе в кубрики, он стал своим для бойцов заставы. Парнишку даже в шутку называли «сыном полка». Однажды Ромка засиделся допоздна у офицеров, на дворе уже стемнело, вот-вот должен был начаться обстрел, хотя, было видно, что стрельба особо парня не пугает. Привык... Не дай бог, занять такую привычку в одиннадцать лет от роду. Поэтому было решено оставить Ромку в гостях с ночевкой. Вечером офицеры достали нехитрые съестные припасы и посадили Ромку за стол. Тот уселся, а потом, не притрагиваясь ни к чему на столе, посмотрел на всех, находившихся в кубрике и произнес: «А вы сами ели?». Этот вопрос поразил командира. Видимо, он внутренне ожидал, что парнишка, сразу жадно примется есть и, в общем-то, этому бы никто не удивился. Однако сдержанность, вежливость ребенка в шесть лет оставшегося без родителей и воспитывавшегося в прямом смысле на улице, среди развалин — поражали. Попасть в жернова первой и второй чеченских войн, став сиротой, выжить и при этом остаться человеком — немногие на такое способны.

Командир поймал себя на мысли, что не сможет с ходу сказать, видел ли он «на гражданке» ребят его возраста, которые бы в подобной ситуации так достойно вели себя. Он стал думать о том, что ребенку в этих руинах делать нечего. И однажды пришел в полуразвалившийся Ромкин дом поговорить с бабкой. Она сразу согласилась с его доводами, понимая, что перспектив в этом городе у ребенка-сироты нет никаких. Однако подробности, которые он узнал от бабки, некоторым образом привели командира в недоумение. По ее словам, отцом мальчишки был чеченец, мать — русская. Оба пропали в первую чеченскую. Неужели за эти несколько лет, прошедших между войнами, родственники не разыскали ребенка? Тогда сразу возникал вопрос: если родственники со стороны матери погибли, потерялись, то почему ребенка бросили чеченские родственники?

В общем, вопросов было больше, чем ответов.

Недолго подумав, командир решил: хрен с ними, с этими национальными загадками, пускай их историки и философы с этнографами разгадывают. А муаллимы всякие — с важным видом объясняют. Плевать, какой он национальности. Мальчишке надо помочь. Здесь и сейчас. Ребенок, он и есть ребенок. Тут он явно никому не нужен. Неизвестно, что его ждет в будущем. В этих развалинах новых «сталкеров» впору снимать...

Командир смотался в аэропорт «Северный», где не так давно открыли маленький переговорный пункт со спутниковыми

телефонами в двух кабинках. Стоимость переговоров была внушительной, но кто считает деньги, когда звонит домой, родным. Со своей матушкой он договорился быстро. Известие о том, что сын приедет с войны с ребенком, она восприняла спокойно. Мама — она и есть мама, человек, который всегда поймет, и кто всегда беззаветно и бескорыстно любит. А больше ни с кем командир не договаривался. Не с кем ему было договариваться. Жены у него не было уже. Не все женщины выдерживают роль, а точнее образ жизни жены офицера.

Потом еще было много беготни и оформление всяческих бумажек. Оказывается, в подобных случаях составляется «акт о брошенном ребенке» и еще много чего. Но офицера, закаленного в боях с нашей труднопобедимой бюрократией это не пугало. Командование бумаги подписало. Правда, не раз ему приходилось ловить в Ханкале недоуменные взгляды, однако с расспросами никто особо не лез. И один раз он удостоился еще одного взгляда — сожалеющего.

— Капитан, ну зачем тебе этот мальчик? — спросила его знакомая военврач в медсанбате. Туда пришлось тащить Ромку, чтобы его проверили на всякие «страшные» заболевания, квалифицированно осмотрели и дали хоть какую-нибудь справочку, что парень не заразный, поскольку территория, на которой они находились, считалось зоной повышенного эпидемиологического риска.

— Зачем он тебе? Ты справишься? Может, мы его с собой, в Москву заберем? — и шуточно прижала Ромку к себе.

— Да он и сам не поедет, — рассмеялся капитан, а Ромка молча кивнул в ответ, освобождаясь от ласковых рук тетеньки-врача.

Она налила Ромке чаю, а сама позвала командира в коридор, перекурить. Там, понизив голос, сказала:

— Ты знаешь, что парнишка проблемный? Не обращал внимания, что он иногда моргает часто-часто? Это могут быть последствия контузии или нервного шока. Он, скорее всего, под бомбежку попадал или артобстрел. Может, ты, все-таки, нам его отдашь? Нет? Ну, смотри... — Она совершенно по-бабьи вздохнула и быстро перекрестила его. — Удачи тебе, капитан.

Всё когда-нибудь заканчивается. Приехала новая смена. Сдали ей заставу, потом грузились со всем барахлом в вагон. Командир чуть не сорвал голос, распахивая по купе бойцов, радостных до невозможности, что командировка закончилась и они, живые почти все, возвращаются домой.

Расположившись в вагоне, бойцы стали втихаря доставать заначки. Командир, зная, что этот процесс пресечь не-

возможно, плюнул и определил старшего в каждом купе из наиболее ответственных. Оставался заключительный аккорд: без ЧП в дороге доехать домой и разоружиться.

Проверяющие, приехавшие на пару дней, во всей суете участия, естественно, не принимали. Хотя по приезду на заставу, при пересменке, пытались важно надувать щеки и давать командиру ценные указания. Командир кивал им с серьезным лицом, изо всех сил пытаясь не рассмеяться.

Истинные причины командировки «штабных бойцов» лежали на поверхности и были видны, как на ладони. Командировка в район проведения «контртеррористической операции» сроком свыше суток — и можно смело готовить на себя документы для получения удостоверения участника боевых действий. А если с начальством хорошие отношения или за пару дней злобные сепаратисты стрельнут в их сторону разок — то и представления к чему-нибудь серьезному. К награде — например.

Когда поезд двинулся в обратную сторону, проверяющие решительно заперлись в отдельном купе, откуда до конца поездки скромненько выбирались только в туалет. Они понимали, что своими холеными физиономиями и новенькими необмятыми камуфляжами слишком раздражают бойцов. Ребенка среди уезжающих даже не заметили.

В общем, за всей этой беготней командиру и присесть некогда было. Наконец к вечеру все уgomонились. Капитан вышел в тамбур и в поисках зажигалки похлопал себя по карманам. Рука наткнулась на характерную выпуклость и — его прошиб холодный пот — в карманах обнаружили две гранаты с ввернутыми запалами, которые он в суматохе забыл сдать своему тыловику. «Однако хорош бы я был, если бы на перроне места прибытия меня невзначай проверили и обвинили в попытке незаконного вывоза боеприпасов и взрывчатых веществ, — усмехнулся он. — То-то радости было бы у прокурорских! А мальчишка куда бы делся?»

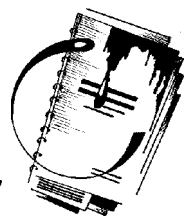
Пришлось расталкивать сладко храпящего тыловика, вскрывать один из опечатанных ящиков с боеприпасами и укладывать туда не нужные уже гранаты. Командир власть покурил в тамбуре и вернулся в купе. Поправил сползшее с Ромки одеяло. У парнишки начиналась новая жизнь — как она сложится, кто его знает?.. Но уж во всяком случае, без обстрелов, взрывов и скитаний по развалинам.

До-мой, до-мой, до-мой — стучали колеса.

Ставропольский край, г. Минеральные Воды

НАРКОВОЙНА С РОССИЕЙ

Сегодня с наркотиками и наркоманией борются спецслужбы и полиция почти всех без исключения стран, разные общественные организации и движения, вплоть до волонтеров. А сколько проводится всяческих антинаркотических мероприятий — концертов, конференций, встреч, «круглых столов», спортивных соревнований, конкурсов — несть им числа! Сюда ещё надо прибавить социальную рекламу на телевидении, радио, растяжках и плакатах. Но всё равно наркотическая зараза не иссякает и, словно гарь, расплзается по миру. Наша страна — не исключение. А ведь ничего подобного в Советском Союзе не было. Словно лес, на полях росла та же конопля, но никому и в голову не приходило курить ее. А теперь наша страна поставила рекорд. Не знаю, занесут ли его в книгу Гиннеса? Она — абсолютный лидер в мире по потреблению героина. Почти 90 процентов всех наркозависимых не слезают с него. В ООН есть показатель, говорящий о вовлечённости населения в злоупотребление опиатами. Так вот, по нему мы переплюнули Евросоюз раз в пять-восемь, а, например, Германию — в 20 раз. До 5 миллионов россиян пробовали наркотики. 15 миллиардов долларов — доход наркомафии в России за год. Разве все эти факты не говорят о наркопорабощении нашей страны?

ДОСЬЕ "МГ"

Конвейер смерти

Нас всех приобщили к чудовищным цифрам. Можно сказать, породнили с ними. Каждый год у нас в наркотическом угаре сгорает почти или более 100 тысяч человек — точной и выверенной статистики на сей счет нет, есть лишь определенные расчеты. Заметьте, сгорает в основном молодежь и, как правило, призывного возраста. Немало случаев, когда уже дети 6—7 лет жить без наркоты не могут. А вот данные Минздравсоцразвития более или менее точны. На первый взгляд, они беспристрастны, но на самом деле ужасны: ежегодно в стране примерно 100 тысяч человек снимается с учета в наркодиспансерах. Треть из них умирает. Половина считается убывшей в неизвестном направлении. Но куда может убыть наркоман? Не на Луну же? Каждые сутки в строй на место убывших становится 250 новых наркоманов. Их жизнь коротка. Пять, от силы семь лет.

Какая тут статистика? Скорее — военные сводки. В Афганистане за время, пока находились там советские войска, погибло около 15 тысяч. А сегодня ежегодно от афганского героина умирает в несколько раз больше. Если это не геноцид, то как иначе все это назвать? Наркотики — средства уничтожения людей. В таком случае, чем они отличаются от радиоактивных изотопов, отравления питьевой воды или взрывов бомб в многолюдных местах? Тот, кто это делает, — убийца.

Героин, как известно, к нам везут из Афганистана. Прежде чем попасть, к примеру, в Москву, его переправляют через Киргизию, Таджикистан, Казахстан, целый ряд российских областей. Долгий и не простой путь. Но делается он тайно, контрабандно, преступно. Причем везут не какие-то там граммы, а килограммы, десятки, а то и сотни килограммов. Ни границы, ни таможни, ни дорожно-постовая служба — ничто не помеха смертоносному грузу. Трудно сегодня сыскать город в нашей стране, где бы нельзя было купить героин!

Ситуация, как говорится в таких случаях, аховая. Наркомания разрушает истинные моральные ценности, которые являются основой психического здоровья нации. Она размывает духовность общества, реально угрожает нормальному развитию социальных отношений, способна перечеркнуть будущее нашего общества. Наркозависимые вряд ли могут решать какие-либо общественно значимые задачи. Они озабочены лишь тем, где найти наркотики или деньги на их покупку.

Опий и геополитика

Тут не грех вспомнить, как два века назад с помощью наркотиков завоевывался Китай. Эта тема достаточно изучена.

Как известно, чай и шёлк, произведенные в Китае, стали популярны в Европе, а затем и в Америке. Когда китайцы потребовали оплачивать эти товары серебром, через Ост-Индскую компанию была развернута массовая продажа им индийского опиума за тот же металл. Расчет политиков и торговцев был прост: по мере привыкания к наркотикам всё большего числа населения Поднебесной, уплаченное за китайские товары серебро со временем удастся вернуть назад. Сказано — сделано. Ост-Индская компания занялась долговременными нелегальными поставками наркотика из Индии в Китай. По некоторым данным, с 1795 по 1838 год в Китай было завезено 27 тысяч тонн опиума.

Только после этого император Поднебесной империи Даогуань решился на жесткие меры противодействия контрабанде наркотиков. К тому времени в стране насчитывалось не менее миллиона наркозависимых, а китайское серебро перекочевало в другие руки. Разрушались тысячелетние традиции, культура, нравственность.

В этой связи любопытно не отправленное английской королеве письмо китайского комиссара Линь Цзэсюя, написанное им в 1839 году. «Позвольте нам спросить, — обращался он к английской королеве, — где же Ваша совесть? Я слышал, что курение опиума по законам Вашей страны строго запрещено, потому что вред, причиняемый опиумом, очевиден. Но если уж запрещено наносить вред вашей стране, Вы еще меньше должны причинять его другим государствам. Только в некоторых областях Индии, находящихся под вашим контролем, на склонах холмов выращивается опиум. Вы, о, Правительница, конечно же, можете навсегда искоренить эти опиумные поля и засеять их зерном. Те же, кто снова попытаются посадить и продать опиум, должны быть строго наказаны. Это будет по-настоящему великая, благоразумная политика, которая увеличит общее благо и избавит всех от зла... По новым законам предписано тех, кто привозит опиум в Китай, казнить через обезглавливание или повешение. Это называется избавлением от вреда от имени и во имя человечества».

Английский капитал и пушки союзных вооруженных сил — Франции и США — добились экономического порабощения китайцев. Опий стал одним из важнейших инструментов в достижении поставленных целей.

Карл Маркс, автор «Капитала», работавший во время последней опиумной войны в 1853—1858 годы корреспондентом «Нью-Йорк дейли трибун», в своих материалах сделал несколько неумирающих выводов. В частности, он отметил, что

интенсивность незаконного распространения наркотиков внутри государства прямо пропорциональна духовной и физической деградации населения; потворствование чиновников преступникам порождает коррупцию в госаппарате и его загнивание; наркомания влечет за собою резкий рост убийств и воровства, развитие наркобизнеса ведет к созданию разветвленной преступной сети. Замеченное Марксом в XIX веке, сегодня — закономерность.

А грабли-то старые

В последнее время из уст наших высокопоставленных чиновников все чаще можно услышать о возрастающей наркоугрозе, о том, что в нашу страну с каждым годом забрасывается все больше героина, пищевого мака с примесями опия, различного рода синтетических наркотиков и даже кокаина. Всё сильнее звучит призыв квалифицировать масштабы афганского наркопроизводства в качестве правового статуса как угрозы международному миру и безопасности. Понятное дело, это компетенция Совета Безопасности и Генассамблеи ООН. Тут, как говорится, еще надо попотеть, чтобы добиться такого решения. Но есть проблемы, которые можно решить своими силами.

Возьмите наше законодательство. Разве есть в нем хоть какие-либо реальные преграды на пути вторжения наркобизнеса в духовную жизнь? Не потому ли полно случаев пропаганды наркотиков в кино, на телевидении, в журналах, в Интернете. Пропагандой наркотиков нередко весьма осознанно занимаются те, кто имеет серьёзное влияние на молодёжь, прежде всего некоторые звёзды рок-музыки и культуры. Поскольку в стране есть лица, которые ратуют за легализацию так называемых лёгких наркотиков, в частности, марихуаны, можно вполне говорить о нарколобби, которое пытается делать все, чтобы не допустить изменений в законодательстве страны, нацеленные на ужесточение борьбы с наркоманией. Достаточно вспомнить транснациональную радикальную партию «Правое дело» и ее российских активистов, известных своими требованиями декриминализации наркотиков. К числу сторонников легализации, судя по выступлениям в прессе, относилась в свое время и депутат Госдумы Г. Старовойтова, которая в 1998 году считала принятие закона Думой о наркотических средствах и психотропных веществах актом принятия репрессивных мер, демонстрирующего сочетание неграмотности и глупости в борьбе с наркомафией, симптомом регрессивного отката в целом от так называемых демократических завоеваний 1991—1992 годов.

Сегодня же, когда наркомания для общества и государства стала чуть ли не ножом, приставленным к горлу, в правительстве России заговорили о том, что отсутствие уголовной ответственности за немедицинское употребление наркотиков фактически является их легализацией.

А сколько слов сказано о нашей южной границе! Чтобы хотя бы приостановить героиновый поток из Афганистана, прежде всего необходима организация полноценных границ с государствами Средней Азии. Какие только не дают ей эпитеты! И прозрачная она, и дырявая, и пористая, и никудышная... И что же? Она как не была барьером для наркотиков, так и осталась таковой. Без наведения хотя бы элементарного порядка при ввозе товаров и въезда в Россию по-прежнему будет комфортно контрабандистам.

А ведь есть же прекрасный пример — Иран. Граница с Афганистаном здесь оборудована таким образом, что ее несанкционированное пересечение практически невозможно. Помимо обычных мер пограничного контроля — контрольно-следовая полоса, колючая проволока, технические средства наблюдения, а также воздушное и наземное патрулирование, — этот участок перекрыт глубокими рвами, непреодолимыми как для транспортных средств, так и выючных животных. Пример Ирана наглядно демонстрирует, что при наличии политической воли можно решить проблему наркобизнеса даже в стране, традиционно являвшейся ключевым узлом международной наркоторговли. У нас же дальше разговоров об укреплении границы дело (почему-то) не движется.

Хорошо продуманный боевой поход?

За разговорами о наркомании, наркотиках и наркоугрозе совершенно не слышно голоса тех, кто пытается переоценить ввод в Афганистан войск США в 2001 году после взрыва башен-близнецов в Нью-Йорке. Залезли американцы в эту страну вроде бы под благовидным предлогом — намеревались бороться с терроризмом, хотели как будто бы во что бы то ни стало ликвидировать лидера исламской террористической организации «Аль-Каида» Усаму Бен Ладена. Того самого, который с первых лет войны Советского Союза в Афганистане поддерживал тесные связи с американскими спецслужбами и являлся представителем Саудовской Аравии в этой стране. Чем дольше США и страны НАТО находятся в Афгане — срок пребывания их уже перевалил по продолжительности период нахождения там советских войск, — тем больше возникает вопросов по поводу цели вторжения.

Это уже всё начинает напоминать американскую операцию «Буря в пустыне» в Ираке. Тогда тоже на словах декларировалось одно, а на деле получилось совершенно иное. По крайней мере, можно без натяжки сказать, что мир и стабильность в Афганистане и сейчас, после девяти лет вторжения, не достигнуты. Зато в этой стране действуют почти полторы сотни тысяч иностранных военных, не считая 70 тысяч вооруженных сотрудников частных военных компаний. Почти полностью разрушено афганское государство, которое занимает постоянное место в первой тройке рейтинга несостоявшихся государств.

По данным Управления по наркотикам и преступности ООН, в Афганистане производится до 93 процентов всех опиатов в мире. Его посевы превосходят площади коки в Колумбии, Боливии и Перу, вместе взятых, и достигли почти 200 тысяч гектаров. Ежегодно собирается не менее восьми тысяч тонн опия, из которых вырабатывается примерно 1100 тонн героина. На этом делаются баснословные деньги — из данных ООН известно, что афганский наркотрафик достигает 65 миллиардов долларов в год.

А как расценивать то, что с момента начала операции «Несокрушимая свобода», со дня ввода войск объединенной коалиции в Афганистан производство опиатов выросло больше чем в 40 раз? Это, по мнению некоторых экспертов, единственный и главный результат вхождения американцев в Афганистан.

Сам собой напрашивается вопрос: а не осуществляется ли в Афганистане под прикрытием борьбы с наркотиками хорошо подготовленный и умело спланированный боевой поход НАТО как авангарда западных транснациональных компаний, нацеленный на освоение азиатских земель, богатых сырьевыми ресурсами? Удивительно последовательно завоевывается этот регион объединенными силами. Тут окапываются, судя по всему, надолго. Обустраиваются военные городки с разветвленной инфраструктурой, совершенствуются взлетно-посадочные полосы и аэродромы, налажена доставка грузов, в том числе и военных. Через воздушное пространство нашей страны проложены маршруты натовской авиации из Европы в Афганистан.

Возникает и другой вопрос: не завоевывается ли таким образом наркотерритория? Несмотря на присутствие в этом регионе представителей американских спецслужб, наркотрафик не уменьшается, а только растет. На нем в прямом смысле этого слова вскормились наркокартели, которые становятся реальным фактором формирования ситуации в Сред-

ней Азии, претендуя при этом на дальнейшее распространение своего влияния, в том числе и в политике. А их ожесточенная конкуренция за контроль над наркопотоками выливается в вооруженные столкновения и экстремистские действия. Это мы сегодня видим воочию. Ни к чему другому, как к дестабилизации и массовым беспорядкам в государствах транзита наркотиков, это не приводит.

В Интернете появилась статья американского исследователя, профессора Университета Висконсин-Мэдисон Альфреда Маккоя, который известен тем, что в своё время изложил историю о Золотом треугольнике (Маньяма, Лаос, Таиланд) наркотиков в Юго-Восточной Азии, документально показав взаимодействие между ЦРУ и наркокортелями в этом регионе. В своей новой статье он задает вопрос: «Способен ли хоть кто-нибудь принести мир в самое крупное наркотическое государство в мире»? В публикации недвусмысленно сказано, что Афганистан под управлением Хамида Карзая стал наркотическим коррумпированным государством, а экономика является нарко-экономикой. Чтобы принести мир в эту страну, полагает Маккой, необходимо восстановить афганские деревни. Продовольственные культуры должны стать надежной альтернативой опиуму. Но для этого надо не менее 10—15 лет, если не больше.

Но вряд ли стоит в ближайшее время ожидать что-нибудь похожее на такое развитие событий. На то существует множество причин. Одна из них — растущая вовлеченность ЦРУ и его ответственность за мировой наркотрафик. Правда, эта тема в политических кругах, предвыборных кампаниях и масс-медиа является запретной. Альфред Маккой сделал очень много, чтобы люди узнали об ответственности ЦРУ за мировой наркотрафик в американских военных зонах. Он пишет о том, что опиум стал стратегическим оружием афганских политических кругов в секретной войне, которую ЦРУ вело с СССР, и стал катализатором, превратившим афгано-пакистанскую границу в самый крупный в мире регион-производитель героина. Участие ЦРУ в наркотрафике в ходе советско-афганского конфликта не было для этого учреждения премьерой. В некотором роде, участие ЦРУ в выведении Афганистана на лидирующие позиции в мировом трафике героина было повторением того, что случилось ранее в Бирме, Лаосе и Таиланде в период с конца 1940-х по 1970-е годы. Эти страны также стали крупнейшими участниками наркотрафика благодаря поддержке со стороны ЦРУ. Маккой показал, как во всех этих странах ЦРУ не только позволяло, но и помогало наращивать активы антикоммунистических сил

за счет наркотиков, для того чтобы предотвратить вторжение коммунистического Китая в Юго-Восточную Азию.

С 1940-х по 1970-е годы, как и сейчас в Афганистане, поддержка ЦРУ позволила странам Золотого треугольника превратиться в крупнейших поставщиков опиума мирового масштаба. В тот же период ЦРУ вербовало сообщников на всех путях контрабанды азиатского опиума, а также в таких странах, как Турция, Ливан, Франция, Куба, Гондурас и Мексика.

Лучшим примером такого влияния ЦРУ на сегодняшних наркоторговцев, несомненно, является Афганистан, где родного брата президента Карзая, Ахмеда Вали Карзая, активно сотрудничающего с ЦРУ, и Абдула Рашида Дустума, сотрудничавшего с ЦРУ ранее, обвиняют в наркоторговле. США, по сути, сознательно воспроизвели в Афганистане ситуацию, которую они когда-то создали в Южном Вьетнаме. Там брат президента Нго Дин Ну тоже использовал наркотики для финансирования частной сети организаций, позволившей ему фальсифицировать итоги выборов в пользу Нго Дин Дьема.

Есть и ещё одна причина, по Маккою, тормозящая события. Прямо заинтересованы в наркоторговле, оказывается, крупные банки, выделяющие кредиты таким странам, как Колумбия и Мексика, прекрасно понимая, что потоки наркотиков обеспечат выплату этих займов. Известно, что некоторые крупные банки, такие, как «Сити Групп», «Банк оф Нью-Йорк» и «Банк оф Бостон», участвуют в отмывании денег, но они никогда не подвергались крупным штрафам, которые заставили бы их изменить свою политику. Из этого можно сделать вывод, что вовлеченность США в наркоторговлю является совокупностью интересов ЦРУ, крупных финансовых и криминальных кругов в стране и за рубежом. Бывший заместитель Генерального секретаря ООН Антонио Мария Коста заявил в лондонской «Обсервер», что «деньги от продажи наркотиков, представляющие собой миллиарды долларов, позволили финансовой системе устоять на пике финансового кризиса». По сообщению газеты, Коста получил доказательства того, что доходы от организованной преступности были единственным ликвидным инвестиционным капиталом некоторых банков в момент краха в 2009 году. Он утверждал, что большая часть из 352 млрд. долларов доходов, связанных с наркотиками, были таким образом поглощены экономической системой. Коста также заявил, что доказательства поглощения нелегальных доходов финансовой системой были переданы ему разведслужбами и прокурорами.

«Во многих случаях деньги от продажи наркотиков были единственным ликвидным инвестиционным капиталом. Во второй половине 2008 года ликвидность стала основной проблемой банковской системы, а ликвидный капитал играл большую роль», — сказал он.

Российские спецслужбы, как известно, не раз предоставляли своим американским коллегам и афганским властям разведанные о нарколабораториях, крупных складах наркотиков, основных маршрутах контрабанды опия и героина. Какая последовала реакция? Только однажды, в октябре прошлого года, в Афганистане в нескольких километрах от границы с Пакистаном была проведена операция по уничтожению четырех нарколабораторий. В ней участвовали представители наркоконтроля нашей страны, американского агентства по борьбе с наркотиками при поддержке сотрудников МВД Афганистана. В итоге наркомафия лишилась лабораторий по производству героина и морфина, недосчиталась одного миллиарда долларов.

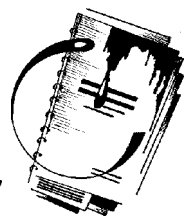
Ежегодные доходы наркомафии оцениваются примерно в 500 миллиардов долларов. Это — 8 процентов легального мирового торгового оборота, в полтора раза превышающего объемы мировой автомобильной отрасли. Есть за что воевать.

Наркотики — инструмент войны. А раз она идет, значит, есть тот, кто ею управляет. И делается это, похоже, очень умело и искусно. По крайней мере так, чтобы до поры до времени никто ничего не понимал. И пока не видно, чтобы нарковою намеревались погасить или хотя бы приостановить.

АМЕРИКАНСКАЯ «КРЫША» НАРКОМАФИИ В АФГАНИСТАНЕ

Для начала сошлюсь на цитату из книги Николая Гродненского «Четвертая мировая»:

«После введения в Афганистан ограниченного контингента советских войск (декабрь 1979 года) основное производство и контрабанда наркотиков под покровительством американцев сосредоточилось у границы с Пакистаном на территории, контролируемой моджахедами. Существенную роль в выборе Афганистана под новую базу для выращивания наркосырья сыграла изменившаяся геополитическая обстановка: американцев вышвырнули из Вьетнама, а Лаос, Камбоджа и Таиланд приняли законы, предусматривающие в отношении наркокурьеров смертную казнь. Швейцарский журналист Ричард Лабевьер автор книги «Доллары террора. Соединенные Штаты и исламисты» (вышедшей в 1999 году в парижском издательстве «Грассет») утверждает, что в Афганистане американцы «отработали методы, впоследствии использованные ими в Алжире и Центральной Азии» для получения сверхприбылей от наркооружейного «бизнеса» и финансирования террористов. Р. Лабевьер прямо указывает на тех, кто отвечает за гибель десятков тысяч людей в Ал-

ДОСЬЕ "МГ"

жире, финансируя, снабжая оружием и оказывая поддержку в СМИ террористам. Их перечень впечатляет. Автор подтверждает свои обвинения фактами, где фигурируют: ЦРУ, Пен-тагон, различные американские «мозговые центры» типа «Рэнд Корпорэйшн», «западные лидеры, определяющие степень демократичности других стран мерой их соответствия американским экономическим интересам», а также спецслужбы Пакистана, Саудовской Аравии и Судана вместе с экстремистскими группировками исламистского толка».

В конце 1980-х годов существенно возросла поддержка, оказываемая ЦРУ афганским моджахедам в борьбе против СССР. И опять военные транспорты, прибывшие в регион с оружием, обратным рейсом везли героин.

В мае 1990 года газета «Вашингтон пост» даже опубликовала статью с критикой Госдепартамента США за поддержку моджахедов, «которые не только ведут военные действия, но и отравляют наркотиками население других стран». В статье, в частности, отмечалось, что при негласной поддержке военной разведки Пакистана командиры отрядов моджахедов, входящие в крупную группировку Г.Хекматиара, содержат лаборатории по производству героина не только в Афганистане, но и в юго-западном Пакистане. Оттуда героин тремя путями — морским (в основном через порт Карачи), воздушным, а также сухопутным через Иран и частично Турцию поступал в Западную Европу и США.

С того времени ситуация не изменилась, а значительно ухудшилась. Опять вывозятся по тем же каналам, по которым в Афганистан поступает оружие. Нередко грузовики, доставляющие в эту страну вооружение из Пакистана, обратно возвращаются с грузом наркотиков.

К наркопроизводству и наркоторговле, так или иначе, имеют отношение практически все «прогрессивные» (по американским меркам) политические силы Афганистана и множество никому не подконтрольных преступных сообществ. По международным оценкам, почти 90 процентов экономики страны тесно связано с выращиванием и переработкой наркосодержащих средств.

Мало того — наркомафией в Афганистане при посредстве западных коллег в последнее время освоен качественно новый вид спутниковой связи, которая обеспечивает максимальную скрытность подготовительной части операций по переброске наркотиков через границы республик бывшего Советского Союза. По данным ООН, в странах Восточной Европы уже созданы и продолжают создаваться склады, способные принимать крупные оптовые партии, откуда афганс-

кий героин разойдется по всему континенту. Это обстоятельство серьезно беспокоит даже «островных» британцев — по данным лондонских экспертов, содержащемся в докладе, распространенном в конце апреля 2003 года, 90 процентов незаконно распространяемых в Великобритании наркотиков поступают из Афганистана.

Тем не менее, Соединенные Штаты неожиданно вычеркнули «умиротворенный» Афганистан из своего «черного списка» стран-производителей наркотиков, сняли с него все санкции и в очередной раз пообещали щедрую материальную помощь новому афганскому правительству. Ибо, как выразился президент Буш: «Этого требуют национальные интересы США».

Возможно, причину этого, мягко говоря, странного заявления следует искать в 1980-х годах. Тогда в целой серии скандалов, связанных с ЦРУ и торговлей наркотиками, оказались замешаны крупные финансовые кланы, стоящие за республиканской партией. В том числе семейство нынешнего президента США Дж. Буша в лице тогдашнего шефа ЦРУ и вице-президента США Дж. Буша-старшего.

Авторы книги «The Mafia, CIA and George Bush» прямо утверждали, что «республиканское правительство (фактически являющееся наркомафией) «закручивало гайки» против наркобизнеса, тем самым делая наркобизнес прибыльнее и прибыльнее».

В декабре 1986-го и в январе 1988 года тогдашний вице-президент Джордж Буш-старший, которому Рональд Рейган в начале 1981 года передал верховный контроль над всеми секретными специальными операциями США, признал, что был непосредственно связан с поставками рейгановской администрацией оружия Ирану (в том числе — тактических ракет). На вырученные деньги ЦРУ финансировало никарагуанских «контрас», прямо нарушая запрет Конгресса США по уже отработанной схеме: «оружие в обмен на наркотики». Причем одни и те же самолеты доставляли «контрас» оружие и оборудование, а на обратном пути везли кокаин.

Именно при Буше-старшем было основано много особых организаций спецслужб с частным статусом, которые на жаргоне секретных служб США называются «астероидами».

Справка. После того, как директор ЦРУ Уильям Кейси оказался практически нетрудоспособным, Джордж Буш-старший стал неограниченным шефом действующей во всем мире сети «астероидов», которая работала в теснейшем сотрудничестве с британскими и израильскими спецслужбами. Группа «астероидов» часто не могла быть уверенной, на кого, собственно, они работают, часто им это было все равно. Из этой среды британских секретных служб и англо-американских «астероидов»

вербовались неформальные «старшие офицеры» террористов 1990-х годов (включая «чеченских»). Эти спецорганизации занимали ведущее положение в огромных поставках оружия Ирану и Ираку во время восьмилетней войны между этими двумя государствами и в оружейном «бизнесе» (как в Афганистане, так и в Никарагуа), где в игру были постоянно включены наркосделки и операции с отмыванием денег. При этом между секретными службами из сферы НАТО и из сферы Варшавского пакта проявилась просто-таки невероятная сыгранность: спецслужбы США покупали в коммунистических Восточной Германии, Польше и Венгрии оружие и боеприпасы для «антикоммунистических» «контрас».

На этот раз дело дошло до официального расследования. Из заключения комиссии Сената США: «Мысль о возможности финансирования военных операций «контрас» за счет выручки от продажи наркотиков не вызвала отторжения у лиц, ответственных за формирование американской политики в регионе».

Следует указать, что Буш-младший не только оказался достойным преемником своего отца, но и сумел перешагнуть его. На сегодняшний день «антитеррористическими» силами в Афганистане не уничтожена практически ни одна лаборатория по производству опия-сырца и героина. Производство афганского опия-сырца в 2003 году по сравнению с предыдущим возросло на 6 процентов. Для переработки такого количества опия и получения 30—45 тыс. тонн героина в Афганистане пока нет достаточной технической базы. Видимо, за увеличением сборов опия-сырца стоит другая, пока более ограниченная цель: добиться снижения цен на первичное сырье, закупаемое у афганского населения. Подобным «экстенсивным способом» наркокартели намерены увеличивать свои доходы в ближайшие годы. При этом доля «тяжелых» наркотиков также будет неуклонно увеличиваться. Если и в дальнейшем сохранится столь динамичный рост производства нарковеществ, то стоимость героина на мировом рынке будет неуклонно падать. А снижение себестоимости наркотиков позволит охватывать все более широкие и менее обеспеченные слои населения земного шара, формируя с них наркоцивилизацию.

Албанская наркоторговля при участии спецслужб США

Из книги Николая Гродненского «Четвёртая мировая»:
«Исламистская дуга нестабильности, создаваемая на южных рубежах Евразии американскими стратегами, с полным основанием может быть также названа наркодугой. На од-

ном ее конце находится «опиумный» Афганистан, а на другом — крупный поставщик индийской конопли Албания.

Албанская часть наркодуги создавалась в 1990-е годы при участии спецслужб США по афганской модели. Согласно докладу «Всемирная геополитика наркотиков, 1997—1998 годы» независимой организации «Геополитический наблюдательный пункт по наркотикам» (базирующейся в Париже и финансируемой Европейским союзом), с начала 1980-х годов косовские албанцы «много путешествовали по Европе и Канаде». Это позволило им создать на местах структуры, которые облегчают сбыт наркотиков.

«Наркотики и деньги» — это политика в Косово, от которой все получают выгоду. «Использование доходов от наркотиков было с самого начала политическим проектом, — подчеркнул руководитель программы исследований организации Мишель Кутузи. — Тактика состояла в том, чтобы сделать Косово привлекательным для его жителей и вызвать зависть у соседей». Деньги, вырученные косовско-албанскими наркоторговцами, частично инвестировались в инфраструктуру — дороги, электроснабжение, дома, телекоммуникации, а в остальном расходовались на закупку оружия. На эти цели шла прибыль, которую давала «сеть» албанских шептаров (боевиков), созданная более двух десятилетий назад».

Весной 1997 года на слушаниях по внешней политике в парламенте Италии было отмечено, что распространение албанской наркосети идет в мире за счет нелегального вывоза «беженцев», в том числе из Косово под видом «спасения женщин и детей». Уже упомянутый руководитель программы исследований организации «Геополитический наблюдательный пункт по наркотикам» Мишель Кутузи в интервью швейцарской газете «Матэн» еще до начала вооруженного конфликта в Косово указывал, что «косовские албанцы уже контролируют 15 процентов рынка наркотиков в Европе, уступая в этом отношении только туркам». Тогда же некоторые эксперты утверждали, что проблема дестабилизации Албании и Косово — прежде всего проблема борьбы международных наркооружейных мафий за передел сфер влияния и контроль над наркопотоками.

В данном контексте следует отметить деятельное участие Запада (сначала в лице спецслужб, в частности, американских и германских) в создании и пестовании так называемой «Армии освобождения Косово» (АОК).

Именно под этой опекой албанская наркомафия, как утверждает западная пресса, стала одной из самых мощных в мире, тесно связанной с латиноамериканскими наркокарте-

лями («Тихуана» и др.), афганскими опийными плантациями талибов (Мазари-Шариф и др.), а также «филиалами» в Лаосе (Луангпхабанге), на Каймановых островах и в Лондоне.

В начале 1990-х годов в этот процесс вступила и чеченская мафия. Один из «чеченских» каналов транзита наркотиков шел из Афганистана через Узбекистан. Лидер чеченцев Дудаев поддерживал хорошие отношения и с узбеками из Северного альянса, и с пуштунами из Талибана (по планам которых Чечне предназначалась роль второй по величине перевалочной базы для наркокурьеров), на «бартерной основе» поставляя им боеприпасы и оружие из разграбленного имущества Советской армии. В то же время Масхадов, пользуясь своими давними связями в Литве и Ингушетии, наладил канал транзита из ингушского аэропорта Слепцовская в Вильнюс и Шяуляй через Уфу, Казань и Петербург, а оттуда — в порт Клайпеда, где корабли брали курс на немецкий остров Рюген и далее в Германию. Там груз уже ждали сицилийцы и албанцы.

Другая часть героина из Клайпеды следовала в Англию, под прикрытием людей из английской разведки MI-6. Еще одна часть наркотиков прямо в Вильнюсе продавалась представителям эстонской группировки. Предполагается, что ее возглавлял бывший премьер Эстонии М.Лаар, переправлявший героин в Стокгольм и далее в Вашингтон. Осуществлялось это через эстонцев, служивших в американской армии и живущих в США, а также по каналам сотрудника ЦРУ Гарри Беста — одного из американских инструкторов «независимого» Азербайджана.

После фактической оккупации Косово Албанией ситуация на наркорынках Европы сильно изменилась. Албанские криминальные сообщества стали контролировать около половины мелкого опта и розницы «тяжелых» наркотиков в Европе, а американцы создали свою розничную сеть наркоторговли в Европе, состоящую из этнических албанцев, которая контролируется несколькими высокопоставленными агентами Разведывательного управления министерства обороны США. (Похожие процессы некогда начинались и в Советской Армии в Афганистане до 1989 года, но окончание войны и скоростной вывод войск разрушили складывающиеся тайные торговые структуры.) Доставляют наркотики самолеты с опознавательными знаками ВВС США, приземляющиеся на авиабазы в Косово и Боснии, район Ферфорд в Великобритании, Рамштайн в ФРГ, Морон в Испании.

Любопытно, что 24 марта 1999 года лондонская «Таймс» (возможно, негодяя на «бессовестных» конкурентов) в оче-

редной раз сообщила, что АОК финансирует наркомафия, действующая в различных в регионах мира, в т.ч. в Швеции, Швейцарии, Германии. Сообщалось также, что лидеры АОК Хашим Тачи и Якуб Красничи стали полевыми командирами, занимаясь наркобизнесом.

В мае 1999 года, когда агрессия НАТО стала фактом, японская газета «Сакоэй ниппо» со ссылкой на источник управления по борьбе с наркотиками США писала, что управляемые АОК криминальные структуры ввозят в Европу по балканскому коридору (Турция — Болгария — Македония — Косово) не менее 6 тонн героина в месяц, быстро перехватывая значительную часть европейского наркорынка у сицилийских картелей.

На следующий день после публикации в «Сакоэй ниппо» французское «Геополитическое обозрение наркобизнеса» заявило, что считает АОК «ключевым игроком» в расширяющемся бизнесе «наркотики за оружие». И что последняя за истекший год (то есть за год наиболее активной, в том числе и вооруженной поддержки Западом «борцов за независимость») переправила в Европу героина на 2 млрд. долларов.

Через два дня подала голос и английская газета «Дейли Телеграф», поведав, что кабинет Блэра поручил спецслужбе MI-6 расследовать сообщения печати о преступной деятельности АОК. И что «начата проверка подозрительных банковских счетов в Швейцарии», через которые албанским террористам поступают деньги наркомафии.

Тем не менее, несмотря на все это, в конце мая 1999 года Б.Клинтон заявил, что Милошевичу, возможно, придется иметь дело не только с НАТО, но и с АОК! Иначе говоря, президент США публично и без тени смущения обнаружил факт партнерства США с наркотеррористами.

В заключение укажем, что одним из наиболее важных аспектов для Запада в целом и США в частности в деле построения нового мирового порядка, помимо установления геополитического контроля над ресурсами и коммуникациями (с которыми связан весь блок «нефтяных игр»), является также и обеспечение контроля над глобальным транзитом наркотиков. Без контроля за распространением наркотиков формирование наркочивилизации невозможно.

КРИВОЕ ЗЕРКАЛО ЛИБЕРАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В наше время либерально-демократическая историография предпринимает широкомасштабную попытку ревизии ключевых моментов отечественной истории.

Великая Отечественная война Советского Союза против фашистской Германии и ее союзников, семидесятилетие начала которой отмечалось в этом году, явилась важнейшей и решающей частью Второй мировой войны. Разгромив фашистских захватчиков, СССР отстоял не только свою свободу и независимость, но и способствовал избавлению от фашистского рабства других народов. Авторитет нашей страны на международной арене достиг тогда небывалой высоты. 8 мая 1945 года президент США Г.Трумэн писал И.В. Сталину: «Мы высоко ценим великолепный вклад, внесенный могучим Советским Союзом в дело цивилизации и свободы».

Но времена меняются. Вскоре подудли ветры холодной войны, и поля былых сражений стали полями идеологических битв. Нам пришлось защищать свою страну и свою армию от разного рода инсинуаций, унижающих их честь и достоинство.

В постсоветской России самое яркое событие мировой истории, как и все другие советские достижения, поначалу старались просто не замечать. В сентябре 1994 года на церемонии вывода российских войск из Германии Б.Н. Ельцин в ранге президента РФ заявил: «В войне с Германией не было ни победителей, ни побежденных». А раз так, то достойна ли эта тема большого внимания? Однако на Западе так не считали. Там четко определили, кто есть кто. После 1945 года Запад в течение почти полувека вел с Советским Союзом так называемую холодную войну, которая закончилась его развалом, то есть фактическим поражением. А это открывало путь для ревизии геополитических итогов Второй мировой войны и демонтажа системы, сконструированной в Ялте и Потсдаме.

Подвергается сомнению законность послевоенных границ, неизбежность которых была подтверждена в 1975 году специальным актом Организации по Безопасности и Сотрудничеству в Европе. Предварительно ведется огромная работа по слову исторического самосознания русского народа, профанации всего, что относится к Великой Отечественной войне. Ставится масштабная задача по изменению цветовой гаммы исторической картины и пересмотру сложившихся оценок прошлого. В большинстве стран СНГ нашу Победу откровенно унижают. В бывших советских республиках сносят памятники советским солдатам и на их месте воздвигают монументы фашистским приспешникам. А власти Молдавии расклеили поздравления ветеранам ВОВ на мусорных баках. К сожалению, в этом неблагоприятном деле принимает активное участие прозападное лобби в самой России, в которой теперь всё в дефиците, в том числе и научно обоснованная мысль.

Характерно, что все гнусные публикации и телепередачи приурочиваются к самым значительным для наших людей датам. Широкомасштабной акцией подобного рода стал 90-серийный телефильм «Вторая мировая война. Русский взгляд», показанный по государственному каналу ТВЦ. Он шел больше года. Символичны даты его начала и окончания — 9 мая и 22 июня. Авторы фильма утверждают, что имели своей целью «протоптать хоть узенькую тропинку правды в океане советской лжи». Любопытно, что создатели творения со столь претенциозным названием совершенно не чувствуют смысловых оттенков русской речи. Тропинки бывают в лесу. Но где вы видели тропинки в океане? Это, как говорится, детали. А теперь о «взгляде». Вот что выдают нам с телеэкрана: «3 февраля 1943 года весь мир услышал о Сталинградской катастрофе» (!). И это русский взгляд? Сталинградская битва

стала катастрофой для фашистской Германии, а мы праздновали Величайшую Победу. Нам еще не раз придется возвращаться к этому одиозному фильму. Пока же авторам «русского взгляда» заметим, что история, написанная злобой и ненавистью, столь же фальшива, сколь и история приглаженная и припомаженная. Под истощные заклинания о необходимости национальной самокритики и преодоления мифологизированного взгляда на действительность у народа пытаются отнять последнее, что у него осталось — Победу.

Труссы и предатели сегодня мстят победителям. Как сказал поэт-фронтовик Виктор Кочетков, «Нам победы нашей не простили ни враги, ни бывшие друзья». Фальсификаторы действуют по отработанной схеме. Любая война представляет собой сложное переплетение огромного множества объективных и субъективных факторов. И вот одни из них педалируются, другие — напротив, приглушаются, а то и просто замалчиваются. Словом, на историю смотрят, как на гастроном, где с прилавков берут то, что нравится, а то, что не подходит, — оставляют без внимания.

Зловещее уравнение

Чтобы геополитическим претензиям к России дать «законный вид и толк», доказывается равенство: «Гитлер + Фашизм + Германия = Сталин + Коммунизм + Россия». Увы, в эту антироссийскую компанию то ли по недомыслию, то ли по каким-то другим причинам включалось немало наших соотечественников. Многие из них, не будучи специалистами, ведут полемику на уровне крикливой базарной перебранки. Свои главные удары либеральная интеллигенция наносит не по Гитлеру, а по Сталину. И это неудивительно. Сталин является собой источник такого мощного излучения, который несет в себе все противоречия современной эпохи. Его жизнь и деятельность будоражит наше воображение, волнует души и умы людей, вызывая восторг и восхищение одних, негодование и ненависть других. Учитывая нашу трагическую историю, разброс мнений понятен. Но нельзя же впадать в крайности. Ведь даже некоторые влиятельные иерархи Церкви уравнивают Сталина и Гитлера. Кто-то возмущается глупыми мальчишками, забавляющимися немецкой символикой, а в Перми демократически ориентированные руководители города в рамках проекта «Мудрые мысли» расклеили в троллейбусах гитлеровские цитаты.

Сталина тоже часто цитируют, но, естественно, в совсем невыгодном для него контексте. Так, со слов писателя А.

Рыбакова, ему приписывают фразу: «Нет человека — нет проблемы». Кто бы говорил! Современные глобалисты мыслят глобально: «Нет народа — нет проблем». Те же США стирали и стирают с лица земли не отдельных людей, а целые народы. Однако антисталинисты не унимаются. Созданная ими Сталиниада достигла размеров Монблана. Какой только экзотики здесь ни встретишь! Вот журналист Л. Млечин издал 800-страничный фолиант «Иосиф Сталин: его маршалы и генералы». Он даже не помнит, что пишет в разных частях своей книги. Так, на странице 527 справедливо говорится, что маршал Б.М. Шапошников в 1945 году похоронен у Кремлевской стены, а ранее на странице 426 утверждается, что он был арестован и расстрелян в конце 1937 года. Нам сообщают, что «в 1944 году Рокоссовский хотел взять Киев» (страница 784), который уже был взят годом ранее. Автор повествует о дружеской вечеринке 21 января 1940 года по случаю дня рождения Ленина (страница 296). Здесь уже вообще творится что-то невообразимое: дата рождения Ленина перепутана с датой его смерти. А сколько «развесистой клюквы» можно найти в книге Э. Радзинского «Сталин»! Он назначил председателем Совнаркома Льва Каменева, а Георгия Жукова в 1941 году наркомом обороны. Каков же может быть уровень доверия к подобным опусам?

По мнению Чингиза Айтматова, на фронтах войны «сцепились в противоборстве не на жизнь, а на смерть две головы физиологически единого чудовища» (Гитлера—Сталина или, что то же самое, Сталина—Гитлера). Между тем по всем ключевым признакам Гитлер и Сталин были антиподами. Первый — вождь партии ультрареакционной буржуазии, второй — вождь пролетарской партии. Можно не соглашаться с Марксом в оценке пролетариата как ключевой силы общества, но никто еще его не назвал реакционным классом. Гитлер же и Сталин сравниваются по каким-то второстепенным деталям, которые можно обнаружить у политических деятелей самого разного плана. А в итоге нам говорят, что «принципиальная разница между мистером Гитлером и мистером Сталиным определяется только величиной их усов». Но кое-кого даже такой вариант не устраивает. В одном из своих выступлений президент РФ Д. Медведев заявил, что сталинский режим уничтожал собственный народ. Н. Сванидзе мгновенно подхватывает тезис: «А Гитлер-то свой народ шадил». И не только свой, — усиливают его мысль либерал-демократы. Послушать их, немцы шли к нам с добром. Ведь у них, как напомнил писатель В. Астафьев, на бляхах были выгравированы слова «Got mit uns» («Бог с нами»). С Аста-

фьевым солидарен Б.В. Соколов. Вот подлинный текст этого автора: «Белорусы под германским господством имели такие возможности для развития национального языка и духовной культуры, какие не имели при советской власти вплоть до конца 80-х—начала 90-х годов» (Соколов Б.В. Тайны Второй мировой. М., 2000, с.21). Мол, делайте вывод, граждане, кто из диктаторов лучше, а кто хуже. Интересно, читал ли эти перлы кто-нибудь из белорусов, у которых в войну погиб каждый четвертый человек?

При обсуждении интересующего нас вопроса все-таки лучше обратиться к более авторитетным источникам. Вспомним хотя бы, что в самый разгар антисталинского шабаша, устроенного Н. Хрущевым, Уинстон Черчилль публично «снял шляпу» перед своим бывшим соперником. Мы имеем в виду его известную речь по случаю 80-летия со дня рождения Сталина. Еще один весьма уважаемый во всем мире политик генерал де Голь высказался так: «Честно говоря, непонятно, почему вы так поступили со Сталиным, умаляете его заслуги, отрицаете его роль. Это был выдающийся человек, и он многое сделал для общей победы и возвышения России». К Сталину, как и к любому крупному политическому деятелю, можно предъявить ряд претензий. Я не собираюсь здесь ни обвинять его, ни возвеличивать. Но народ чтит память своего вождя, своего Верховного Главнокомандующего, приведшего его к Великой Победе. Не случайно Сталин упорно лидировал на всех этапах в Интернет-опросе россиян в рамках проекта «Имя России. Исторический выбор 2008», который проводили телеканал «Россия», Институт Российской Истории РАН и фонд «Общественное мнение». В итоге лишь в результате подтасовок и махинаций организаторам проекта удалось отгеснить советского вождя на третье место. Но все знали, что по гамбургскому счету он на первой позиции. Поэтому глумление над его памятью есть оскорбление России.

В пьесе французского драматурга Э. Ростана «Орленок» офицер королевской армии вызывает на дуэль человека, который непочтительно отозвался о Наполеоне. Когда его с удивлением спрашивают: «Как вы, посланец короля, вступаетесь за Бонапарта?» — он отвечает: «Нет, дело здесь о Франции идет. И Франции наносят оскорбление».

Фашизм — идеология расовой ненависти и национальной нетерпимости. Коммунизм, по крайней мере, в теории — идеология равенства и братства трудящихся всех стран. Фашизм утверждался на базе капиталистических отношений, коммунизм означал их отрицание. Фашизм официально осужден всем мировым сообществом, все фашистские организации

распущены и запрещены. Коммунистические же партии легально существуют практически во всех странах мира, а в некоторых государствах (например, в Китае) они являются правящими. Есть также смысл напомнить, что коммунизм — порождение не российской, а западной цивилизации.

К сожалению, человечество, пережившее в XX веке все виды фашизма, так и не смогло выработать общепринятого определения данного феномена. Во всяком случае, группе ученых, работавших над проблемой по заданию Генеральной конференции ЮНЕСКО, сделать это не удалось, что открыло возможность для разного рода спекуляций. Так, Е. Евтушенко говорит о фашизме и коммунизме как о двух встречных «мусорных потоках». Более того, отсутствие формализованного определения позволяет объявлять фашистскими кому-то неудобные политические движения. Например, коммунистов еще недавно называли красно-коричневыми. По государственному телеканалу «Культура» в авторской программе М.Е. Швыдкого «Культурная революция» обсуждалась тема «Русский фашизм страшнее немецкого», которая довела до сердечного приступа многих ветеранов. А М. Дейч выпустил провокационный трактат «Фашизм в России больше чем фашизм». В ход идет всё: грязные инсинуации, подтасовки фактов, самая беспардонная ложь. Примечательно, что слову «фашизм» придается совершенно определенная этническая окраска. Это понятие служит «черной меткой» для народов, которые стоят в очереди на получение звания «изгоев».

Наше государство официально именуется Российской Федерацией, у нас российский парламент, российский президент, а фашизм почему-то называют русским. Это как бы в дополнение к популярному на Западе словосочетанию «русская мафия», которая, между прочим, почти сплошь состоит из лиц нерусской национальности.

Придя к власти, Ельцин задался целью отождествить коммунистическую идеологию с фашистской. А ведь подобную затею еще в 1965 году высмеял знаменитый немецкий писатель Г.Бёлль. В своем отзыве на первый том мемуаров канцлера К. Аденауэра он писал: «Когда Аденауэр столь же обстоятельно, сколь и неубедительно пытается доказать, что марксизм и национал-социализм вполне можно поставить на одну доску, когда он обвиняет Советский Союз в отсутствии этических основ, он просто проявляет свою буржуазную слепоту».

Однако у Аденауэра нашлось много эпигонов. Вариации на данную тему постоянно воспроизводятся в средствах мас-

совой информации, в том числе и российских. «Фашизм, — утверждает И. Яковенко, — можно охарактеризовать как сталинизм, допускающий церковь, элементы рыночной экономики и частную собственность» (Яковенко И. Сталинизм: границы явления. «Свободная мысль», 1999, №3, с. 40). Однако имеется гораздо больше причин сблизить фашизм не с коммунизмом, а с либерализмом. В своей книге «Суд Линча» В.Э. Петровский убедительно доказал, что никакой принципиальной разницы между ними нет, коль скоро тот и другой в качестве своей массовой базы имеют мелкого буржуа, эгоистичного, ограниченного, не способного к самостоятельному мышлению и подверженного разного рода предрассудкам. Это две стороны одной медали.

В последние годы в трактовке событий 30–40-х годов XX века умышленно смещаются акценты. Складывается впечатление, что главная вина Гитлера заключена не в развязывании Второй мировой войны и уничтожении миллионов людей, а в том, что он установил в Германии антидемократический режим. А поскольку демократии западного типа не было и в Советском Союзе (России), то делается вывод, что война велась двумя тоталитарными монстрами, и неизвестно еще, какой из них хуже. Строго говоря, «монстров» было не два, а три. По мнению многих исследователей, в таких странах, как США, Англия, Франция, под демократической оболочкой также сформировался определенный тип тоталитарного общества. Как утверждает все тот же И. Яковенко, самым худшим являлся коммунистический монстр, поскольку фашистский, по крайней мере, «не осуществлял тактики выжженной земли» в отношении фундаментальных системобразующих элементов общества. Думаю, что на подобные инсинуации лучше всего ответил правоверный антикоммунист Г. Трумэн в приведенных выше словах из письма к И.В. Сталину.

До и после Пакта Молотова–Риббентропа

Пока существовал Советский Союз, его историческая роль во Второй мировой войне признавалась во всем мире. Конечно, на Западе в желтой прессе появлялись порой заявления, что, мол, не только Гитлер устроил «Drang nach Osten», но и Сталин в целях завоевания Европы планировал «Drang nach Westen». Но подобные вещи всерьез не воспринимались. Авторитетный германский журнал «Der Spiegel» в 1964 году писал: «Обе мировые войны были немецкими войнами за гегемонию в Европе, за первое место в мире. Германия созна-

тельно рисковала и, исчерпав себя, проиграла их». Ситуация изменилась после развала СССР, когда стала настойчиво внедряться мысль о равной ответственности Германии и России за развязывание войны.

Дошло до того, что такого рода утверждения гуляют уже по страницам российских учебников. Так, в учебнике, написанном А.П. Деревянко совместно с Н.А. Шабельниковой, говорится, что основной причиной войны явилась борьба «конкурирующих систем, претендующих на глобальное господство, национал-социализма и коммунизма».

В России эту точку зрения активно поддерживал писатель В.П. Астафьев. «Великая Отечественная война, — утверждал он в еженедельнике «Аргументы и факты», — не была обусловлена какой-то исторической неизбежностью. Это была схватка двух страшных авантюристов Гитлера и Сталина, которые настроили свои народы соответствующим образом. Ведь человечество, наученное Первой мировой войной и не собираюсь воевать». А за Астафьевым тут же потянулись некоторые наши наивные граждане. Вот характерное высказывание, опубликованное «Известиями» в канун 50-летия Великой Победы: «Их гнал Гитлер, а нас — Сталин. Мы вынуждены были убивать друг друга». Словом, мы находимся на положении рабов, ставших пушечным мясом в бойне, затеянной двумя диктаторами. Как все-таки можно исказить сознание людей! Ведь ясно же, что рабы никогда победить не могут. Побеждают, как сказал А. Платонов, «одухотворенные люди».

Основной фактологической базой подобных инсинуаций является так называемый Пакт Молотова—Риббентропа, который будто бы открыл шлюзы Второй мировой войны. Чтобы отместить все возможные спекуляции на данную тему, пройдемся еще раз по общеизвестным фактам. После Первой мировой войны в системе устройства мира, созданной в Версале державами-победителями, содержался зародыш нового мирового конфликта. Побежденная Германия была униженной и оскорбленной, тем более что в печати началось разнузданное поношение ее народа и культуры. Неудивительно, что немецкий империализм под предлогом ликвидации несправедливой версальской системы стал требовать передела мира в свою пользу. Характер политики Германии в 30—40-х годах XX века во многом определялся личностью ее харизматического лидера. Им стал пришедший в 1933 году на волне «национального духа» к власти Адольф Гитлер. В своей программной книге «Майн кампф» («Моя борьба»), ставшей библией нацизма, он обозначил направление геополитичес-

кого продвижения германской арийской расы: «Мы, национал-социалисты, сознательно подводим черту под внешне-политическим курсом предвоенного времени... Мы останавливаем извечное движение на Юг и Запад Европы и обращаем свой взор к землям на Востоке. Прежде всего мы имеем ввиду Россию и подвластные ей союзные государства». Даже за несколько часов до самоубийства, фюрер в своем политическом завещании писал: «И впредь целью немецкого народа должно оставаться завоевание пространств на Востоке».

Сталин прочитал «Майн кампф» еще в 20-х годах и, надо думать, сделал соответствующие выводы. После прихода Гитлера к власти в условиях нарастающей военной угрозы Москва стремилась к созданию системы коллективной безопасности, основанной на соглашении между СССР, Англией и Францией о совместном отпоре фашистской агрессии. Однако Англия и Франция своей политикой, поощряющей фашистов, лишь провоцировали войну между СССР и Германией. Венцом этой политики стал позорный мюнхенский сговор, покончивший с Чехословакией как с независимым государством. В ответ на это 2 января 1939 года влиятельный американский журнал «Тайм» объявил Гитлера «человеком года». Да и официальные круги США в основном поддержали мюнхенскую сделку.

Объективно говоря, Чехословакия, ставшая жертвой международного разбоя, тоже повела себя не лучшим образом, поскольку не обнаружила никакого стремления сопротивляться агрессии. А возможности для этого у нее имелись, и немалые. Чехословацкая армия по качеству вооружения превосходила немецкую. На тот момент Чехословакия вообще являлась мировым лидером по производству и экспорту вооружений. При нападении на Польшу немцы использовали трофейные чешские танки. Ими они в 1940 году раздавили Францию, Бельгию, Голландию, Данию, Норвегию, Люксембург и припёрли английские дивизии к побережью у Дюнкерна. К сказанному добавим, что на границе с Германией в Судетах Чехословакия имела великолепные фортификационные сооружения, превосходящие по качеству знаменитую линию Мажино. Осмотрев их, Гитлер сказал, как припечатал: «Прочность бетона не имеет никакого значения, если слаба сила воли». А ведь Сталин передал через Клементу Готвальда своим чехословацким коллегам, что Чехословакии со стороны СССР будет оказана всемерная помощь, если она станет защищаться. Всё оказалось напрасным. Переговоры, начавшиеся в 1939 году между советской, английской и французской делегациями, зашли в тупик. К тому же Польша

не захотела пропустить советские войска через свою территорию, что не давало возможность начать совместные действия против Германии. Англо-французский блок как бы давал Гитлеру понять, что СССР изолирован, у него нет союзников, и путь на Восток открыт. Истощив все другие возможности предотвращения агрессии против СССР, советское правительство заключило 23 августа 1939 года с Германией пакт о ненападении сроком на 10 лет. К нему прилагался секретный протокол о разграничении «сферы интересов» Германии и СССР в Восточной Европе. По поводу этого сказано много гневных слов. Действительно, вряд ли можно относиться к подобным документам с одобрением, но реальность такова, что они прочно вошли в дипломатическую практику.

Вспомним, например, англо-итальянское и франко-итальянское соглашения о разграничении сфер влияния в Африке или секретное дополнение к ныне действующему американо-японскому договору о безопасности. Кстати, в 1939 году Латвия и Эстония тоже подписали секретные протоколы с Германией о гарантии их границ, и в отличие от советско-германского соглашения никто не требует признать их незаконными. В горбачевском СССР комиссия под председательством академика-демократа А. Н. Яковлева осудила советско-германский договор. Ангажированные историки и журналисты сразу же поддержали данное заявление. Историк М. Гефтер писал о «пагубности военного союза Гитлера и Сталина, из которого органически проистекали возможности человекоистребления, заявленные холокостом». Но это же самое настоящее жульничество: пакт о ненападении подменяется военным союзом. Тем не менее, подобные суждения активно муссируются сейчас на Западе и, особенно в Польше, видящей в советско-германском пакте причины всех своих бед. Но ведь известно, что решение о нападении на Польшу Гитлер принял еще до заключения этого пакта.

В директиве «Вайс», подписанной им 11 апреля 1939 года. Предусматривалось даже, что после разгрома Польши Германия должна взять под свой контроль Латвию и Литву. Однако поляки постоянно заявляют, что советско-германский пакт дал возможность Гитлеру «спокойно» двигаться на Восток, привел к нападению немцев на их страну, то есть фактически к началу Второй мировой войны. Но при этом забывается, что аналогичный договор с Германией заключили 30 сентября 1938 года Великобритания и 6 декабря того же года Франция. Польша заключила его еще в 1934 году и стала рассматривать себя как союзника немецкого фашизма. Кстати, в западных средствах массовой информации тогда по-

явились утверждения, что к официальному договору прилагался секретный протокол. Именно варшавский еженедельник «Не» в № 27 за 2009 год опубликовал хронику польско-немецкой дружбы под заголовком «С Гитлером под руку». Когда Германию исключили из Лиги Наций, Польша тут же предложила немцам представлять их интересы в данной структуре. Далее она активно поддержала позорный мюнхенский сговор 1938 года четырех держав (Германии, Италии, Англии и Франции), который привел к разделу Чехословакии. За десять дней до этого польский посол уведомил Гитлера о желании польского правительства ликвидировать «Чехословацкую республику как создание искусственное... не связанное с действительными потребностями и здоровым правом народов Центральной Европы». В качестве приза Польша получила Тишинский промышленный район Чехословакии. Венгрии отошла Закарпатская Украина. Так шакалы крадутся к труппе антилопы, увидев, что лев насытился до отвала. Слова, страны-сателлиты оказались в теплой компании мюнхенцев. И уж если публиковать фотографию, на которой Сталин пожимает руку Риббентропу, то ее надо дополнить другой фотографией. На ней Гитлер, стоя на лестнице своего высокогорного дворца двумя ступенями выше Чемберлена, с превосходством взирает на английского премьер-министра.

Теперь о польских претензиях по поводу якобы оккупированных СССР земель Западной Украины и Западной Белоруссии. Во-первых, издревле эти земли входили в состав Киевской Руси. Польша просто оккупировала их, воспользовавшись татаро-монгольским нашествием на Русь. В XVIII веке Украина и Белоруссия целиком вернулись в лоно Российской Империи. В 1920 году панская Польша, едва получив независимость из рук Советской России, воспользовалась ее слабостью и опять захватила рассматриваемые территории. При этом она далеко вышла за согласованную на международном уровне так называемую «линию Керзона». 1 сентября 1939 года Германия напала на Польшу. Что в данном случае должен был делать Советский Союз? Вариантов было три:

1. Нарушив только что заключенный с Германией пакт о ненападении, немедленно ввязаться с ней в войну и ценой огромных жертв спасти государство, которое все предвоенные годы откровенно демонстрировало нам свою враждебность. И это при том, что официальные гаранты польской безопасности Англия и Франция вели до весны 1940 года так называемую «странную войну». Их солдаты, не сдвигаясь со своих позиций, играли в карты и потягивали пиво. 23 немец-

ким дивизиям на Западе противостояли 110 англо-французских. Как признавали впоследствии немецкие генералы, Гитлер мог потерпеть полный крах уже тогда. Однако англичане и французы ничего не сделали, чтобы помочь полякам. В своей книге «Вторая мировая война» У. Черчилль писал: «Этот странный этап войны на земле и в воздухе поражал всех. Франция и Англия бездействовали в течение нескольких недель, когда немецкая военная машина всей своей мощью уничтожала и покоряла Польшу. У Гитлера не было оснований жаловаться на это». Возможность разгромить фашистскую Германию в 1939 г. была, не было желания. А нам в очередной раз предлагалось таскать каштаны из огня для благоговенного Запада.

2. Безучастно взирать на развитие событий и ждать, когда Германия, разгромив поляков, аннексирует захваченные ими исторические земли Древней Руси.

3. После того, как Польша, не выдержав натиска немецких армий, фактически перестала существовать как государство, а ее правительство сбежало за границу, Советский Союз взял под защиту население Западной Украины и Западной Белоруссии. Из всех возможных вариантов данный вариант представляется наиболее разумным. Помимо всего прочего границу СССР удалось отодвинуть к Западу на 300 километров, что явилось важным фактором в будущей войне. Сталин был прагматиком.

Как восприняли это местные жители? По-разному. Известно, что в период войны и в первые послевоенные годы на Западной Украине активно действовали бандеровцы и другие националистические банды. Однако в сентябре 1939 года картина была иная. В своем исследовании, подготовленном на основе письменных свидетельств поляков, Ян Гросс говорит: «Следует отметить и сказать недвусмысленно: по всей Западной Украине и Западной Белоруссии на хуторах, в деревнях, городах Красную Армию приветствовали малые и большие, но в любом случае заметные дружественно настроенные толпы... Войска засыпали цветами, солдат обнимали и целовали, целовали даже танки». И наоборот, «части польской армии, перемещавшиеся через восточные воеводства (их всего было несколько сот тысяч солдат) во многих случаях наталкивались на недружественное отношение населения. Свои последние бои польская армия ... вела против украинцев и белорусов» («Наш современник», 2010, № 11, с. 153—154).

Нужно особо подчеркнуть: то, что произошло в 1939 году, в историческом смысле явилось не советской агрессией против Польши, а ликвидацией польской агрессии 1920 года

против России. Правомерность похода Красной Армии 1939 года отмечали даже западные политики. Британский премьер Ллойд Джордж говорил в те дни: «СССР занял территории, которые не являются польскими и были захвачены Польшей после Первой мировой войны. Было бы безумием поставить русское продвижение на одну доску с продвижением Германии». А вот, что писал Уинстон Черчилль: «Для защиты России от немецкой угрозы явно необходимо было, чтобы русская армия стояла на этой линии (линии Керзона. — В.Ч.)». Наконец, совершенно ясно, что СССР никогда не ставил своей целью ликвидацию Польши как самостоятельного независимого государства. Напротив, именно благодаря твердой позиции Советского Союза она была сразу же восстановлена после окончания Второй мировой войны, причем с приращением территории за счет части восточногерманских земель.

В 1940 году удалось мирным путем вернуть в состав СССР бывшие части Российской Империи — Прибалтику и Бессарабию. С геополитической точки зрения Литва, Латвия и Эстония являлись государствами-лимитрофами. В преддверии войны они неотвратно должны были дрейфовать либо в сторону Германии, либо в сторону СССР. Понятно, что германский дрейф не устраивал советское руководство (Германия уже в марте 1939 г. захватила район Клайпеды—Мемеля). Поэтому оно сделало всё, чтобы эти три страны опять вернулись в лоно Советского Союза. Данный шаг пришелся явно не по нраву западным демократиям. Однако объективный английский историк Алан Тейлор писал, что «права России на балтийские государства и восточную часть Польши были гораздо более обоснованными по сравнению с правом Соединенных Штатов на Нью-Мексико. Фактически англичане и американцы применили к русским нормы, которые они не применяли к себе».

Что касается Бессарабии, то в древности там обитали восточнославянские племена уличей и тверцов, и их земли тоже входили в состав Киевской Руси. Затем некоторое время здесь существовало Молдавское княжество, завоеванное могущественной Турцией. А по Бухарестскому мирному договору Бессарабия отошла России. Однако в 1918 году, воспользовавшись слабостью советской власти, эту территорию захватила Румыния. Только в июне 1940 года в результате переговоров она была возвращена СССР.

Теперь о наиболее спорном вопросе — о Финляндии. Она вошла в состав Российской Империи в результате Русско-шведской войны 1808—1809 гг. Думается, здесь император

Александр I допустил крупную ошибку. Финляндия не стала органическим дополнением русского мира. Точно так же он опрометчиво поступил в отношении Польши. В свое время Екатерина II особо подчеркнула, что она не взяла ни пяди польской земли, «всё только свое, русское» (имелись в виду земли Древней Руси). А ее венценосный внук присоединил к России совершенно чужеродные ей сугубо польские регионы. В качестве утешительного приза и Польша, и Финляндия в составе Российского государства получили большие привилегии, которых не имели русские губернии. В частности, финнам Александр I даровал территорию Карельского перешейка. И получилось так, что после превращения Финляндии в 1917 году в суверенное государство, наша граница с ним прошла не в 150 километрах от Петербурга, как при Петре I, а фактически по его предместьям. В условиях начавшейся Второй мировой это являлось существенным геополитическим дефектом. Как говорил Сталин: «Мы не можем ничего поделить с географией. Поскольку Ленинград передвинуть нельзя, придется отодвинуть от него границу».

Советское правительство просило передать СССР 2761 кв. км финской территории. Взамен оно предлагало другую, гораздо большую территорию в 5529 кв. км в Восточной Карелии. Однако Финляндия отклонила это предложение. В результате СССР пришлось с ней вести четырехмесячные боевые действия, обернувшиеся для нас большими потерями. Либерально-демократические историки рассматривают это как факт чудовищной агрессивности Советского Союза. Но ведь когда советская армия взломала так называемую «линию Маннергейма», перед ней открывался путь на Хельсинки. После этого Финляндию без труда удалось бы завоевать целиком. Но Сталин не ставил такой задачи. Характеризуя предъявленные им требования к финнам, объективный английский историк Лиддел Гарт пишет, что «они были составлены на рациональной основе с целью обеспечить безопасность русской территории, не нанося сколько-нибудь ущерба безопасности Финляндии... И даже после трудно доставшегося в марте 1940 года поражения финских войск новые советские требования были исключительно умеренными. Выдвинув столь скромные требования, Сталин проявил государственную мудрость». Как бы то ни было, *status quo* был восстановлен. Советский Союз вернулся к исторически сложившимся геополитическим границам между Россией и Европой, существовавшим уже много веков назад.

Может показаться, что Пакт Молотова—Риббентропа касается только Европы, но нельзя сбрасывать со счетов даль-

невосточные аспекты политики того времени. В 1939 году СССР пришлось вести тяжелые бои с японскими захватчиками в районе реки Халхин-гол. Являясь союзником Германии по Антикоминтерновскому пакту, Япония крайне негативно встретила подписанный в Москве документ. Отношения Японии с Германией оказались испорченными. В конечном итоге она так и не вступила в войну с Советским Союзом. Это была наша победа на дипломатическом фронте.

В любом случае Пакт Молотова—Риббентропа являлся инструментом обороны, а не агрессии. СССР выиграл у Гитлера «время и пространство». Войну удалось отодвинуть почти на два года, и началась она на 200—300 километров западнее рубежей 1939 года. Советский вождь переиграл Запад в этой игре. По авторитетному мнению бывшего американского госсекретаря Генри Киссенджера: «Мерой достижения Сталина можно считать изменение расписания войны и приоритета Гитлера». Киссенджер даже считает, что «искусство, с которым это было сделано, вполне могло быть заимствованно из учебников по дипломатическому искусству XVIII века». Но по большому счету это был не наш выбор. Когда на Ялтинской конференции 1945 года речь зашла о мюнхенской сделке, Сталин сказал Ф. Рузвельту: «Если бы не было Мюнхена, то не было бы и Пакта о ненападении с гитлеровской Германией». Президент США ничего не смог возразить советскому лидеру.

«Ледокол» идет на таран

Неопровержимые исторические факты антисоветчиков и русофобов совсем не убеждают. Более того, в их сознании мысль о равной ответственности Германии и России за развязывание войны плавно перетекает в тезис об исключительной ответственности нашей страны. Он получил широкое распространение после появления книги немецкого историка В. Мазера «Вероломство» и особенно после издания массовым тиражом книг Виктора Суворова «Ледокол» и «День М», ставших хитами либерально-демократической историографии.

Кто такой Виктор Суворов? Это сбежавший на Запад бывший советский разведчик Владимир Резун, взявший в качестве псевдонима фамилию великого русского полководца. В СССР он был заочно приговорен к расстрелу и теперь упивается редкой для преступников возможностью пережить приговорившее его государство. В предисловии к «Ледоколу», отмеченном печатью садомазохизма он пишет: «Я замахнулся на самое святое, что есть у нашего народа, я замахнулся на единственную

святыню, которая у народа осталась — на память о Войне, о так называемой «великой отечественной войне». Это понятие я беру в кавычки и пишу с малой буквы... Коммунисты сочинили легенду о том, что на нас напали, и с того самого момента началась «великая отечественная война». Эту легенду я вышибаю из-под ног, как палач вышибает табуретку».

Своим «Ледоколом» Суворов-Резун предпринял попытку протаранить всю историю Великой Отечественной войны. В этой книге автор утверждает, что руками Гитлера Сталин сокрушил Европу и готовил внезапный удар в спину Германии. 6 мая 1941 года он становится Председателем Совнаркома СССР, чтобы в качестве главы Правительства лично возглавить «освободительный поход» на Запад. А Гитлер — всего лишь мелкий политический авантюрист, пешка в руках Сталина. «Это Сталин помогал привести Гитлера к власти и сделал из него настоящий Ледокол Революции. Это Сталин толкал Ледокол Революции на Европу». Но в конце концов Гитлер все-таки опомнился и «решил, что ждать больше не стоит. Он начал первым, не дожидаясь удара освободительного топора в спину». Суворов считает, что «срок начала советской операции «Гроза» был назначен на 6 июля 1941 года». Каковы его аргументы? Общеизвестно, что Вторая мировая война началась 1 сентября 1939 года нападением фашистской Германией на Польшу. Принятый в этот день в СССР закон о всеобщей воинской повинности Суворов считает явным признаком агрессивности нашей страны, забывая сказать, что всеобщая воинская повинность в третьем рейхе была введена уже в марте 1935 года. По мнению Суворова, действия немецких войск в Польше представляли собой всего лишь локальную военную операцию. На вопрос, поставленный в «Ледоколе», кто начал Вторую мировую войну, он во второй книге «День М» категорически отвечает: «Сталин».

Идеи Суворова с готовностью подхватила вся российская либерально-демократическая тусовка. Его клеветнические измышления повторил Э. Радзинский. В его книге «Сталин» имеется глава: «Он готовился к нападению», где в благожелательном духе пересказываются все суворовские нелепицы. А Виктор Астафьев в «Аргументах и фактах» за 1998 год, не стесняясь, заявил: «Если бы немцы не напали на нас, то через год-полтора мы напали бы на них и, кстати говоря, все равно получили бы в рыло». Несостоятельность подобных бредней давно уже доказали многие серьезные исследователи, в том числе и зарубежные, как, например, израильский историк Г. Городецкий в книге «Миф «Ледокола». Накануне войны. Идеи освободительного похода на Запад, о которых

твердит Суворов, остались в 20-х годах. Главный оппонент Сталина Троцкий, постоянно обвинявший его в предательстве мировой революции, писал: «Основная идея его внешней политики — избежать большой войны».

Суворов, перелопатив огромный объем мемуарной литературы, цитирует в своих книгах высказывания многих советских маршалов, генералов и, разумеется, самого Сталина. Но ни одной улики, позволяющей назвать Советский Союз поджигателем войны, у него нет. Не считать же, в самом деле, уликой показания генерала-предателя А.А. Власова, в которых он настаивает, что Сталин готовил нападение на Германию и Румынию, что подготовка Красной Армии была ориентирована исключительно на наступление, а оборонительная операция не готовилась и даже не рассматривалась. По вопросу об объективности подобных показаний не пришли к единому выводу даже представители германской стороны. Однако именно на наступательном характере советской военной доктрины делает акцент Суворов. При этом у него понятия наступление и нападение являются синонимами. Он смешивает их сознательно, не брезгуя даже прямыми подтасовками. Эпиграфом четырнадцатой главы «Ледокола» автор взял выдержку из полевого устава РККА 1939 года. Ее полная формулировка такова: **«если враг навяжет нам войну, Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. Войну мы будем вести наступательную, перенеся ее на территорию противника»**. Выделенная часть цитаты, использованная Резуном, совершенно искажает данное положение Устава.

Еще раз подчеркнем, что наступательная доктрина имеет в виду прежде всего активное отражение армий вторжения путем перехода к контратакам и контрнаступлению. Выбор стратегии определяется, конечно, конкретной обстановкой. И здесь необходим точный расчет. Опыт показал, что оборонительная стратегия, занятая Францией в 1940 году, привела ее к катастрофе. В настоящее время в условиях возросшей мощности оружия и возможностей оперативной переброски войск наземным и воздушным путем большинство стран ориентируются не на оборонительную, а на наступательную войну. Более того, даже оборонительная стратегия предусматривает военные операции на территории противника.

Но вернемся к нашим дням. Недавно стала достоянием гласности речь Сталина перед выпускниками военных академий 5 мая 1941 года. Историки-антисоветчики всегда утверждали, что она содержала прямой призыв к нападению на третий рейх. Однако опять-таки сам Суворов приводит в ка-

честве эпитафии к одной из своих глав слова Роберта Конквеста: «Сталин был не из тех, чьи намерения объявлялись открыто». Действительно, советский вождь вряд ли мог делать на таком широком форуме рискованные политические заявления. В своей речи он всего лишь дал понять, что Германия рассматривается в качестве возможного военного противника и СССР следует переходить к политике «наступательных действий». Чтобы в случае вооруженного конфликта перехватить у врага стратегическую инициативу. Есть в том выступлении Сталина и очень актуальные для наших дней моменты. Объясняя причины молниеносного разгрома Франции в 1940 году, он особо остановился на состоянии ее вооруженных сил: *«Об армии не было заботы, и ей не было моральной поддержки. Появилась новая мораль, разлагающая армию. К военным относились пренебрежительно. На командиров стали смотреть как на неудачников, как на последних людей, которые не имея фабрик, заводов, банков и магазинов, вынуждены были идти в армию. За военных даже девушки замуж не выходили»*. Но ведь это всё один к одному относится и к современной российской армии. Исторические уроки опять не идут впрок.

Сталина сейчас в чем только не обвиняют, причем обвинения нередко противоречат друг другу. Стандартное обвинение — рвался к войне и оказался к ней не готов. Действительно, успели сделать далеко не всё, не хватило времени. Но еще более удивительно, что уже после войны, когда предвоенная ситуация полностью прояснилась, находятся люди, которые порицают вождя за то, что он якобы нагнетал обстановку, создавая миф о военной угрозе. Так академик Н.Е. Моисеев, получивший высокий титул «Космиста», издевательски писал: «Нагнетание внешней опасности было необходимо государству «рабочих и крестьян» как своеобразное оправдание тоталитаризма и той дороги к рабству, о которой так блестяще писал Хайек».

Главным козырем «суворовцев» являлся черновой проект «Соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза», датированный 15 мая 1941 года. В нем рекомендуется «упредить противника в развертывании войск и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания». Документ исполнен от руки и никем не подписан. Волкогонов считает, что подготовлен он Жуковым, а Радзинский, что заместителем начальника Генерального штаба Василевским. У этого писателя как всегда «ляпы». Василевский в то время был еще только заместителем начальника оперативного уп-

равления Генштаба. В обстановке нарастающей военной угрозы появление такого документа не вызывает удивления. Генштабу по статусу положено просчитывать разнообразные сценарии развития событий, вплоть до самых маловероятных. На документе отсутствуют положенные в таких случаях резолюции руководителей страны, и нет никаких свидетельств того, что он вообще обсуждался где-нибудь на официальном уровне. Даже если предположить, что его прочитали те, «кому положено», одобрения он не получил и в дело не пошел. После дорого обошедшейся для нас победы над крошечной Финляндией, Сталин, как никто другой понимал, что страна к войне не готова и всеми силами старался ее оттянуть. Это подтверждается и наблюдениями начальника генштаба сухопутных сил Германии Гальдера. 22 мая 1941 года он отметил в своем дневнике «решимость русских удержатся на границах». Но радзинских не смутишь. Существовал подлинник — оформленный, как положено, — твердят они. Но его, якобы, уничтожили с целью скрыть следы преступления. Ну да! Подлинник уничтожили, а черновик оставили... Любителям подобных спекуляций хочется еще раз напомнить, что подготовка к агрессии и подготовка к войне — это совсем разные вещи. Видному военному теоретику А. Жомини принадлежит глубокая мысль о том, что политический характер войны определяется не столько способами боевых действий, сколько целями воюющих сторон. Например, в 1944 году США напали на третий рейх, но правомерность этого шага тогда не оспаривал никто. Мы же, чтобы там ни твердили Суворов (Резун) и его сторонники, на Германию не нападали. 22 июня в день Всех Святых, в земле Российской воссиявших, немецко-фашистские полчища пересекли нашу границу. Плохие у Гитлера были астрологи, если они даже не смогли осмыслить роковую для него дату вторжения. Ну а если говорить о целях, то при любом раскладе получается, что Германия вела войну захватническую, а СССР — освободительную. И отнюдь не случайно она получила название Отечественной.

Кто воевал лучше?

Излюбленная тема либерально-демократической тусовки — наше «неумение воевать». А. Солженицын говорил о «бездарно выигранной войне». Можно подумать, немцы войну талантливо проиграли. Охотников показать «изнанку Победы», развеять «миф» о ней сегодня не перечсть. Если верить В. Астафьеву, то весь путь на Запад мы завалили трупами

своих солдат. «Да, она была Великой, — вторит ему Б. В. Соколов, — но только принесенными жертвами, а не достигнутыми результатами». И. Смоктуновский в фильме, сделанном на американские деньги, вещает: «Немцам, чтобы дойти до Москвы потребовалось три месяца, а советские солдаты шли до Берлина три года». Словом, проиграли соревнование на дальнюю дистанцию. Знаменитый актер, видно, позабыл или не знал: мы действительно шли от Москвы до Берлина, а вот немцы после завоевания в 1939 году Польши шли на Москву от Буга.

В 2010 году по НТВ прошел фильм с издевательски двусмысленным названием «Брест. Крепостные герои». Живых героев Бреста уже почти не осталось. Но мне хотелось здесь предоставить слово «крепостному» орденоносцу Т. Х. Зинатову. В сентябре 1992 года после посещения Брестской крепости он бросился под поезд, оставив записку со словами: «Я хочу умереть стоя, чем на коленях просить нищенское пособие для продолжения своей старости. Мы были героями, а умираем в нищете». Вот за это, господа демократы, вам прощения не будет. Упомянутый выше сериал «Вторая мировая война. Русский взгляд» прославляет немецкого солдата, который «даже замерзая под Москвой, стойко оборонял свои позиции». А как же массовый героизм наших солдат? А это, как сказал один из высших руководителей России, «эффект заградотрядов». Мне, сыну фронтовика, просто оскорбительно слышать подобные заявления.

Говоря о фашистских генералах, авторы фильма изъясняются, как гоголевские дамы, приятные во всех отношениях: «Талантливейший Манштейн», «Богиня победы Ника оставила Манштейна». Даже Гитлера они именуют не иначе как «фюрером немецкого народа», «стойким солдатом». Для наших генералов у них добрых слов, естественно, не находится: «Подготовка комсостава была хуже некуда», «основным критерием краскомов был партийный стаж, холуйство и преданность». Эти малограмотные суждения от лица науки пытаются освятить историки-конъюнктурщики, которые ведут себя как флюгеры на ветру.

Историк А. Мерцалов военную тему начал окучивать еще с конца 50-х годов прошлого века. Интересно проследить эволюцию его взглядов. В 1959 году он написал книгу «Фальсификаторы истории Второй мировой войны на службе империалистов», название которой говорит само за себя. В его труде «Источники победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.», датированном 1985 годом, можно прочесть такие строки: «Консервативные историки и

мемуаристы стремятся представить, что советские войска воевали не умением, а числом, что по своему военному искусству и морально-политическим качествам солдат и офицеров они уступали войскам противника... В их книгах бьет тезис о непомерно большом расходе сил армии при проведении тех или иных операций. Это было уже опровергнуто советскими мемуаристами и исследователями». Но времена изменились, и в интервью журналу «Родина» (2004, № 6) тот же автор заявляет: «Для сталинских методов войны вообще характерно применение примитивных методов борьбы — бутылки с зажигательной смесью, связки гранат». (Доктор исторических наук ничего не слышал о «катюшах», о лучшем танке Второй мировой войны Т-34?).

Теперь, когда весь ход войны известен и карты полностью открыты, можно, лежа в шлепанцах на диване, обвинять советских маршалов и генералов, имевших, в своем большинстве, рабоче-крестьянское происхождение, в «неадекватности оценки противника, в неумении выбирать слабые пункты в его обороне». Послушать таких историков, так войну вообще можно выиграть без ошибок и без жертв. В работе «Сталинизм и цена победы», написанной тем же А. Мерцаловым в купе с Л. Мерцаловой, нам сообщается, что «малой кровью добивались победы англичане и американцы в те же 1941—1945 гг.». Но насколько было бы меньше пролито русской крови, если бы эти союзники открыли второй фронт не в 1944 г., когда исход войны уже практически определился, а в 1942 году. Да и имел он своей целью, прежде всего не помощь СССР, а прямо противоположную задачу. Звучит парадоксально, но ведь это всего лишь парафраз известного высказывания Черчилля: «Надо немедленно создавать новый фронт против ее (Советской Армии. — В.Ч.) стремительного продвижения».

Советскому Союзу практически противостоял военный и экономический потенциал всей Европы. Слышу вопрос. А как же движение сопротивления, о котором так много и охотно говорилось в советское время? Оно действительно было. Но масштабы его не стоит преувеличивать. К примеру, во Франции потери движения составили всего 20 тысяч человек. Всем известно, что в войне против СССР наряду с Германией участвовали Италия, Венгрия, Румыния. Но мало кто знает, что в качестве добровольцев на стороне фашистов воевали французы, бельгийцы, голландцы, чехи, евреи (!). Из них были сформированы легионы «Валлония», «Фландрия», «Нидерланды», «Богемия и Моравия». Неудивительно, что цена нашей победы действительно оказалась большой. Но в рамках солженицынского тезиса о «неряшливом ведении

войны» она сознательно выпячивается, и соотношение потерь Красной Армии и вермахта с каждым годом увеличивается в пользу немцев: 3:1, 4:1, 5:1. Наконец, доктор филологических наук Б. Соколов довел эту пропорцию до 10:1.

Вообще проблема людских потерь — одна из сложнейших проблем и в истории, и в демографии. Когда счет идет на миллионы (а у наших демократов, как у героини пьесы А.Н. Островского «что больше тыщи, то мильён»), получить абсолютно точные данные нереально. К тому же известно, что военные во всех странах и во все времена стремятся занижать свои потери и преувеличивать потери противника. По преданию, когда после взятия Измаила писарь спросил А.В. Суворова, как показывать в донесении потери турок, он ответил: «Пиши поболее. Чего их, супостатов, жалеть». Во Второй мировой войне человечество понесло самые большие потери из известных до сих пор в истории. Понятно также, что потери двух основных участников СССР и Германии оказались максимальными. Но сегодня идет уже откровенное жульничество с цифрами. Советской армии противопоставляются потери одного вермахта. В число фашистских потерь не включают погибших в СССР итальянцев, венгров, румын и финнов. Наоборот, к советским потерям добавляют убитых власовцев, бандеровцев, лесных братьев и прочих предателей, перешедших на сторону гитлеровской Германии. На лицо понятийная неразбериха. Подчас невозможно понять, о каких потерях идет речь: общих или боевых, прямых или косвенных, безвозвратных или санитарных. В этом деле давно уже пора навести порядок. Весной юбилейного 2010 года секретарь комиссии по подсчету потерь в годы войны А. Кирилин сообщил журналистам последние данные: общие потери СССР за военный период составляют 26 миллионов человек, боевые потери 8 миллионов 700 тысяч человек. Соотношение боевых потерь нашей армии и фашистской 1,3:1. Однако журналист Ю. Рост в программе «Треугольник» опять твердил о пропорции 10:1. Разумеется, данные, приведенные А. Кирилиным, не окончательные, и процесс их уточнения бесконечен. Здесь много работы не только для историков, демографов, социологов, но и математиков. Последние могли бы объяснить доктору филологии Б. Соколову, что людские потери в войне представляют собой нелинейный феномен, и линейные методы подсчетов тут не действуют, поскольку дают грубые ошибки. В разгоревшейся дискуссии тон задают публицисты, а они обходят стороной фундаментальный закон относительных потерь. Суть его в том, что абсолютные цифры безвозвратных потерь у победившей стороны могут

быть как меньше, так и больше, чем у проигравшей, но в любой войне побеждает армия, у которой относительные потери, выраженные в процентах от общей численности войск меньше. Это положение не оставляет камня на камне от мифа о чрезмерных потерях.

Нельзя обойти вниманием еще один тревожный факт. В последние годы наметилась тенденция принижения Великой Отечественной войны советского народа как исторического феномена. Она проявляется не только за рубежом, но и, что самое удивительное, у нас в России. «Без поставок по ленд-лизу, — пишет Б.В. Соколов, — Советский Союз произвел бы в 2–3 раза меньше танков, самолетов и боеприпасов и вряд ли смог достичь победы на своем фронте и удержать Москву, Ленинград и Сталинград». «Всю войну пробавлялись американской тушенкой», — негодует Е. Боннэр. А что молодежь может узнать на занятиях по истории? Изучению темы «Великая Отечественная война» сейчас отводится в три раза меньше времени, чем в 1985 году. Вызывает удивление и содержание учебников. Например, в учебнике С.Т. Жуковского и С.А. Жуковской «Россия в истории мировой цивилизации» самый большой раздел по интересующей нас теме отведен десантной операции союзников в 1944 году на побережье Франции. Сталинград и Курская дуга занимают здесь куда более скромное место. А один из авторов школьного учебника истории накануне Дня Победы, не моргнув глазом, заявил с экрана телевизора: «Победу одержала антигитлеровская коалиция, в которой Советскому Союзу принадлежала далеко не ведущая роль». Специально для таких историков на всякий случай общеизвестные факты. Советско-германский фронт был самым большим по протяженности из всех фронтов Второй мировой войны. Активные действия на нем достигали 93 % общего времени вооруженной борьбы. Отдавая дань уважения всем борцам с фашизмом, нужно со всей определенностью подчеркнуть, что решающая роль в его разгроме принадлежит Советскому Союзу. На советско-германском фронте уничтожены 507 дивизий Германии и 100 дивизий его союзников. Советские войска полностью или частично освободили от фашистов территорию 13 стран. Превосходство Советской Армии признавали и наши противники. Как писал немецкий генерал Г. Блюменталь: «Нам противостояла армия, по своим качествам намного превосходящая все другие армии, с которыми нам когда-либо приходилось встречаться на поле боя».

ПУЛЯ ИЗ СОРОК ПЯТОГО...

8 февраля этого года в посольство России в Токио доставили конверт, в котором была обнаружена винтовочная пуля. «Северные территории — это наша земля», — говорилось на приложенной к патрону бумаге. Имя отправителя на письме не указано. Оно было брошено в почтовый ящик в прилегающей к Токио префектуре Канагава.

Это уже не первый «звонок» от ультраправых, которые в декабре прошлого года прислали в посольство России пакет с флаконом некой жидкости и надписью «отравляющее вещество».

Проблема «северных территорий» существует лишь в одной точке мира — в Японии. Ни ООН, ни одна другая страна не считают требование Токио «вернуть» ему российские Курильские острова либо их часть правомерным, обеспеченным международным правом или историей. Удовлетворение этого агрессивного требования означало бы как минимум пересмотр итогов Второй мировой войны. Однако сказать это прямо и тем самым закрыть проблему российской дипломатии не удастся. Здесь нам не обойтись без того, чтобы внимательно заглянуть в прошлое и приоткрыть загадку японского упрямства,

грозящего в последние дни едва ли не объявлением войны — во всяком случае, со стороны ультраправых.

Традиционно 7 февраля с.г. в Японии прошли митинги и шествия в память о первом российско-японском договоре 1855 года о торговле и границах. Именно в этот день японские правые каждый год организуют шумные демонстрации вокруг посольства России в Токио, а в этот раз они пошли ещё дальше — надругались над Российским флагом. Премьер-министр Японии Наото Канн, в свою очередь, пообещал не отступить от требований возврата Японии островов Кунашир, Итуруп, Хабомаи и Шикотан. Претензии Токио на российские Курильские острова приняли крайнюю форму, когда премьер-министр Наото Кан назвал ноябрьский (2010) визит президента Медведева на Курилы «непростительной грубостью», не дав себе труда задуматься, что таковой является как раз его собственное высказывание, влекущее неизбежную потерю лица.

Однако чему так радуются в связи с датой 7 февраля японцы? Тут стоит напомнить, каким был итог многочисленных русско-японских договоров, определявших границы влияния двух стран по берегам Охотского и Японского морей.

Русско-японский договор 1855 года о дружбе, торговле и границах был подписан 7 февраля в Симодэ уполномоченным России вице-адмиралом Е.В. Путягиным и уполномоченными Японии Цуцую Хизенно и Кавади Сайэменни. На тот момент русское правительство пришло к выводу о необходимости установления отношений с Японией для того, чтобы Англия или США не приобрели в Японии такого же влияния, какое они уже имели в Китае. Надо сказать, тогда японские власти были настроены по отношению к русским значительно благожелательнее, чем к американцам, которые добивались укрепления своего влияния угрозами. У японцев существовали даже неопределённые расчёты на помощь России в случае вооружённого конфликта с США. Путягин сумел использовать и усилить эти настроения. В ходе переговоров он потребовал закрепления за Россией Курильских островов к северу от Итурупа и острова Сахалин, кроме бухты Анива, открытия для русских кораблей портов Осака и Хакодатэ и других. При этом японцы претендовали на весь Сахалин, но, чувствуя свою слабость, предложили раздел острова вдоль 50 градусов северной широты. Не имея соответствующих инструкций из Петербурга, Путягин предпочёл оставить этот вопрос открытым. Одновременно он добился для России таких же преимуществ, какие американская миссия Перри вырвала для США, и даже получил некоторые дополнительные льготы: помимо Симоды и Хакодатэ для России открывался третий порт — Нагасаки.

Русско-японский договор 1855 года, состоявший из 9 статей, устанавливал «постоянный мир и искреннюю дружбу между Россией и Японией». Все Курильские острова к северу от острова Итуруп, остававшегося за Японией, объявлялись владениями России. А «что касается о. Карафуто (Сахалин), то он остаётся неразделённым между Россией и Японией, как было до сего времени», гласила вторая статья договора. Такая формулировка была гораздо выгоднее для России, успешно осуществлявшей колонизацию Сахалина, нежели для бессильной в то время на море Японии. Все последовавшие затем договоры с Японией подтверждали договор 1855 года, предоставлявший по существу русским подданным в Японии право консульской юрисдикции.

Вопрос о Сахалине был разрешён русско-японским договором 1875 года. Стремление Японии к захвату Кореи и вызванное этим обострение корейского вопроса заставили японское правительство поспешить с урегулированием своих отношений с Россией. Когда Россия отказалась от продажи своих прав на Сахалин, японское правительство заявило, что готово оставить остров в обмен на предоставление ему свободы рук в Корее, которую оно готовилось захватить. Россия категорически отклонила это предложение. Тогда весной 1875 года Япония начала переговоры об обмене острова на Курилы. И согласно первой статье договора 1875 года Сахалин признавался полностью принадлежащим России, а взамен Россия уступала Японии группу из 18 Курильских островов.

Затем русско-японская война 1904—1905 годов внесла свои коррективы. Находившаяся на грани истощения Япония перед мирными переговорами с Россией условилась о поддержке со стороны Великобритании и США. В январе 1905 года, ещё за полгода до окончания военных действий, президент США Рузвельт и посол Великобритании Дюранд договорились о передаче Порт-Артура и Ляодунского полуострова Японии. США секретным японско-американским соглашением Кацура — Тафта и Великобритания вторым англо-японским союзным договором 1905 года заранее признали права Японии на Корею. Портсмутский мирный договор должен был лишь застолбить закулисные договоренности этих двух стран с Японией и максимально ограничить влияние России на Дальнем Востоке. Согласно договору, Россия признавала Корею сферой японского влияния, уступала Японии арендные права на Ляодунский полуостров с Порт-Артуром и Дальним, часть Южно-манчжурской железной дороги от Порт-Артура до Куаньчэнцзы и соглашалась в статье 12 на заключение конвенции по рыбной ловле вдоль русских берегов Японского, Охотского и Берингова морей. Согласно статье 9 этого договора Россия уступала Японии юг Сахалина.

Все расставила по местам Великая Победа. Еще в феврале 1945 года состоялась Крымская (Ялтинская) конференция руководителей СССР, США и Великобритании, рассмотревшая вопросы послевоенного устройства мира и участия СССР в войне с Японией. На конференции было подписано соглашение, предусматривавшее вступление СССР в войну против Японии на стороне союзников, к месту сказать, предавших Россию в 1905-м. Условием было в том числе возвращение Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих островов; интернационализации торгового порта Дайрена с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды Порт-Артура как военно-морской базы СССР; совместная с китайцами эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен; передача Советскому Союзу Курильских островов.

Вступление СССР в войну с Японией имело особое значение для США в связи с их планом вторжения на Японские острова. Американское командование было заинтересовано в том, чтобы изгнанием японской армии с захваченных ею территорий на материке «занялись русские». Они этим и занялись. Боевые действия между японскими и советскими войсками начались сразу в нескольких направлениях. Ударные группировки Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов перешли в наступление против Квантунской армии Японии в Маньчжурии, прорвали оборону японской армии и к 20 августа продвинулись в глубь Маньчжурии. 11 августа началась Южно-Сахалинская наступательная операция по высадке десантов на южные острова Курильской гряды. Ее проведение началось после того, как под нажимом И.В. Сталина, опиравшегося на решения Крымской конференции, президент США Г.Трумэн изменил проект «Общего приказа №1», в результате чего все Курильские острова были включены в район обороны японских войск, который должен был капитулировать перед Главнокомандующим советскими войсками на Дальнем Востоке. С 19 августа по 7 сентября острова южной части Курильской гряды были освобождены от японцев. Только в плен на островах было взято около 20 тысяч японских солдат и офицеров.

Казалось бы, в деле о Курилах была поставлена точка. В «запятую» ее превратили вчерашние союзники Советского Союза — Британия и США.

Полномочный представитель США на Сан-Францисской мирной конференции, посвященной мирному урегулированию отношений с Японией, небезызвестный Джон Форстер Даллес использовал ловкий политический трюк. Вместо того,

чтобы, как это было прежде, пригласить все заинтересованные в заключении мирного договора с Японией государства к обсуждению, он лично посетил каждое из основных государств — участников конференции, лоббируя проект договора, разработанного Вашингтоном и Лондоном, и добиваясь одобрения данного проекта. Действуя таким образом, Даллес получил возможность заранее сколотить блок «единомышленников», готовых к подписанию договора. Надо ли разъяснять, против кого была направлена его инициатива?

По Сан-Францисскому договору Япония утрачивала права на Сахалин и Курильские острова, однако о том, кто при этом становился правонаследником, договор умалчивал. Тем самым США и Великобритания грубо нарушили суверенные права СССР в отношении Сахалина и Курильских островов, уже находившихся под суверенитетом Советского Союза. Американско-английский проект ограничивается лишь отказом Японии от прав, правооснований и претензий на эти территории, умалчивая об исторической принадлежности их России и о бесспорной обязанности Японии признать суверенитет Советского Союза на эти части территории СССР. Проект англосаксов, кулуарно подготовленный к конференции в Сан-Франциско, прямо противоречил тем обязательствам, которые США и Великобритания взяли на себя в Ялте, когда ещё не надо было никому доказывать, что решающая роль в разгроме фашизма принадлежит русским.

Советский проект мирного договора с Японией с поправками и дополнениями, представленный в Сан-Франциско Андреем Громыко, даже не обсуждался и не был поставлен на голосование. Естественно, что после этого под англосаксонским проектом мирного договора с разгромленной Японией подписи представителя СССР не появилось. И дело тут не только в Курилах. Советские представители резко критиковали другие положения проекта — игнорирование факта существования Китайской Народной Республики, несовершенство мер, направленных на полное предотвращение возрождения японского милитаризма, сохранение присутствия войск США в Японии после заключения мирного договора.

Хотите понять, почему Даллесу удалось так просто перечеркнуть договоренности, омытые кровью не только русских, но и американских солдат в годы войны? Пожалуйста: буквально через несколько часов после официальной церемонии подписания Сан-Францисского договора был подписан японо-американский «Пакт безопасности», предоставивший Соединённым Штатам право размещать наземные, воздушные и морские силы в Японии или вблизи неё. Было положено нача-

ло созданию «непотопляемого авианосца США» на советском Дальнем Востоке. Ключевой статьёй Договора о гарантии безопасности между Японией и Соединёнными Штатами Америки была статья 1, которая гласила: «Япония предоставляет и Соединённые Штаты Америки принимают по вступлении в силу мирного договора и настоящего договора размещать на земные, воздушные и морские силы в Японии и вблизи неё. Такие силы могут быть использованы в целях содействия делу поддержания мира и безопасности на Дальнем Востоке и обеспечения безопасности Японии от вооружённого нападения извне, включая помощь, предоставляемую по специальной просьбе Японского правительства для подавления крупных внутренних бунтов и беспорядков в Японии, вызванных путём подстрекательства или вмешательства со стороны одной, двух и большего числа иностранных держав».

А ещё раньше, в ходе обсуждения договора в Сан-Франциско, Сенат США принял резолюцию, в которой говорилось: «Предусматривается, что условия Договора не будут означать признание за Россией каких бы то ни было прав или претензий на территории, принадлежавшие Японии на 7 декабря 1941 года, которые наносили бы ущерб правам и правооснованиям Японии на эти территории, равно как не будут признаваться какие бы то ни было положения в пользу России в отношении Японии, содержащиеся в Ялтинском соглашении».

Приняв вчерашнего врага в объятия, США предали союзника по самой страшной в истории войне.

Вовсе не отсутствие у Японии мирного договора с СССР и его правопреемницей — Российской Федерацией не даёт спать японским реваншистам. Их используют в своей антирусской политике всё те же международные силы, которые превратили безъядерную и демилитаризованную Японию в ударный «кулак» на дальневосточных границах России. Война продолжается. И пусть методы противоборства изменились, наступление на Россию идёт по всему периметру её границ — от Калининграда до Сахалина. Превратить соседей России из друзей во врагов остаётся главной стратегической задачей США и НАТО в Евразии. Очередной всплеск «островной истерии» в Токио — тому подтверждение.

Правительство Японии, отвергнув предложение Москвы о создании свободной экономической зоны на Курилах, ответило постановлением японского парламента, в котором острова Итуруп, Кунашир, Шикотан и Хабомаи названы... «исконными территориями» Японии. «Политкорректность» Москвы довела дело до того, что раздающиеся из Токио оскорбления в адрес России и её политического руководства

звучат теперь на весь мир. И мир внимательно присматривается: чем ответит Москва на наглый вызов?

Японцы полагают, что в России сегодня готово продаваться всё. Однако дело даже не в японцах. Пуля, долетевшая в российское посольство в Токио из 45-го года, вылетела не из японского ствола. Осознать это нужно предельно ясно — и в соответствии с этим выстраивать «линию обороны».

От редакции

В феврале этого года премьер-министр Японии Наото Кан на весь мир объявил четыре острова Курильской гряды временно оккупированной Россией территорией, принадлежащей Японии. Столь нагло японские официальные власти еще не действовали. И наглость эта была так же **публично** поддержана Вашингтоном.

Сразу после этого, как сказано выше, перед нашим посольством в Токио японские реваншисты подожгли и растоптали российский флаг, а в само посольство по почте ими была отправлена пуля от винтовки времен Второй мировой войны. Когда же наш министр иностранных дел потребовал извинений от официальных японских властей за надругательство над российским государственным флагом, премьер-министр Наото Кан, заявил, что не видит в этих действиях ничего предосудительного.

В прошлом году весь мир увидел, что случилось с президентом Польши Л. Качиньским после его наглых, бесцеремонных, русофобских высказываний.

В марте этого года Япония подверглась серии страшных подземных ударов (до 9 баллов). Вслед за ними последовали разрушительные цунами, затопившие ее прибрежные территории. Стихийное бедствие унесло более 20 тысяч человеческих жизней. Произошли аварии на трех атомных станциях, сильному радиоактивному заражению подверглись почва, морская вода и атмосфера. Япония была вынуждена обратиться к России за помощью, и две группы наших спасателей прибыли в район бедствия.

Растоптанный российский флаг и пуля, отправленная в наше посольство, бумерангом возвратились к тем, кто возмечтал о новой войне. Высшие силы то и дело напоминают о себе зарвавшимся наглецам. И теперь правительству Японии надо будет долго работать по восстановлению разрушенного и упорно думать о сохранении жизни на своих имеющих острова вместо того, чтобы зариться на чужие. Потому что в противном случае можно потерять абсолютно всё.

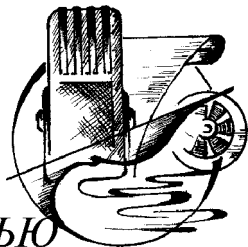
Игорь ПЫХАЛОВ
Игорь БОЙКОВ

БУДЕМ БОРОТЬСЯ ЗА ПРАВДУ

Имя петербургского историка Игоря Пыхалова широко известно читающей публике. В первую очередь, тем, кто интересуется подлинной военной и политической историей нашей страны. Игорь Пыхалов — один из крупнейших российских специалистов, отстаивающих в своих трудах историческое достоинство СССР и России. Его книга «Великая оболганная война», без сомнения, является одним из значимых исторических исследований, реально противодействующих переписыванию истории современными фальсификаторами всех мастей.

Игорь Бойков. Игорь Васильевич, Вы наверняка читали нашу шумевшую статью Подрабиника. Кто, на Ваш взгляд, заинтересован в очернении истории Великой Отечественной войны: это инициатива демшизы или же это заказ власти? Быть может, путём подобного рода скандальных статей в обществе запускается пробный шар?

Игорь Пыхалов. Такие действия проистекают из двойственной природы нынешнего режима. С одной сторо-

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

ны современная власть возникла в результате уничтожения Советского Союза, поэтому для своей легитимизации она должна чернить и хаять советский период нашей истории, в том числе и историю Великой Отечественной войны. Но с другой стороны, в отличие от откровенных предателей, которые находились у власти в 90-е годы, у нынешних хозяев Кремля перед глазами есть примеры Слободана Милошевича и Саддама Хусейна. Безопасность кремлевских обитателей зависит от существования нашей страны. Без России они — никто. Волей-неволей они хоть как-то должны заботиться о государственной безопасности. Поэтому какие-то усилия прилагаются к тому, чтобы наша страна хоть как-то оставалась на плаву. Имитируют патриотическую пропаганду. За последние несколько лет мы наблюдаем ряд косметических шагов в этом направлении. В том числе, открытие барельефа со Сталиным на улице Коммуны в Петербурге, или же восстановление доски в московском метро со словами сталинского гимна, что вызвало истерику либералов. Однако на двух стульях не усидишь. Плюрализм в одной голове — это шизофрения. Вот, скажем, создаётся пресловутая комиссия по борьбе с фальсификацией истории, но туда входят рьяные фальсификаторы вроде Николая Сванидзе, и с ней сотрудничают другие фальсификаторы вроде Татьяны Бушуевой.

И.Б. Современное российское кино об Отечественной войне является инструментом оболванивания народа. Все эти «Штрафбаты» и «Московские саги»... Обратите внимание, какие образы там создаются и настырно внедряются в массовое сознание. Если комиссары, например, то обязательно со злобными рожами и блатными манерами из 90-х. В них же нет ничего советского. Кто противостоит подобному потоку? Слышен ли голос профессиональных историков? Или же защита исторического достоинства нашей страны — удел энтузиастов-одиночек?

И.П. Сейчас никакой поддержки государства тем, кто действительно выступает против фальсификаций и переписывания истории, не оказывается. А все вами названные фильмы спонсируются из госбюджета. Михалков и компания получают щедрые дотации. В том же Институте истории и Институте военной истории сидят все эти бушуевы, которые в 90-е годы всю участвовали в кампании по дискредитации прошлого, в погроме СССР, а теперь вдруг оказываются в роли стражей нашего исторического достоинства. Лично я от государства ни копейки не получал и не получаю.

И.Б. Зато вызвали к себе пристальный интерес прокуратуры.

И.П. Она отработывала донос. Хотя должен заметить, что прокуратура в целом вела себя довольно прилично. Меня выз-

вали в Москву с просьбой дать объяснения. Я был не прочь побеседовать с органами, так как никакой вины за собой не знаю. Всё, что я пишу, — основано на фактах. Однако ездить в Москву и обратно за свой счёт для меня накладно. Поэтому я написал им письмо, что готов дать объяснения, если они оплатят мне дорогу или же передадут дело в органы петербургской прокуратуры. После этого они меня не беспокоили.

И.Б. Возможно ли восстановление исторической справедливости в будущем?

И.П. Тенденция охаивать прошлое идёт не только от власти, но и от настроений в обществе. Здесь работает вот какой механизм. Я уже не раз об этом говорил: все люди, все жители нашей страны, которые на момент развала СССР были взрослыми, в той или иной мере несут ответственность за это. В подавляющем большинстве они этому не препятствовали, многие голосовали за Ельцина, ходили на демократические митинги. При их попустительстве и даже прямом содействии была разрушена страна, подвергнуто разгрому всё наше общество. И они сами, за редким исключением, ничего от этого не получили. Особенно интеллигенция, которая так буйствовала в конце 80-х. И от осознания этого факта им особенно обидно. Очень сложно признаться себе в том, что был идиотом. Далек не каждый решится на подобное признание самому себе или же своим детям. Остаётся искать какие-то самооправдания. Поэтому в распространении подобных настроений легко просматривается механизм психологической защиты. Это проявление синдрома Иуды. Ведь если допустить, что СССР действительно был «империей зла», то факт предательства этим как бы нивелируется. Однако сейчас новое молодое поколение не несёт в себе иудинского комплекса. Общаясь с молодой аудиторией, могу сказать, что их взгляды на исторические события гораздо более трезвые и взвешенные. Хотя, конечно, наша молодёжь необразованна, она мало что знает. Но здравый смысл у неё, безусловно, присутствует. Думаю, восстановление исторической справедливости во многом зависит и от смены поколений.

И.Б. А как вообще защититься рядовому гражданину от манипуляции сознанием? Что может позволить в наше время сохранить ясный ум?

И.П. Помимо всех тех недостатков, которые есть у современной России, есть и некоторые достоинства. Например, информация стала гораздо доступнее, чем раньше. Хотя ставить этот факт в заслугу либералам не стоит. Ибо есть два способа скрыть правду. Первый — это засекретить вообще всё и запретить распространение любой информации. Такой способ использовался в советское время. Второй же — и бо-

лее действенный — создать информационный шум, чтобы в потоках противоречащей друг другу информации всё перемешалось. И тогда крупица правды окажется погребена под тоннами откровенных домыслов, фальсификаций и лжи. Урядового обывателя создастся впечатление, что вообще ничего неизвестно, всё недостоверно, и верить нельзя вообще ничему. Я, например, когда хочу установить подлинность того или иного исторического факта, иду в архив. Причём, ради этого даже специально еду из Петербурга в Москву. Большинство архивов сейчас открыто и общедоступно. Однако туда за исключением очень узкого круга любителей истории, которые действительно хотят разобраться в вопросе, никто не ходит. Остальные предпочитают верить телевизору и газетам.

И.Б. Переписывание и фальсификация истории, которое происходит в столь огромных масштабах, — это ведь грандиозная операция по манипулированию сознанием, по оболваниванию целых поколений.

И.П. Так и есть. Вот мои оппоненты пытаются доказать, что я необъективен, и исторические события должны рассматриваться с разных точек зрения. Однако во всех исторических событиях есть, как минимум, две правды, а иногда их ещё больше. Задача наших историков состоит в том, чтобы защищать наше прошлое, нашу страну, нашу точку зрения. Здесь должен соблюдаться принцип, сформулированный одним американским политиком: моя страна права, потому что это моя страна. Это разумный подход. Однако у нас культивируется прямо противоположный взгляд, усиленно навязывается комплекс вины. Даже если брать два возможных подхода для оценки того или иного исторического события, то всегда выбирается именно тот, который является наихудшим для нашей страны. Вот возьмём советско-польскую войну 1919 — 1920 годов. Тогда Польша напала на нашу страну, захватила Киев. Это была именно агрессия с их стороны, хотя теперь и пытаются доказать обратное. И хотя мы погнали их потом до Варшавы, но всю войну в целом, скорее, проиграли. Был заключён мирный договор, по которому Польше были уступлены территории Западной Украины и Западной Белоруссии. Однако нынешние либеральные обличители советского прошлого действия Польши никак не осуждают, скорее наоборот. Зато тот факт, что мы, воспользовавшись ситуацией, вернули себе захваченное поляками территории в 1939 году, представляют как агрессию, за которую мы должны вечно каяться. А с какой стати?

Ещё любопытнее ситуация с Финляндией. Опять-таки, финны, воспользовавшись русской смутой, захватили район Петсамо, нынешней Печенги. Потом в 1921 году с ними

был заключён мир, и мы этот захват признали. Однако в 1940 году, после поражения в Зимней войне, Финляндия подписывает новый мирный договор, по которому уступает нам Карельский перешеек и возвращает часть района Петсамо. И это опять вызывает резкое неприятие либералов и антисоветчиков всех мастей. Тут уж, господа объективисты, одно из двух: либо вы заявляете, что любой мирный договор окончательный и никакому пересмотру не подлежит, и тогда признаёте как договор 1921 года, по которому мы кусок территории отдаём, так и Московский договор 1940 года, по которому мы этот кусок возвращаем назад, либо признаёте за государствами право на реванш. Однако они целиком и полностью одобряют и финский захват Петсамо, и тот факт, что Финляндия год спустя после Зимней войны выступила против СССР на стороне Гитлера.

И.Б. Некоторые финские историки, кстати, отрицают факт союза именно с Германией. Они утверждают, что Финляндия с 1941-го по 1944-й будто бы вела свою собственную, отдельную войну против СССР, никакого отношения ко Второй мировой войне не имевшую. Они даже существование снайперов-«кукушек» отрицают.

И.П. Это всё сказки. На финском фронте находилось несколько немецких дивизий, воевавших бок о бок с финскими войсками. Все военные планы согласовывались. Кстати, Гитлер, выступая по радио 22 июня 1941 года с речью о начале войны против нашей страны, среди своих союзников упомянул и Финляндию, хотя она официально объявила нам войну несколько позже.

И.Б. Насколько я помню, голубая свастика, под которой финны воевали против нас во Второй мировой, до сих пор является символом Вооружённых сил Финляндии.

И.П. Здесь ситуация такая. Голубая свастика первоначально была эмблемой финских ВВС с 1918 года, а позднее и танковых войск. Когда в 1944 году они заключили с нами сепаратный мир, а в марте 1945 объявили войну уже Германии, своему вчерашнему союзнику, свастику срочно заменили на голубой круг. Однако теперь штандарт со свастикой используется вновь. Его выносят на парадах, используют в официальных церемониях.

И.Б. Как вы полагаете, недавний накат со стороны Запада, известная резолюция ОБСЕ, приравнивающая сталинизм к гитлеризму, очередная ритуальная истерика по поводу 70-летнего юбилея со дня подписания Пакта Молотова—Риббентроппа — это удары новой холодной войны?

И.П. А холодная война против нас и не прекращалась никогда. Просто в 90-е годы Западу надо было переварить пло-

ды своей победы над СССР, освоить ту же самую Восточную Европу. Сейчас же плоды переварены, и Запад видит, что зачаток государства на территории России сохранился. Сейчас же ему необходимо добить и то, что осталось. И это сделать вполне возможно. И опять-таки мы возвращаемся к вопросу о шизофрении власти. Вот, скажем, ежегодно 9 Мая объявляется минута молчания в память павших советских воинов. А голос диктора за кадром при этом говорит примерно следующее: «Ты, прошедший ужас лагерей сталинских, принёс освобождение заключённым концлагерей нацистских». Пока такие вещи у нас в стране не прекратятся, политические демарши такого рода против России будут постоянными.

И.Б. Шизофренический парадокс. Вроде бы, с одной стороны, наша власть на словах выступает против фальсификации истории в некоторых бывших союзных республиках, МИД всякий раз шумно возмущается парадами ветеранов СС в Прибалтике, а с другой — власть сама же охаивает всё советское. Известный факт. Когда несколько лет назад на Западе поставили памятник Большой тройке и третий стул демонстративно оставили пустым, шумно возмущаться начал не кто-нибудь, а Сванидзе: мол, где Сталин, где Россия, как вы можете плевать на наш вклад в победу над Германией? Уж чья бы корова мычала! На что с Запада, в общем-то, резонно, заметили: о каком изображении Сталина может идти речь у нас, когда вы сами его у себя с грязью смешали. И сам Сванидзе в этом играл активную роль.

И.П. Шизофрения началась ещё в советское время. Вспомните хрущёвское развенчание «культы личности» — тогда тоже в Париже находилась площадь Сталинград, а у нас город спешно переименовали в Волгоград. Оттуда прослеживается прямая дорожка к концу 80-х, к уничтожению нашей страны. Это действие нанесло всему нашему обществу огромный вред. После XXII Съезда КПСС творился вообще абсурд: из учебников истории изъяли упоминание о Сталинградской битве. Она тогда официально называлась битвой на Волге. Именно при Хрущёве закладывались основы массовых предательств 91-го года.

И.Б. Александр Зиновьев писал по этому поводу, что в «хрущёвскую оттепель» народ натренировали на предательство.

И.П. Фактически так оно и есть.

И.Б. Вы — автор нашумевшей книги «За что Сталин выселял народы», из-за которой и последовало обращение чеченцев в прокуратуру. Так за что же он их всё-таки выселял?

И.П. Исследование, проведённое в этой книге, не столь всеобъемлющее, как может показаться из названия. В ней рассматривались взаимоотношения государства, советской

власти лишь с крымскими татарами, чеченцами, ингушами и народами Прибалтики, хотя список депортированных народов гораздо шире. Почему выбраны именно эти народы? Потому что у остальных депортированных — поволжских немцев, например, или калмыков — проблем во взаимоотношениях с Российским государством нет. А есть народы, которые свои обиды на Россию сделали краеугольным камнем своей современной идеологии. Они пытаются громко звенеть кандалами. Именно про них я и писал.

Теперь что касается причин. Вообще все депортации можно условно разделить на две группы: это депортации превентивные, как, скажем, выселение немцев из Поволжья и высылка неблагонадёжного, антисоветски настроенного элемента из прибалтийских республик накануне войны, и депортации как акты возмездия — это в случае с крымскими татарами, чеченцами и ингушами. Надо понимать, что СССР в своих действиях был совершенно неоригинален. Мы видим то же самое на примере США, когда через два месяца после Пёрл-Харбора в концлагеря были помещены сотни тысяч японцев, многие из которых были гражданами Соединённых Штатов. В данном случае действия американцев были гораздо менее обоснованы, чем наши. Как известно, собственно на территорию США нога японского солдата не ступила. А если вспомнить историю нашей страны, то можно вспомнить и выселение немцев из западных губерний в Первую мировую войну. И об этом молчат, заметьте.

Под депортацию в виде возмездия попадали крымские татары, чеченцы, ингуши, калмыки. Если мы обратимся к историческим фактам, то получится, что эти народы своё выселение вполне заслужили. Среди тех же татар было поголовное сотрудничество с немцами. Практически всё взрослое мужское население служило в их вспомогательных частях. В Чечено-Ингушетии также со стороны местного населения происходило массовое дезертирство и нежелание воевать в рядах Красной Армии. Там к тому же осенью 1941 — весной 1942 года произошли три антисоветских восстания.

И.Б. И ведь в банды там уходили многие партийные работники.

И.П. Да, именно так. Здесь необходимо учитывать этнопсихологические особенности народа. И надо понимать, почему в отношении чеченцев и ингушей был применён принцип именно коллективной ответственности. Индивидуальная ответственность может существовать лишь в атомизированном обществе индивидуалистов, примеры коего дают современная Западная цивилизация, да и современная Россия.

Подходить с мерками нынешней индивидуалистической морали к Чечне — абсурд. Возьмём такую распространённую ситуацию: возле какого-то чеченского аула убит красноармеец. И что делать? Найти настоящего убийцу не представляется возможным — чеченцы своих не выдают. А если оставить это безнаказанным, то местные жители уверятся, что власть слаба и беспомощна. Массу примеров применения принципа коллективной ответственности, кстати, можно привести со стороны так называемых западных демократий в своих колониях.

И.Б. Ермолов применял в отношении горцев их же собственный принцип коллективной ответственности, за это они его в массе до сих пор ненавидят.

И.П. Совершенно верно. Хотя Ермолов был не первый. До него аналогичными методами на Кавказе действовал князь Цицианов, впоследствии предательски убитый одним из азербайджанских ханов. Но в целом, конечно, российская политическая линия на Кавказе была направлена на задабривание местных феодалов, и это было ошибкой. Для восточного человека такая манера поведения свидетельствует лишь о слабости.

И.Б. И тому примеров масса. Беда России в том, что она не умела закрепить политически плоды военных побед. Те же результаты победы в Кавказской войне и разгрома Шамиля во многом были дезавуированы целым рядом непоследовательных шагов: принятием многих перебежчиков-наибов на русскую службу, признанием введённого имамом шариата как системы внутреннего управления.

И.П. Совершенно верно.

И.Б. Давайте вернёмся ко дню сегодняшнему. Как вы считаете, либеральная оппозиция в нашей стране, которая нередко создаёт в СМИ информационный шум, — это всё же реальность или пропагандистский миф? Вот взять тех же Каспарова, Касьянова, Алексееву, Пономарёва, покойную Политковскую. С одной стороны, они вроде как против существующей власти, выходят на акции протеста. Но с другой, большинство из них — закоренелые русофобы и убеждённые враги России.

И.П. Все те, кто исповедует сегодня либеральные взгляды, — это либо юридические, либо идейные недруги нашей страны. Да, есть люди, которые искренне разделяют либеральные убеждения. Я с такими общался. Но это именно юридические люди, у которых проблемы с психикой. При этом они субъективно честны и думают действительно то, что говорят. Они материально, как правило, необеспеченны, как и всякие энтузиасты, и ничего от нынешней власти не получают. А есть другой тип. Это люди обеспеченные, как правило, имеющие

свой бизнес, использовавшие в своекорыстных целях развал 90-х. Теперь они рядятся в тогу оппозиции и надеются прорваться к власти, заручившись поддержкой Запада.

И.Б. Возможно ли вообще консолидация оппозиции независимо от взглядов? То есть союз левых, националистов, либералов?

И.П. У нас перед глазами успешный пример взятия власти, продемонстрированный большевиками. Тот же Ленин принимал политические шаги прямо противоположные тем, которые совершает нынешнее руководство по отношению к оппозиции. Его политическая линия была в этом отношении твёрдая: прежде чем объединиться, надо сначала хорошенько размежеваться. Именно она привела его в итоге к победе. Дело в том, что до революции все революционные организации в масштабах огромной Империи были карликовыми группками. Объединять их воедино никакого смысла не имело. Успех приходит не от искусственного создания коалиции как таковой. Как гласит китайская пословица: из тысячи ящериц не сложить одного дракона. Наоборот, в условиях революционной ситуации успех пришёл именно к тем, кто в данный момент объективно выражал чаяния большей части народа, то есть к большевикам. Именно они, благодаря своей принципиальной, упёртой позиции, не были дискредитированы в народном сознании.

И.Б. О рыхлости и нежизнеспособности подобных объединений и Гитлер в «Mein Kampf» писал. Он утверждал, что от механического суммирования нескольких организаций в одну, новаяявленная коалиция не усилится, а наоборот, ослабнет, так как вместе с союзническими отношениями туда придут и дразги, и грызня между лидерами.

И.П. Да, так оно и есть.

И.Б. Возможно ли существование современной России в длительной исторической перспективе? Или нам уготован скорый крах?

И.П. Нынешняя Российская Федерация — принципиально нежизнеспособное государство. И в будущем для нас возможны два сценария, два пути. Либо восстановление государственности в полном объёме и возврат хотя бы части утраченных в 1991 году территорий, либо дальнейшая деградация и гибель. Третьего не дано. Понимаете, от развала СССР проиграло большинство. В том числе и в тех республиках, которые обрели независимость. Даже в Прибалтике. Но если для простых людей гибель Союза принесла лишь бедствия, то есть определённые социальные слои, для кого это событие принесло благо. Речь, в первую очередь, идёт о расплодившихся в этих новаяявленных псевдогосударствах чиновни-

ках, а также о национальной интеллигенции, особенно творческой, активно востребованной в качестве услуги режимов. Это же колоссальные кормушки. И российская власть, несмотря на все свои заявления, в реальности не делает ничего для воссоединения и усиления своего влияния на постсоветском пространстве.

И.Б. А все ли территории бывшего Союза надо возвращать? Нужны нам, к примеру, те же Таджикистан, Узбекистан, Туркмения?

И.П. Это действительно важный вопрос. В первую очередь необходимо объединение с Украиной, Белоруссией, Приднестровьем. Главное препятствие для восстановления своего бывшего влияния сейчас — это современная Украина. Нужна новая Переяславская Рада. Вернуть остальное — это уже вопрос политической техники. Что касается государств Средней Азии, то здесь действительно необходимо подумать. В любом случае, наше политическое присутствие в этом регионе должно быть максимальным. Как известно, природа не терпит пустоты. Не будет нас — придёт Китай.

На ситуацию влияет ещё и то, что, конечно, большевики в своё время допустили перегиб в национальном вопросе. Во многих союзных республиках, в недрах партийной номенклатуры вызревали подспудно националистические настроения.

И.Б. И это живо нам аукнулось в конце 80-х.

И.П. Да, именно так. Но должен заметить, что большевики были неоригинальны. Фактически неверная национальная политика у нас в стране проводилась со времён Петра I. Заметьте, что те народы, которые вошли в состав Русского государства в допетровскую эпоху, те же казанские татары, которые раньше были нашими врагами, в целом адаптированы к жизни в России, и особых проблем с ними не возникает. Кучки экстремистов, конечно, есть везде, но они особой роли не играют. А в имперский период политика велась, безусловно, неправильная. Это была политика задабривания инородцев и искусственное создание им преимуществ в ущерб коренным жителям. Во многом отсюда происходят наши сегодняшние проблемы.

Хотя подспудная русификация снизу в советское время всё же шла. Взять ту же Украину. Тогда русский изучали там практически все, особенно молодёжь. Ведь обучение в вузах, вступительные экзамены были на государственном, русском языке. Соответственно кому нужна была эта искусственная мова? Или посмотрим на Прибалтику. Помните перестроечные вопли о том, что не разрешают защиту диссертаций на родном языке? Но ведь русский язык — это один из офици-

альных языков ООН. Если тебе важна именно наука, то необходимо писать на том языке, на котором читать тебя сможет наиболее широкий круг лиц. И кому будет нужно твоё открытие, будь даже трижды гениальное, если диссертация написана, к примеру, на эстонском? Да никому, по сути. Ради этого его никто учить не будет.

И.Б. Среди некоторых современных аналитиков, политологов и футурологов бытует мнение, что современный мир вступил в эпоху «новых 30-х», и впереди нас ждёт глобальный мировой конфликт за ресурсы. Вы видите подобные параллели?

И.П. Мы действительно наблюдаем изменение сил в мире. Китай теперь — это уже фактически амбициозная сверхдержава. С другой стороны, мы можем наблюдать некоторое ослабление Соединённых Штатов. Действия её нового президента Барака Обамы всё больше напоминают Горбачёва. Взять хотя бы присуждение ему Нобелевской премии мира. В Европе, да и в США на наших глазах происходит демографическая катастрофа, идёт этническое замещение коренного белого населения мигрантами. Причём уже не только из бывших колоний, но и вообще из всех стран третьего мира. В Европе, конечно, эти процессы идут быстрее, чем в США. Но Америка в данном случае — не исключение. Разумеется, у Запада ещё есть военные и интеллектуальные ресурсы, но это всё проходящее. Так что могу сказать, что крах Запада, по всей видимости, не за горами. И, возможно, нам ещё суждено стать его свидетелем. Главное, чтобы он не утянул за собой и Россию. Ибо социальная система нашей страны вобрала в себя как самые худшие проявления западных черт, так и худшие проявления советских. Ну, плюс ещё позаимствовала кое-что у мусульманской Азии: взять ту же чиновничью коррупцию, например. Рождаемость у нас такая же низкая, как на Западе. А с другой стороны — сверхвысокая африканская смертность. Продолжается деградация промышленности, науки. Сейчас идёт массовый выход на пенсию последних качественных советских специалистов — детей послевоенного «бэби-бума». Во многом на их плечах ещё держатся остатки промышленности и науки. Заменить их в таком количестве некем.

И.Б. Да, перспектива мрачная. Именно поэтому необходимо бороться сейчас.

(Военно-исторический форум 2)

Леонид СЕРГЕЕВ

Замечательному писателю Леониду Анатольевичу Сергееву, лауреату многих литературных премий, нашему постоянному автору — 75 лет. От души желаем юбиляру новых творческих успехов, светлых жизненных впечатлений и отменного здоровья.

МОЙ ВЕЛИКИЙ ДРУГ

РАССКАЗ

И на многолюдной улице, и в тиши двора — всюду он был значителен одним своим присутствием, всюду был хозяином положения, всегда говорил напрямик, и слова его были весомые и четкие, как отливки из металла. От него исходила властная подъемная сила, некий магнетизм, который будоражил окружающих. Несговорчивый бунтовщик, лидер по натуре, он заражал своей энергией, за ним шли, ему верили; бывшие фронтовики меж собой звали его «командир», «крутой мужик». Неутомимый непоседа, он вечно спешил, точно экономил время, хотел не просто побольше сделать, а выжать из жизни все, что можно выжать в его положении. Его несгибаемость была ответом на вызов судьбы. И самое поразительное — несмотря на увечье, он сохранил светлый взгляд на мир, и ко всяким бытовым неурядицам — а их хватало в то послевоенное время — относился весело, не разухабисто-весело, а иронично-весело, чем снимал у людей раздражительность и злость; правда, иногда его ирония отдавала горечью. Таким я запомнил фрон-

ПРОЗА

товика «командира» дядю Колю, безногого инвалида, передвигавшегося на каталке с подшипниками.

Широкогрудый, широколицый, всегда гладко выбритый, он, в отличие от других фронтовиков, носил китель без наград и нашивок за ранения, и никогда не говорил о войне. В то время инвалиды с утра до вечера торчали в пивной; многие из них опустили: ходили небритыми, оборванными, изъяснялись без всяких ограничений — через слово пуляли матом; особо запойные дебоширили, дрались друг с другом костылями, а разбредаясь по домам, орали во всю глотку и швыряли камни в окна со слепой незатухающей ненавистью. Страх, сокрушающий всё ужас катился перед пьяными инвалидами... Кстати, по слухам, некоторые из них и не были на фронте, а получили увечья под колесами поездов и трамваев. В самом деле, кое-кто из инвалидов так афишировал свои подвиги и бравировал наградами, что это вызывало подозрение. Говорили, что эти «герои» купили ордена и медали на барахолке (что действительно практиковалось). Днем некоторые инвалиды просили милостыню у церкви, выставляли напоказ обрубки рук и ног и пели матросские песни вроде: «...морская пучина была нам могилой... и дно!» Им подавали — известное дело, народ наш всегда отличался состраданием и доверчивостью. Говорили также, что кое-кто из этих нищих держит в матрацах тысячи, но в это мало верилось: богатство и беспробудное пьянство — мало совместимые понятия.

Дядя Коля тоже выпивал, но делал и это красиво, с достоинством, решительно не принимая никакого сочувствия, не допуская к себе жалости. Всем видом и поведением он как бы подчеркивал огромную дистанцию между падшими пьяницами и теми выпивающими, которые всего лишь «снимают дневное напряжение, а вообще-то сильнее всех обстоятельство». Первых он не терпел, считал, что они «сломались, погрязли в пессимизме, заливают водкой боль и тоску»; а такие, как он, выпивают только для того, чтобы «получить новый заряд для работы».

Его появление в пивной производило сильное впечатление. Он въезжал на каталке, приветствовал всех возгласом: — Здорово, орлы!

Расстегивал ремень, державший обрубки ног на каталке, и легко вскакивал на табурет, при этом твердым жестом останавливая тех, кто бросался на помощь. Пока буфетчик наливал и подносил к столу стакан водки, дядя Коля отвечал на многочисленные «За тебя, командир!» — улыбался и вскидывал кулак, что означало — «так держать!» Но иногда хмурился, если замечал в углу не в меру разгулявшихся собутельников.

— Эй, там! — грозно одергивал разгулявшихся. — В чем дело? Разговаривать в нормальном режиме! Делай, как я сказал!..

И под его пристальным повелительным взглядом чрезмерно разгулявшиеся умолкали и съезжались — никто не мог противостоять его тяжелому взгляду. В пивной он держал власть крепко, и все это знали.

Опрокинув стакан, дядя Коля тут же прощался:

— Наметил на сегодня еще кое-что сделать.

Он получал пенсию и вполне мог бы не работать, но никогда не сидел без дела: с усердием, искусно паял, лудил кухонную утварь соседям; как надомник, чинил плитки и керосинки из мастерской, а одно время даже работал электриком; катал от дома к дому с монтерской сумкой и складной дюралевой лестницей за плечами.

— Дел невпроворот, — подмигивал встречным. — Мне повезло, что здесь живу — в домах проводка гнилая, розетки на ладан дышат, — так что работы по горло.

Он «брал дома штурмом» и все делал добротнo, на совесть, по собственному графику; выполнял намеченное, тут же забывал о победе и шел дальше — ставил новую цель. И ничто не выбивало его из колеи: ни отсутствие материалов, ни обесточивание сети, когда вырубили электричество, и приходилось работать вслепую, ни промозглая погода, когда давали о себе знать раны... Никто никогда не видел его в унынии, в упадке сил; казалось, он сделан из железной арматуры, особенно прочных сплавов. Глядя на него, думалось, что мужество есть не что иное, как умение справляться с трудностями. Кстати, у него и фамилия была крепкая — Каменщиков...

Дядя Коля обитал в пристройке к нашему общежитию, жил одиноко, но явно был сильнее своего одиночества. В его комнате царил благородная нищета: над диваном, изъеденным молью, висели фотографии боевых товарищей и среди них ярмарочные картины — репродукции Кустодиева. На столе среди ждущих ремонта дырявых самоваров, кастрюль и чайников возвышалась стопка книг, а под столом находился предмет всеобщей зависти — трофейный аккордеон. В помещении даже не было шкафа — сплошная пустота, но торжественная пустота, в которой витал творческий дух.

По слухам, до войны у дяди Коли была невеста; она ждала его всю войну; но, вернувшись калекой, он сам отказался от нее, «чтобы нее портить ей жизнь, не обрекать на незавидную долю».

В те годы слухи были трех родов: несерьезные, из очередей — «обс» (одна баба сказала) — эти слухи дядя Коля называл «сплетнями, к которым настоящий мужчина не дол-

жен прислушиваться». Были слухи серьезные, исходящие из достоверных источников, и опасные слухи, которые просочились в народ неизвестно каким способом. Последние слухи несли важную предостерегающую информацию, их передавали шепотом, за них могли и посадить. Известное дело, в системе, где народ рассматривается как стадо баранов и все построено на строжайшей секретности, опасные слухи множатся и распространяются с невероятной скоростью. В нашем провинциальном городе слухи всех этих разновидностей постоянно носились в воздухе.

Для нас, подростков, дядя Коля был самым близким другом, а некоторым заменял и отца... Несмотря на занятость, он ежедневно выкраивал время специально для нас и относился к нам с повышенными требованиями, жестковато, без всякой скидки на возраст. Чуть что восклицал:

— Я здесь! В чем загвоздка?

Дотошно, с испытующим взглядом выспрашивал про занятия в школе, и все остро воспринимал, ему до всего было дело. Сурово распекал двоечников:

— Эх ты, не мог осилить такой предмет! Я здесь! Возьми себя в руки, и чтоб на днях все исправить! В нормальном режиме!

И наоборот, щедро хвалил за хорошие отметки:

— Молоток! Нормальный ход! С тобой хоть в разведку! Я здесь!

Дядя Коля прямо-таки навязывал нам книги, которые брал в заводской библиотеке, а потом спрашивал, «что понравилось, что нет», и подробно объяснял идею, которую проводил автор.

Он помогал нам мастерить летние и зимние самокаты, играл с нами в «чижа» и «городки», причем сам изготовлял лопатки и биты. Поощрял и другие игры, кроме картежных и «расшибалки», — тем самым вселял в нас определенные нравственные понятия.

— В игре должен быть спортивный интерес, достижение, — говорил он. — А в картах один азарт и ни шиша больше. Я здесь!.. А «расшибалка» — это вообще черт-те что! Корысть одна. Ради интереса на деньги не играют. Так чтоб с этим было покончено. Нормальный ход! Делай, как я сказал! Уважай мою лысину! (Он лысел и, по моим наблюдениям, гордился этим.)

Кстати, нам дядя Коля казался почти пожилым, а ему было-то всего двадцать пять, от силы — двадцать семь.

Что особенно ценно — дядя Коля не просто скрашивал нашу жизнь: он, бывалый, всезнающий, личным примером

как бы обозначал для нас четкие ориентиры на будущее. И в этом смысле он, калека, был несравненно выше многих здоровых людей. Среди этих здоровых попадались и нравственные уроды, которые жили только для себя, занимались спекуляций и накопительством, а то и служили доносчиками (добровольными осведомителями). Кстати, именно такие нас всерьез не принимали и называли «уличной шпаной»... Естественно, рядом с такими уродами отчетливо вырисовывалось мужское величие дяди Коли, его превосходство.

Иногда мы играли в волейбол; сеткой служил старый, полуистлевший бредень, мяч заменял резиновый «дутик» (о настоящем, кожаном, только мечтали), тем не менее, наши матчи проходили боевито, на почти профессиональном уровне (даже собирали зрителей), чему способствовало судейство дяди Коли. По слухам, вполне серьезным, до войны дядя Коля был отличным спортсменом: выступал за заводскую волейбольную команду, взлетал над сеткой выше всех и «гасил» мячи на передней линии, «ставил мертвые колы».

Но, конечно, главной нашей игрой считался футбол, и здесь дядя Коля проявлял себя в полном блеске... Долгое время вместо мяча мы гоняли шапку-ушанку, набитую газетами, но в одно прекрасное воскресенье дядя Коля вкатил во двор в обнимку с настоящим футбольным кожаным мячом.

— Купил на барахолке за бешеные деньги, — с видом триумфатора объявил нам. — Я здесь! Нормальный ход! Собирайте команды, устроим матч века!

Дядя Коля защищал ворота и как игрок был великолепен. Одна его экипировка чего стоила! Оголенный по поясу, в черных перчатках и черной кепке, нахлобученной до бровей, он выглядел в воротах, как пантера в клетке: мощными рывками, со вздутыми жилами на теле, он метался от стойки к стойке, взмахивал руками и страшно гримасничал, переживая каждый трюк полевого игрока, то и дело кричал команды:

— Пас налево! Откинь назад! Дай на выход! Я здесь!

Задолго до знаменитого Яшина дядя Коля руководил игрой всей команды и расширил функции вратаря; он стремительно выезжал на границы вратарской площадки на перехват пасов противника и отбивал мяч кульями. Случалось, мяч задевала каталка, и он резко менял направление. Мы относились к этому с бою с пониманием, но дядя Коля мгновенно скидывал руку и безжалостно назначал себе штрафной.

А в пределах вратарской площадки дядя Коля вообще творил чудеса: каким-то невероятным образом, отталкиваясь руками от земли, зависал в воздухе вместе с каталкой и «вы-

тягивал» даже пушечные верные «девятки»... Низовые мячи вообще брал без особого напряжения — мы только и успевали заметить мелькнувший могучий торс, деревянный квадрат да вращающийся с визгом подшипники...

После игры спустились к реке, устраивали заплыв по течению, и вновь дядя Коля показывал класс: на одних руках опережал всю нашу ватагу.

Возвращаясь с реки, поднимались по сыпучей круче, и каталка дяди Коли увязала в песке. Бывало, кто-нибудь из ребят заикнется:

— Не помочь ли?

Но дядя Коля сурово бросал:

— В чем дело? Это мы берем с ходу, штурмом! А ну, братва, выкладывайся до конца! Я здесь! — и с каким-то ожесточением взбирался наверх; он был двужильный, не иначе...

Как правило, после футбола и вылазки на речку дядя Коля приглашал нас к себе: раздавал книги, угощал чаем, заваренным шиповником, а после чаепития доставал аккордеон и под мягкие звуки негромко пел довоенные песни; только довоенные, оптимистичные и радостные, и никогда не пел песен времен войны. Много раз ребята выспрашивали дядю Колю про войну, про его боевые дела как танкиста (он служил водителем «тридцатьчетверки» — это было известно доподлинно, это был самый серьезный слух), но каждый раз дядя Коля обрывал спрашивающих:

— Жизнь продолжается, и нечего теревить прошлое! Я здесь! — И, широко раздвинув меха инструмента, затягивал «Крутится, вертится шар голубой...» или «На рыбалке у реки тянут сети рыбаки».

Закончит песню, хлопнет по аккордеону ладонью:

— Все, баста! Хватит наяривать! Отбой, братва! Все по домам! Делай, как я сказал!..

В те дни я никак не мог понять, почему все, связанное с войной, являлось для дяди Коли запретной темой. И только повзрослев, понял и в полной мере оценил твердость его духа, его железный характер и жесткость к самому себе.

Однажды, встретив меня во дворе, дядя Коля сказал:

— Есть боевое задание! Зайди вечером...

Надо сказать, меня дядя Коля несколько выделял из общего мальчишеского клана, благодаря моему дяде, который работал слесарем и рассчитывал, что и я пойду по его стопам, а дядя Коля испытывал особую симпатию к представителям этой профессии, поскольку до войны сам слесарил (без всяких слухов, он это сам подтверждал).

Вечером, когда я пришел, дядя Коля спросил:

— У тебя на завтра какие планы?

Какие у меня могли быть планы? Стояло лето — избыток свободного времени, и я с утра до вечера слонялся во дворе.

— Мне нужен напарник, — продолжал дядя Коля. — В одном доме неважнецкая проводка. Надо заменить, сделать правильный порядок вещей, нормальный ход!.. Задание ответственное, и одному сложновато справиться. Придешь на подмогу?.. Я здесь!

И вот в тот день, когда мы меняли проводку, вернее, после того, как закончили работу, дядя Коля впервые заговорил о войне, открыл мне свою тайну. По пути к «общаге» он заглянул в пивную, опрокинул стакан водки, мне вынес бутерброд и беззлобно хмыкнул:

— Слизняки, а не мужики, сдвинулись по вертикали. Малодушные, и пить не умеют... Хмелеют от стакана, разваливаются, лясы точат, а дела стоят. Я здесь! Жизнь, говорят, невмоготу. А что невмоготу-то? Сам делаешь свою жизнь. Своими руками, своей башкой... В моем экипаже «тридцатьчетверки» был парень наводчик. Леха... Его фото у меня на стенке... И вот, значит, раз по нам ударили из гаубицы и башня отлетела, как спичечный коробок. Я здесь! И Лехе выжгло глаза. Да-а... Потерять зрение, скажу тебе, тяжелое испытание для человека. Но Леха не сдался. Это по мне. Он, понимаешь ли, стальной парень... И шас работает на заводе, собирает схемы. Нормальный ход! Живет в Саратове. Мы переписываемся. Ну, его мать мне пишет, с его слов.

— А вы, дядь Коль?.. — выдохнул я. — Вас тогда же?..

— В другой раз. Подорвался на mine... Мы горели, я вылез из люка. И прыгнул с машины прямо на нее, милую... Не стоит об этом! Я здесь! Стоит сказать о другом. Когда мне оттапали ноги, я понял, что попал в затруднительное положение. Даже подумал: «А не пустить ли пулю в лоб?» Потом взвесил: «Ну, допустим, предположим, меня уже нет. Кому это на руку? А ведь я могу еще кое-что сделать дельное. Жизнь продолжается, — сказал себе. — Я здесь! Мы еще поборемся и просто так не сдадимся».

В тот день я понял, почему дядя Коля всегда спешил на работу — он как бы шел в очередной бой.

И был еще один день, который врезался в память... Я почему-то оказался в центре города у магазина «Рыболов и охотник»; кажется, рассматривал всякие принадлежности, прикидывал, что куплю, когда стану слесарем и разбогатею. И вдруг случайно увидел на противоположной стороне улицы дядю Колю. Он явно прятался за дерево и укрдкой наблю-

дал за кем-то в сквере. Я посмотрел туда же, и увидел молодую женщину — она играла в мяч с малышом.

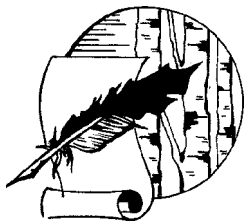
Я ринулся через улицу и уже хотел окликнуть дядю Колю, но, не добежав нескольких шагов, разглядел... слезы в его глазах. Это было настолько неожиданно, так не вязалось с ним, что я застыл, как вкопанный. Долго я стоял, и все это время дядя Коля, не отрываясь, смотрел в сквер, смотрел как-то тускло, с гримасой боли. Потом тяжело вздохнул и, опустив голову, медленно покатил по тротуару; проехал в двух шагах от меня и даже не заметил...

В тот же вечер мы играли в футбол, и дядя Коля, как всегда, был весел, в отличном настрое, и я подумал: там, на улице, мне просто что-то показалось.

Дядя Коля исчез из нашего двора совершенно неожиданно... По одним маловероятным, несерьезным слухам (из области «обс»), его видели в других районах города, то тут, то там; будто бы поменял местожительство. По другим, невероятным, смутным слухам (появилась и такая разновидность), он разнимал дерущихся инвалидов, и его вместе со всеми увели в милицию, а потом посадили за хулиганство. По третьим, опасным слухам, его увезли в дом инвалидов; будто бы вышел указ «отловить и изолировать инвалидов, поскольку они не вписываются в общество, строящее светлое будущее». Этот последний слух выглядел наиболее правдоподобным.

Без дяди Коли наш двор опустел, и игры потеряли всякий смысл. Мы, конечно, продолжали играть и в волейбол, и в футбол, но уже без прежней страсти, без вдохновения и азарта — всего того, что исходило от нашего «командира» и захлестывало игроков и зрителей. Игры потеряли свой накал — все уже было не то.

Я испытывал особую тоску. Бывало — безоблачный солнечный день, а мне кажется — небо пасмурно; вокруг прохлады, свободная циркуляция воздуха, а я задыхаюсь от духоты.

СТИХИ ПОЭТОВ РОССИИ

Борис ВИЛЕНСКИЙ

* * *

Мой путь пролегает не в райских садах —
В дремучем лесу, где колышутся тени,
Где злоба людская, безверье и страх
До боли в висках и до дрожи в коленях.

О, как мне унять эту подлую дрожь,
Как веру свою убережь от паденья,
Когда начинается торг и делёж
Того, что не терпит ни лжи, ни деленья?

Предвижу кровавых событий приход.
Откуда уверенность? Право, не знаю.
Но знаю, что будет ограблен народ
И к власти придет ненасытная стая.

И нет нам спасенья, прошенья нам нет,
Когда в эти смутные, нищие годы
Мы слышим не стоны, а звоны монет
Среди умерщвлённой и чахлой природы.

г. Москва

Татьяна БОЧАРОВА

АЛЕКАНОВО

Жизнь крестьянская перекошена,
Села русские позаброшены.
По глухим лесам горем выжжены,
Кто к дороге лег, те и выжили.

Ты, село мое, неказистое,
Девки вывелись голосистые,
Скромно домики облицованы
Да заборами окольцованы.

Некрасивое, небогатое,
Малолюдное да щербатое,
Ты обычное, и практически
Нет красоты в тебе экзотической.

Океанов нет с бригантинами —
Камыши в прудах с паутинами,
Нет субтропиков с пеликанами,
Вот такое ты, Алеканово.

В модной Турции, в модной Греции
Люди русские нынче греются.
Только что с того в этой моде мне,
Коль тоскую я там о Родине.

г. Рязань

Игорь ЛУКЪЯНОВ

УЛИЦА

Вся-то жизнь
из нескольких с немногим,
если повезет,
десятков лет...
Потому
иду я по дороге
улицы,
какой дорожке нет.
Золотые клены опадают.

Исчертили ветки синеву.
Почему
она мне дорогая?
Я ведь здесь
полвека не живу.
Незнакомо, отчужденно, голо...
Не видать
знакомых и друзей.
Но осталась
старенькая школа
с дальней-дальней
светлостью своей.
Но остались
старые домишки —
створы
покосившихся ворот.
Бедновато,
без копеек лишних
жил послевоенный тут народ.
Ни хором тогда,
ни иномарок...
Но зато
был воздух почестней...
Но зато
гремели песни в праздник
о великой Родине моей.
Я пришел сюда
душой погреться,
памятью тех дней
упиться всласть,
где дышал когда-то
ветром детства,
ветром веры в жизнь,
что не сбылась...

г. Борисоглебск, Воронежская обл.

Николай БАКУШИН

* * *

Вороний грай, болотной выпы крик,
Гусиный гогот, журавлиный клетот,

И соколиных крыл короткий свист...
Я на земле любуюсь птиц полетом.

Я — на земле, а сердцем — в вышине.
Я с птицами давно мечтаю слиться.
Им вслед кричу: «Забыли обо мне?
Меня с собой в полет возьмите, птицы!»

Хочу, чтоб небо стало мне родным,
Хочу я сам почувствовать в полете,
Как легко, горделив гусиный клин,
Как соколы резвятся на охоте.

Я полетел бы с вами, сокола,
С гусиным клином полетел бы в сини,
И знаю я: еще придет пора,
Когда умчусь я песнею за ними.

г. Москва

Владимир ШАДРИН

ЗВЕЗДА НА ХОЛМЕ

Жаром пышет земля. Небеса горячи.
Я таскаю мешки, я кладу кирпичи.
Я лопачу бетон. Труд мой тяжек и прост.
Я по крыше качу раскаленный бикрост.
И работа, и зной прямо сводят с ума,
Заслоня дворы, закрывая дома.
Да и сам, от натуги и зноя багров,
Я не вижу домов и не вижу дворов.

А под вечер, когда взгляд бессолнечен мой,
Одурев от жары, возвращаюсь домой.
И на время, забыв духоту и труды,
Дорываюсь, как вол, до обильной воды.
И за город гляжу, словно зек из тюрьмы,
Как за зоной домов проступают холмы,
Как мерцают они в голубой полутьме.
И сверкает звезда на вечернем холме.

г. Орск

Андрей АКУЛИЧЕВ

* * *

Бог един — пророки лживы!
В этом кроется вся суть!
Громогласны и крикливы
Те, что нам пророчат Путь.

Только искреннего тона
Не хватает им порой:
Много шума, много звона,
Только — сути никакой!

* * *

Зеркальных брызг созвездья на полу —
Печальный знак семейного разлада.
Любовь, неподдающаяся злу, —
И дар и боль... и кара и награда...

А сердце сотрясается — навзрыд!
В нем рана пострашнее, чем от пули:
Разбилась лодка о семейный быт,
И в результате — двое утонули.

г. Волгоград

Николай КАПИТАНОВ

* * *

А на поле кричат журавли.
Воздух осени густо напоен
Горьким запахом трав и земли —
Перед долгим знобящим покоем.

Что тревожит мятущихся птиц?
Жизнь моя, озаренная светом,
Задержись у последних границ,
Как во тьму уходящее лето!

Я люблю деревенских дворов
Мир покойный, желанный, высокий.
У реки, возле стада коров,
Отдыхает пастух одинокий.

Он, прищурясь, глядит в небеса,
Где туманы и помыслы тают.
Вдалеке голубые леса
Миражом широко зависают.

Так бы жить, никуда не спеша,
И к себе не испытывать жалость.
Отдохни, успокойся, душа.
Сколько бед тебе в жизни досталось!

Еще будет последний полет —
Оттого-то немного тревожно.
Это время куда-то зовет,
И уйти от него — невозможно.

г. Тверь

Евгений КУЗНЕЦОВ

* * *

Фотография мамы. Лицо дорогое.
Кружевная косынка и крупная брошь.
А за мамой — как будто бы дно золотое:
И лужок, и речушка, и спелая рожь.
На ковре-самолете туда бы умчаться,
Но не знаю, к кому обращаться, моля.
Все слилось для меня в светлом образе счастья:
Небо чистое, родина, мама моя.

г. Екатеринбург

Андрей КАНАВЩИКОВ

ПЕРЕД ЗИМОЙ

Снежок с небес струится жидкий,
Окутал землю белый дым,
Пора укладывать пожитки
И собираться вслед за ним.

Что было здесь? Гнилье, валежник
И знобкий, липкий неуют,
Порхала бабочкою нежность —
Теперь упала в темный пруд.

Чуть-чуть побьется в зябкой влаге
Оцепенеет на мели,
Лишь ива, как нелепый трагик,
Заломит руки до земли.

Рябина греть устала за день
Сквозной, расхристанный простор,
И крошкой белой, щедр и жаден,
Посолит ветер косогор.

Был хлеб и соль, и соль осталась,
Когда распался хлеб, иссох.
Скрипящий льдинкой колет старость
В руках кристалликами — соль.

г. Великие Луки

Валентин НЕПОМНЯЩИЙ,
доктор филологических наук

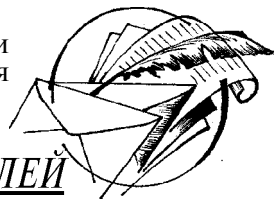
РАЗРУШЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ

Пушкин — то зерно, из которого выросла великая русская литература и культура, он сосредоточил в себе, в своем корпусе сочинений, отчасти в своей судьбе, главные ценности нашего менталитета, систему ценностей, которой Россия жила довольно долго и благодаря чему оставалась единственной, не похожей на ни какую другую страну. Россия была страной, общностью, которой, как Чаадаев сказал, определено высокое предназначение. Это так и есть, и это подтвердил XX век. А XXI — посмотрим...

Я думаю, что не я один видел телепередачу, в которой преподаватель филологического факультета МГУ рассказывала о пушкинском семинаре, который она вела, и в котором участвовало двадцать студентов. Разговор шел о лирике Пушкина и, в особенности, о стихотворении «Я вас любил». И в конце она задала студентам вопрос, как они понимают эти две строки:

*Я вас любил так искренне, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.*

Девятнадцать человек из двадцати сказали, что это ирония. А двадцатая девочка сказала, что это насмешка...

ПИСЬМА НАШИХ ЧИТАТЕЛЕЙ

Это катастрофа. Такого не могло быть никогда на Руси. В наше время людям становятся неведомы чувства доброжелательности, самопожертвования, благородства, все эти чувства, которые продиктовали вот эти строки. И мысль Пушкина здесь, конечно, не плоская, ему обидно и он действительно считает, что никто не будет любить ее так, как он. В этих словах есть некоторый укор, но с другой стороны он абсолютно искренне желает, чтобы та, которую он так любил, сподобилась бы такой же любви. Вот эти чувства нынешним студентам, воспитанным в 90-х годах, уже неведомы.

В другой передаче был закрытый показ у Гордона замечательного фильма Алексея Учителя «Кавказский пленный». Очень драматичная вещь, берущая за душу. Там два наших солдата берут в плен мальчика-чеченца, еще совсем молоденького, чтобы он вывел их какими-то тропами куда надо. Так вот, одна женщина молодая, почти девушка, сказала, что в этом фильме главное — гомосексуальная тема, хотя там про это ничего не было. Только свернутые набекрень мозги могут увидеть это в качестве темы данного фильма. Таких примеров можно набрать сейчас миллионы. У нас в России произошла и происходит ментальная катастрофа. И она не сама происходит, она делается, она организуется.

Т.н. «план Даллеса» — детская игрушка по сравнению с тем, что называется у нас сегодня реформой образования. Я говорил и повторяю, что так называемая реформа образования — это преступление национального масштаба, затеянное людьми, которые действуют умышленно или по невежеству и темноте, которые не знают или не хотят знать, что такое культура России.

У Козьмы Пруткова есть один из моих любимых афоризмов: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы, но потому что сии вещи не входят в круг наших понятий». Вот это самое лучшее, что можно подумать о тех, кто затеял такую реформу, поскольку культура, литература, гуманитарные науки — все это не входит в круг их понятий. Без этого, по их мнению, можно обойтись.

И дело здесь не в каком-нибудь министерском «кувшинном рыле», это непонимание идет сверху. Ведь эта реформа состоит из трех составляющих: ЕГЭ трижды проклятое, Болонская система, в которой сокращен курс фундаментального, основательного образования в пользу образования узкоспециального, и третье, самое страшное: выведение литературы из категории базовых предметов.

ЕГЭ придуман, как сказал чиновник из министерства, «для унификации подсчета результатов». Но в области культуры

унификация — это убийство. Преподаватель, вуз и школа имеют в этом случае дело не с живой личностью, а с чем-то другим.

Что касается Болонской системы, то необходимо сказать, что вся русская культура выросла на том, чтобы при всех недостатках образования в нем всегда была широкая гуманитарная база. В 2001 году, когда В.В. Путин вручал мне Государственную премию в Екатерининском зале, я произнес небольшое слово, где сказал, что уникальные русские мозги — явление не этническое, не биологическое, а гуманитарное. Та высота, та точка обзора, широта горизонта, неожиданность поворотов, свобода, которая свойственна русскому мышлению, — это все покоится на гуманитарном фундаменте.

Что же касается выведения литературы из круга базовых знаний, так это равно убийству. И выступая там же, на этом самом вручении, я сказал, что если мы оставим на коммерческой панели выброшенную туда высокую культуру русскую, то мы очень быстро распрощаемся и с русскими мозгами.

Надо заново поставить вопрос, о том, что такое культура помимо «культуры и отдыха». Надо создать концепцию культуры, чтобы было хотя бы понятно, с чем мы имеем дело. Надо иметь определенную политику в области культуры. И закончил я свою речь словами: «Я надеюсь, что это будет при вас, господин президент, иначе будет то, о чем Талейран сказал: это хуже, чем преступление, это ошибка. Мы рискуем поколением».

Не скрою, что реакция была очень интересная. Была маленькая пауза, а потом президент, мягко улыбнувшись, сказал: «Ну вот, в этот торжественный день мы получили элемент производственного совещания».

Я написал недавно письмо нынешнему президенту Медведеву, и нашел способ, чтобы оно было передано из рук в руки. Я там писал, что вот эта реформа образования — хуже любого нашествия, хуже любого экономического кризиса или катаклизма, и что если это будет продолжаться хотя бы десять-двадцать лет, мы превратим Россию в толпу безграмотных потребителей, невежественных, но очень лихих прагматиков и талантливых преступников, потому что русский народ очень талантлив во всем. А единственная область, в которой останется свобода, это свобода зла, свобода бандитизма, в частности.

У Карамзина в «Истории государства Российского» есть такая горькая фраза: «Все думали не об истине, но единственно о пользе». Вот сейчас такое время, и эта идеология праг-

матизма для России — убийство. Россия не такая страна. И если уж человек стоит на большой высоте, то падать он будет очень низко. Из удивительной страны, единственной в своем роде, с самым прекрасным в мире языком, Россия превратится вот в то самое царство великого инквизитора, но уже на современный лад.

Это тот случай, о котором можно сказать словами Леонида Леонова: «Бывает, что на городской площади в рельсу бьют». Вот сейчас такой момент.

Мы стремительно движемся к национальной катастрофе. Хотя и ползучей, но все равно катастрофе. Необходимо какое-то движение. Тут нужны люди, которые понимают это, нужны деятели, организаторы. Я не организатор по своей натуре, поэтому я лично не могу ничего посоветовать, но факт есть факт. Надо спасать Россию от реформы образования.

ДНЕВНИК РУССКОГО

1990 г.

23 апреля

Три дня был в лавре. В церквах и соборах отмечали Антипасху. Помянул своих родителей, помолился о родных и друзьях.

Тем временем Леонов несколько раз в день названивал мне и просил, как только я приеду, срочно позвонить ему.

Придя к нему, я нашел его в крайне удрученном состоянии. У него свои сложности в семье, а сил для того, чтобы все пре-возмочь, уже нет. С редактором Ольгой Яковлевной Афанасьевой он окончательно решил распрощаться и прекратить работу над романом. Я (в какой уже раз!) просил его не бросать работу, но он был непреклонен. Все-таки удалось его урезонить — Ольге Яковлевне нужно дать время, чтобы «собрать» роман, разложить всё по главам и пр., чтобы, когда настанет время, можно было без труда восстановить все на своих местах.

Как только Ольга Яковлевна закончит работу, Леонов хотел бы причаститься. Для чего он просил меня пригласить о. Андроника (Трубачева-Флоренского).

ЗАМЕТКИ ПИСАТЕЛЯ

Видя, что Л.М. находится в состоянии сильного возбуждения, я, как мог, успокоил его. Через некоторое время он сам предложил мне пойти на прогулку. Только что прошла гроза. Воздух был свеж, пахло распутившимися листьями тополя. Л.М. с удовольствием гулял и не хотел идти домой. Я предложил зайти в институт им. Гнесиных к скрипичному мастеру Григорию Борисовичу, чтобы посмотреть инструменты и узнать об изготовлении жильных струн для скрипок. Леонов с охотой откликнулся, но, к сожалению, мы не застали мастера. Он уже уехал домой.

Стоя у Гнесинского института, мы с Л.М. посетовали на то, что здание института построено на месте уничтоженного прекрасного памятника архитектуры — знаменитой церкви на Поварской, находившейся в ансамбле с сохранившейся старинной дворянской усадьбой. От дореволюционных московских сорока сороков осталось всего несколько десятков действующих церквей. Когда-то, по свидетельству Кнута Гамсуна, объездившего весь мир, Москва была самым красивым городом мира. Теперь ЮНЕСКО не включило Москву в число красивых городов мира. Она превратилась, как это ни горько сознавать, в заурядный населенный пункт.

Дома Л.М. просил меня почитать ему газеты и журналы. Говорили о романе А.И. Солженицына «В круге первом». Л.М. убежден, что время все расставит по своим местам.

25 апреля

Л.М. пригласил меня сегодня днем специально для того, чтобы разобрать свои черновые записи к роману «Мироздание по Дымкову», а также продиктовать ряд писем. 95 % записей к роману, разобранных сегодня нами, Леонов сделал на отдельных клочках бумаги, обложках журналов, деловых бумагах. Записи эти порою очень лаконичны, и смысл их понятен лишь ему одному. Например — «подрясник».

— Дьякон может носить подрясник? — спросил Леонов.

— И священник, и дьякон, и дьячок — все под рясой носят подрясник — длинную одежду с узкими рукавами, — ответил я.

Поскольку Л.М. видит плохо, то мне пришлось в течение нескольких часов зачитывать вслух записи, большую часть из которых Леонов по прочтении разрывал на мелкие части. Много осталось «нерасшифрованных» нами записей. Л.М., как видно, делал их впотьмах, проснувшись ночью. Написаны они были совершенно неразборчивым почерком. Иногда удавалось «вырвать» из текста одно лишь слово, но этого

было порою достаточно, чтобы Л.М. реконструировал показавшуюся ему тогда важной мысль.

После обеда Л.М. прилег на кровать отдохнуть и просил почитать ему газеты. Из политических новостей его заинтересовало выступление американского госсекретаря Дж. Бейкера, изложившего перед членами конгресса свои мысли и прогнозы относительно перестройки в СССР. В «Литературной газете» Леонов выделил статью Вячеслава Вс. Иванова (как факт, показательный для нашего времени), в которой автор усердно ратует за статью об антисемитизме в новой Конституции. В.Вс. Иванов персонально «лягнул» в своей статье двух человек — И.Р. Шафаревича и Л.М. Леонова. Леонов сказал мне, что перед выборами в Академии наук Вяч. Вс. Иванов звонил ему и просил поддержки, но Леонов деликатно отказал ему, сказав, что уже обещал одному достойному человеку.

30 апреля

Суббота (28 апреля) была рабочим днем, и я был по просьбе Л.М. в издательстве «Современник», где готовится к печати «Вор» с эпилогом, помеченным автором 1990 годом. С разговора об эпилоге мы и начали с Л.М. сегодняшнюю беседу.

В эпилоге Л.М. расставляет последние акценты и, таким образом, 67 лет спустя после написания «Вора» заканчивает роман, сказав под занавес то, что нельзя было сделать по цензурным соображениям в те далекие годы.

Поделившись с Л.М. своими впечатлениями, я настоятельно рекомендовал ему, чтобы он не сворачивал работу над «Мирозданием по Дымкову» и не увольнял редактора-помощника О.Я. Афанасьеву. Несмотря ни на какие трудности, может статься, что Л.М., отдохнув, летом продиктует несколько важных страничек текста к роману. Во всех случаях О.Я. Афанасьева могла бы все это время продолжать работу по подготовке романа к печати. На Л.М. мои доводы мало подействовали. Он устал от романа, не чувствует в себе сил, чтобы закончить работу и потому нередко напрасно сердачет на Ольгу Яковлевну. Л.М. и сам понимает причины своего неудовольствия. Когда мы пошли гулять, он сказал, что больше всего его бесит слепота. Будь у него глаза в порядке, он непременно бы закончил роман. Ныне же можно полагаться лишь на то, что после его смерти роман попадет к талантливому писателю-редактору и он сможет качественно проделать «подгонку» и «притирку» деталей. Но это все из области фантастики, ибо «двойника» у Л.М. не было и не может быть.

Гуляя, Л.М. поделился своими мнениями о «коммунистической утопии» К. Маркса. Л.М. во многом солидарен с Бакуниным, критиковавшим Маркса за то, что тот считал свою теорию единственно научной и предлагал переделать общество в соответствии с выработанной им схемой. По Марксу, мысль предшествует жизни, а теория — практике. В силу чего Маркс и приходит к выводу о том, что мысль, теория, наука составляют достояние немногих, и эти немногие должны быть руководителями общественной жизни. Бакунин задолго до нашего времени провидел, к чему эти «немногие» приведут общество.

В свою очередь, на долю Леонова выпали задачи средствами художника нарисовать картину обретенного коммунистического Марксова рая.

6 мая

Вместе с И.А. Кольченко мы приехали к Л.М., чтобы получить согласие на включение его имени в состав Совета учредителей Всемирного Русского собора — международной неправительственной организации, призванной объединять русских людей во всем мире. Небесным покровителем Собора назван св. Сергей Радонежский. Леонов согласился в числе других писателей, ученых, общественных деятелей войти в состав Совета учредителей собора, но чувствовалось, что он сомневается в успехе дела. Тогда, чтобы дать возможность Л.М. спокойно обсудить предпринимаемый «организованный» шаг, мы с Колаченко не стали настаивать и оставили вопрос открытым. После ухода И.А. Колаченко мы пошли с Л.М. гулять, и он сказал мне, что перед ним сейчас одна задача — по мере сил и возможности спокойно продолжать работу над романом. Других обязанностей он на себя брать не хочет, да и не может.

Весь вечер ушел у нас на ознакомление с почтой, накопившейся за последние дни. Старый корреспондент Л.М. ленинградец С.М. Тулкин прислал объемистую рукопись в несколько авторских листов, посвященную в основном анализу романа «Вор». Чтение рукописи заняло два с лишним часа. Мы одолели текст в два приема — до и после ужина. Уже было поздно, Леонов устал, но все-таки решил, не откладывая, ответить Тулкину и продиктовал мне почти без переделок следующее письмо:

«6 мая 1990 г., вск.

Дорогой Сергей Миронович!

Большое спасибо за Ваше новое и важное для меня эссе о моей литературе.

По болезни глаз, мешающей мне не только знакомиться с газетами и новыми книгами, но и работать над рукописью, которую я уже не сумею завершить при жизни, статью вашу мне прочел добрый товарищ, и ожил я, ненапрасность рождения своего почуял. Это очень пригодилось мне потому, что в мои годы хочется через зеркало взглядеться в свое лицо и трезво оценить действительную стоимость моих рукописей.

Статья Ваша обладает всеми достоинствами, необходимыми мне для самооценки и укрепления духа, ибо с самого Съезда писателей (56 лет назад) я виновато и укоризненно в отношении к своей работе всегда помнил, в чьих креслах мы сидим. Горькое чувство это, мягко сказать, не слишком вдохновляет на создание эпохального шедевра, но так случилось, что пятьдесят лет назад после скандала с «Метелью» в меня вселилась орава разных людей и духов, которые вот уже тридцать последних лет по-хозяйски утвердись на моем рабочем столе, владеют моим временем, чаяниями и даже жизнью. За это время скопилось больше полпуда исписанной бумаги с уймой разных вставок, поправок, вариантов, а также явных пробелов, длиннот, так что вся надежда моя (как мне довелось недавно написать в одном документе) состоит в том, что когда-нибудь, уже после меня, какой-нибудь терпеливый и способный в нашем ремесле, не очень дальний потомок, пыль веков от моих хартий отряхнув, придаст им читабельный вид. Труд предстоит немалый, так как орава моих персонажей до сих пор живет и галдит во мне, и, проснувшись поутру, мне уже не удастся разобрать свою беглые ночные записи.

При встрече, если состоится она у нас, я расскажу вам подробнее об этом самом затыжном, трудном и главном моем литературном недуге.

Еще раз спасибо за Ваше дружеское внимание ко мне, за потраченное на меня время.

Обнимаю Вас
Леонид Леонов».

9 мая

Утром позвонил Леонов и поздравил с праздником Победы. Мы хорошо поговорили, вспомнили годы войны и то, какой ценой досталась Победа.

В журнале «Огонек» (1990. №19. С. 19) опубликована справка, составленная в 1933 году оперуполномоченным 4-го отделения секретно-политического отдела ОГПУ Н. Х. Шиваровым: «Справка об авторе А. Платонове.

А. Платонов — сын рабочего и сам бывший рабочий, получил незаконченное высшее техническое образование и рабо-

тал в системе ВСХ как инженер-консультант по электростроению. За последнее время работает в тресте точной механики, где как изобретатель электрических весов премирован. На получаемое жалование с этой своей работы Платонов и живет. Литературные доходы были относительно значительны в прошлом, но за последние два-три года он фактически не печатается и никаких гонораров не получает. Живет бедно.

Среду профессиональных литераторов избегает. Непрочные и не очень дружеские отношения поддерживает с небольшим кругом писателей. Тем не менее среди писателей популярен и очень высоко оценивается как мастер. Леонид Леонов и Б. Пильняк охотно ставят его наравне с собой, а Вс. Иванов даже объявляет его лучшим современным мастером прозы.

...Платонов читает свои произведения только своим ближайшим друзьям А.Новикову и И.Сацу и не пускает свои рукописи по рукам».

10 мая

Главным делом сегодняшнего вечера было чтение и обсуждение статьи А.Г. Лысова, посвященной философским аспектам творчества Л.М. Леонова («Апокриф XX века»), опубликованной в журнале «Вопросы литературы» (1989. №4). В ходе чтения я сказал Л.М., что А.Г. Лысов, на мой взгляд, является самым подходящим человеком, который бы мог с любовью и тщанием «вмонтировать» все накопившиеся вставки в роман и подготовить его к печати. Леонов согласился со мной, что Лысов подходящий для этой работы человек, но для того, чтобы осуществить это, надо: во-первых, согласие Лысова и, во-вторых, правительственное решение о переводе Лысова на работу из вильнюсского университета в Институт мировой литературы с предоставлением ему квартиры и пр. Л.М. сказал, что на днях у него был разговор с одним влиятельным человеком о том, чтобы рассмотреть вопрос о романе и, если он нужен, то и создать условия для выпуска в свет (назначение выпускающего редактора и выделение машинистки).

Л.М. повел меня в комнату Татьяны Михайловны и показал все папки с текстом романа и отдельные папки и коробку с текстами вставок, то есть все то, что оставила после своей работы и ухода О.Я. Афанасьева. Сам Леонов из-за болезни глаз сделать эту работу не может, поэтому я, не говоря Л.М., решил попытаться через члена президентского совета писателя В.Г. Распутина организовать соответствующее правительственное решение о подготовке к печати романа Леонова «Пирамида».

Леонов сказал, что если бы ему кто-то помог, то фамилия помощника была бы напечатана «большими буквами» (слова Л.М.). Во всех случаях, как считает Леонов, роман, в принципе, уже сейчас печатать можно. Хотя роман и не доведен до конца, но тем не менее, он может быть «подан» как неоконченный роман. 80 страниц романа отделаны окончательно — это ядро кометы, а остальное — ее шлейф.

Как бы иллюстрируя те трудности, которые встретятся на пути редактора при подготовке романа к выпуску в свет, Леонов привел в пример статью О. Михайлова, опубликованную в журнале «Слово». Даже такой опытный автор допустил неточность, грубо искажающую смысл сказанного Леоновым. Л.М. привел в разговоре с Михайловым старинное арабское изречение о том, что чернила поэта стоят крови праведника, а Михайлов выдал это за слова Леонова, исказив при этом пафос этого древнего панегирика.

Я же для себя еще раз сделал вывод о том, что в своих конспектах надо как можно меньше стремиться передать прямую речь Л.М., так как это неминуемое ведет к возможным «перекосам» и неточностям.

С сегодняшнего дня у Л.М. новая домоправительница, бывшая учительница русского языка Любовь Сергеевна.

3 июня

Прежде чем идти к Л.М. Леонову, я позвонил фотокорреспонденту журнала «Родина» А. А. Шпиневу и пригласил его сделать фоторепортаж о прогулке Леонова. Когда мы вышли с Л.М. из дома, Шпинева был наготове и сделал кроме фотографий еще и телесъемку. Гуляли мы долго, заходили в церковь Симеона Столпника, что на улице Воровского (б. Поварской). В этом храме в начале XIX века (1816 г.) венчался С.Т. Аксаков с О.С. Заплатиной — дочерью одного из суворовских генералов, и в конце века — Ленин с Крупской. Здесь, как рассказывала мне И.Ф. Шаляпина, она заказала службу по умершему отцу, после чего храм был закрыт, а священник арестован.

Войдя в храм, Леонов прошел в трапезную и показал мне место (так, будто он был свидетелем этого), где, распростершись на полу, каялся в своих грехах, истово молился Гоголь.

Шпинева отснял Л.М. на выставке Велимира Хлебникова, развернутой в церкви Симеона Столпника. Помечу особо, что творчество Хлебникова Л.М. ставит невысоко, а тем более такие «закидоны», как «первый председатель земного

шара». После выставки Шпинев представился Леонову, и тот разрешил ему продолжить репортаж. Можно только пожалеть, что у меня не было магнитофона, так как Л.М. интересно говорил об охране памятников, порадовался, что в Москве разрешили открыть еще 22 церкви, в том числе, кажется, и церковь Симеона Столпника.

Дома мы разбирали обширную почту Л.М. Я читал ему письма, открытки с поздравлениями по случаю дня рождения и пр. Закончив эту работу, Л.М. дал мне прочитать письмо (годовой давности) Красимиры Сояновой, племянницы болгарской прорицательницы Ванги. Красимира записала слова Ванги о Леонове, где Ванга предсказывает великое будущее книги. Со слов Ванги, роман Леонова выйдет в 1992 году. Л.М. хотя и сомневался в этом, но не отрицает такой возможности, если правительственным решением будут созданы все условия для окончания работы: назначены машинистка и редактор книги, которые сделают все необходимые вставки, заготовленные Леоновым. Л.М. уговаривал меня не предпринимать никаких шагов, чтобы добиться правительственного решения, но я все-таки настаивал на своем. Пока у меня еще не состоялась встреча с В.Г. Распутиным, но я думаю организовать ее в июне с. г. с помощью В.А. Солоухина и В.Н. Крупина. Распутину не надо долго объяснять значимость работы Леонова, и он, как член президентского совета, может все устроить в лучшем виде.

8 июля

Перед моей очередной поездкой по леоновским местам мы согласовали маршрут: Ленинград (Кронштадт)—Сясьстрой—Валаам—Петрозаводск—Кижы—Беломоро-Балтийский канал—Соловки—Архангельск.

Л.М. подробно рассказал о посещении в Питере мест, связанных с Ф.М. Достоевским. Упомянул о том, как он участвовал в перенесении праха А.Г. Достоевской из Ялты в Питер.

На днях Леонову звонил сын бывшего заместителя начальника по политчасти одной из дорог Кичин. Как сказал Л.М., Кичин-отец — это Курилов в «Дороге на океан». В названии романа, как подчеркнул Л.М., несколько значений — это и всемирно-историческая дорога к заокеанским берегам, и дорога к иным потусторонним берегам.

Л.М. вспомнил свою встречу в баре Нюрнберга (во время процесса на фашистской верхушкой) с американским офи-

цером Джексоном — заместителем гособвинителя США. Когда Л.М. представился Джексону, тот сказал, что в Америке только что вышел роман «Дорога на океан». Американец спросил Леонова, как бы он решил «нюнрнбергскую задачу»? Л.М. ответил, что мы потеряли 20 с лишним миллионов человек, и потому надо казнить фашизм как явление: дескать, нет смысла ловить комаров и каждому в отдельности отрывать голову, и потому правильнее будет, если «нефтевать» все болото, откуда все комарье происходит. «А вот «нефтевать» мы как раз и не собираемся», — с горячностью возразил американец.

— Это был мой самый большой политический разговор, — заключил Леонов.

Сегодня я много фотографировал Л.М. с Натальей Леонидовной и ее семьей. Л.М. рассказывал о своем саде, цветах,, об отдельных, наиболее старых деревьях, посаженных в 30-е годы. Вечер был светлый и тихий, старая липа (посажена в 1935 году) — вся в цвету. Л.М., сидя на скамейке и глядя на залитую закатным солнцем стреху дачи, говорил о том, как быстро промелькнула жизнь, — и вот уже вечер. Если говорить строго, то на этой даче Л.М. работал в основном над «Мирозданием» и переработкой «Вора». Все остальное, начиная с «Дороги на океан» (исключая работу в Чистополе) написано на соседней даче, которую у Л.М. фактически отобрали.

9 июня

Вчера у Леонова был в гостях известный индийский врач д-р Шарма, который лечил и лечит самых именитых людей. Л.М. говорил Шарме об Индии, которая для русских людей всегда была страной тайных, оккультных загадок и пр. Д-р Шарма попросил Леонова показать ему правую ладонь, внимательно осмотрел ее и сказал о его «болестях». Когда Л.М. спросил, знает ли д-р Шарма Вангу, то Шарма признался, что потустороннее ему недоступно.

Сегодняшняя наша прогулка продолжалась долго, и Л.М. признался, что он по такому маршруту (Скатертный, Воровского, пр. Калинина, Столовый пер.) не гулял целый год. Главная тема беседы — о том, что России, как это ни тяжело, придется отказаться от многих устоявшихся амбиций. Леонов считает, что Российская империя долго «не протянет» и вскоре «сократится» до пределов Московского царства.

За ужином я спросил у Леонова, от кого у него талант. «И от отца, и от матери», — ответил Л.М.

Рассказывая об отце, Л.М. прочитал по памяти стихотворение отца «Сыну». Я спросил, как звали его предка по ли-

нии матери — Петрова, портрет которого висит в его кабинете и на которого Л.М. отчасти похож.

— Дорофей, кажется, — ответил Л.М. Точного имени он назвать не смог.

Я спросил, знал ли Л.М. деревенскую жизнь, умел ли исполнять крестьянские работы? Л.М. ответил, что, бывая и живя после училища в Полухине, он приобрелся к крестьянскому труду. Ему сделали маленькую косу, и он довольно прилично косил, участвовал и в молотье цепями. При нем в Полухине умерла его прабабка Анна. Последними словами прабабки были: «Гумно-то не прополото». Уже после ее смерти гумно прополоти, подготовили к молотье, и Л.М. участвовал в этой работе. Встав по кругу, он и его родные (человек шесть) по очереди ударяли по снопам, и Л.М. отсчитывал ритм молотьи: «Та-та-та-та-та-та-та...» Вспоминая детство и отрочество, Л.М. не забыл помянуть добрым словом прабабку. Дескать, добрая была, молочком парным напоит, хлебушка даст...

Л.М. сказал, что на знании деревенской жизни, накопленном в детстве и отрочестве, написаны «Барсуки».

ЦТ передавало ход работы I Съезда народных депутатов РСФСР. Леонов, слушая выступления Б.Н. Ельцина, спросил меня: помню ли я конец «Записей А.П. Ковякина». Я ответил утвердительно. Тогда Л.М. пересказал конец «Записей», как его герой покинул пасмурным осенним днем город Гогулев. На опушке леса он встретил беглого монаха, сидящего на дереве, и спросил его:

— Просвет есть?

— Пришитая борода грядет, — ответил монах.

Свой рассказ Л.М. закончил тем, что сказал, дескать, и Ельцин, и Попов — все это «пришитые бороды». Я к этому ряду добавил и Горбачева. Леонов промолчал, но можно было понять, что и он думает о том же.

15 июня

Во время прогулки говорили о работе I Съезда народных депутатов РСФСР. Надо сказать, что вопросы литературы для Л.М. сейчас как бы даже не существуют, ибо главное внимание его обращено к вопросам экономической, политической жизни страны и, конечно, духовной деградации общества. Особо тревожит Л.М. «озверение» нравов — постоянно поступающие сведения о кровопролитии по различным поводам. Л.М. был и остается твердым сторонником приме-

нения самых решительных мер (вплоть до публичной казни) ко всякого рода бандитам и насильникам.

После ужина я в течение получаса читал Л.М. газеты. Он постоянно держит руку «на пульсе» и по сообщениям судебной хроники делает свои прогнозы о состоянии тончайшей из материй — духовно-нравственном состоянии общества.

18 июня 1990 г., понедельник

Приехал из Загорья, где отмечали 80-летие А.Т. Твардовского. Вчера во время праздника провел для Центрального телевидения беседу с В.Н. Крупиным, о том, чтобы в состав музейного комплекса на хуторе Загорье были включены подлежащие восстановлению церковь в селе Язвино, где крестили всех детей Твардовских, церковь в селе Лахово, где учился А.Твардовский, и церковь с приходской школой в селе Егорье, где талант А.Твардовского был замечен его учителем Поручиковым, который многое сделал для того, чтобы будущий поэт поверил в себя.

Вечером позвонил Л.М. Леонову. Говорили о Твардовском. По Леонову, Некрасов сильнее Твардовского. Леонов сказал, что незадолго до смерти А.А. Фадеев написал письмо А.Т. Твардовскому и порвал с ним всякие отношения. Письмо Фадеева так до сих пор и не опубликовано.

21 июня

Гулять мы сегодня не пошли, так как Л.М. выпил вечером холодного молока и у него болит горло. Говорили о ходе учредительного съезда Компартии России. Леонов выделил посолдатски прямое и неприглядное выступление генерала Макашова, бросившего вызов «гражданам арбатовым, коротичам, собачкам, гельманам, егорам яковлевым» за их безответственное поведение по отношению к Армии и КГБ.

Перед моим уходом Л.М. молча протянул мне бумагу со своим завещанием. Я прочитал и без вопросов вернул его.

— Как называется конец хвоста у коровы, там где утолщение? — спросил Л.М., когда я был в дверях.

Я ответить не мог, но понял, что роман по-прежнему не «отпускает» Леонова.

30 июля

Вчера Л.М. переехал на дачу, а сегодня позвонил мне и пригласил на вечерний чай. Когда я пришел к нему, Л.М. лежал на кровати в кабинете и слушал программу Би-би-си. В последние дни он прибалывает — кашляет. Л.М. считает, что нестабильность в нашей жизни, экономике во многом подо-

гревается и провоцируется заинтересованными силами, еврейскими в частности.

«Кровь Его на нас и на детях наших!» Это дерзкий вызов Богу, и за это предстоит ответить. Таков был итог заключения Л.М. Так что Апокалипсиса не миновать.

По мнению Л.М., движение «Демократическая Россия» — это левое, проеврейское движение, направленное на дестабилизацию и разрушение России.

Л.М. очень заинтересовало сегодняшнее сообщение «Комсомольской правды» об НЛО «Женщина и НЛО». По статистике, 70% контактов с НЛО приходится на женщин. Л.М. высказал мысль: не хотят ли о н и «вывести» новую породу людей?

Продолжение следует